Николай Беляев

Серебряная осень

Annotation

Бывают ли параллельные миры? Да бывают, конечно. И иногда в них настолько всё пошло наперекосяк, что открывшийся "пробой" меж соседними мирами - скорее правило, чем исключение.

А что делать, если никого не трогал, ехал с друзьями на шашлык - и вдруг попал неизвестно куда? Да ещё и чуть ли не в пасть к волкам...

Хочешь жить - умей вертеться. Скучно точно не будет!

- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12. Маша
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Эпилог
- Читателю - от Автора

Серебряная осень

Пролог

Спросите меня, какая из трасс от Питера лучше всего, и я не задумываясь отвечу — «Кола», идущая на Мурманск. Кажется, нет больше ни одной, которая не сквозила бы по многочисленным деревенькам со светофорами, левыми поворотами, ограничениями скорости и ГАИшниками. Возможно, когда доделают «Сортавалу», ситуация поменяется, но когда это еще будет...

А «Кола» просто прекрасна. Встал в левый ряд, втопил сотенку — и через час ты уже на берегу Ладожского озера или на Ладожских каналах.

Правда, пятница в разгар лета — неприятное исключение. Выезд из Питера оказался забит напрочь. Впрочем, часть машин ушла в сторону Невской Дубровки, часть «отвалилась» после пересечения Невы, на Кировск и Шлиссельбург, и к Синявино стало намного свободнее. Хотя в данный момент за рулём был вообще не я — ехали на Женькином «ренж ровере» с аэрографией в виде оскаленной морды волка на капоте.

Женька уже не матерился — скорость увеличилась, можно расслабиться. Ника (вообще-то Вероника, но она предпочитала именно такой вариант имени), Женькина подружка, копалась в смартфоне, а я думал о том, что в багажнике — ледник с двумя ящиками пива и несколько кило замаринованного мяса на шашлык, а мы проторчали в этой долбаной пробке часа полтора. А могли бы в это время разжигать мангалы — партнёры Женьки уже звонили, спрашивали, куда мы запропали.

Куда, куда... Лето и дачное направление. Впрочем, на других дорогах мы бы еще небось торчали в черте города — та же Московская трасса вообще в это время стоит намертво.

— Сейчас бы пивка, — первым не выдержал Женька. В этом здоровенном бугае, далеко за сто килограмм, работающем на ниве продажи айти-оборудования, любителя пива видно было за километр.

— Терпи, — не отрываясь от смартфона изрекла Ника. — Довези нас, а потом делай что хочешь.

— А я вон Серого если что за руль посажу, — мотнул Женька головой в мою сторону.

— А по барабану, — пожал я плечами. — Мне-то что, полчаса ходу осталось.

— Да ну, дотерплю, — отмахнулся приятель. — Щас Кисельню проедем, будет вообще пусто.

Промелькнули дома посёлка на трассе, обшарпанная кафешка с припаркованными фурами, церквушка за деревьями, и «ренж ровер» вышел на очередной прямой участок без ограничений скорости. Машин почти не было, и Женька притопил хорошо за сотню.

— Женьк, не гони, — вяло пробормотал я. На большой скорости машина шла ровно, ничуть не укачивало, но в голове начался какой-то странный зуд. — Смотри, дымом на дороге тянет.

— Опять торфяники небось, — пожал плечами Женька. — Их тут полно.

Зуд разрастался, наваливаясь словно со всех сторон. Голову стало сдавливать. Может, пора завязывать с пивом? Или наоборот — нужно было таки-достать заранее из багажника пару банок? Когда ещё и сорока нет, вроде пока что рано списывать себя...

Автомобиль прорезал полосу дыма, и в голове словно выстрелило. И тут же заматерился Женька — машина подпрыгнула, будто трасса внезапно превратилась в убитую грунтовку, и начала ощутимо заваливаться вправо. Взвизгнула Ника, слышно было, как в багажнике поехал вбок незакрепленный груз, горизонт в окне кувырнулся...

Через сколько я очнулся — не знаю. Грудь ноет — рвануло ремнем безопасности. Крыша... крыша вмята, почти упираюсь в неё головой — значит, машина перевернулась на полный оборот, а то и больше. А вот голова не болит — тьфу ты, вот с какого это было, а?

Женька!

Женька никогда не пристёгивался. Вообще никогда. Сейчас он лежал меж передними сиденьями, навалившись боком на Нику — та, похоже, тоже без сознания, она-то пристёгнута. А вот Женькина голова свешивается так, как никогда не бывает у живого человека... Пахнет кисло, прогоревшими пиропатронами, сработавшие подушки безопасности висят смятыми мешками — когда водитель не пристёгнут, толку от них никакого.

Подкатила тошнота. «Сходил, называется, за хлебушком...»

Я рванул дверь — та послушно открылась. Всё ж крепкая машинка... Трава по колено, вокруг пусто, даже на трассе, сволочи, никто не остановился — всё словно вымерло. Ладно хоть, бензином не пахнет — видимо, умная электроника при ударе заблокировала бензонасос. Обошёл помятую машину, дёрнул переднюю правую дверь, тронул жилку на шее Ники — жива... Грудь поднимается — дышит. Трогать без Скорой нельзя, главное, чтобы переломов не было, или там внутренних кровотечений.

Увидел Женькины глаза — стеклянные. Женька, Женька... как же оно так...

Скорая.

Смартфон, тьфу-тьфу, цел — всё же чехол хороший. Сто двенадцать... Твою мать.

Нет сети. Проклятый сто первый километр! Так, телефон Ники должен быть в салоне — у неё другой мобильный оператор.

Телефон нашёлся под ногами Ники — с разбитым в мелкую сетку экраном. Зараза... И тоже сигнала нет. Ну что ж за день такой, всё одно к одному!

Я прикрыл дверь и, чувствуя, что ноги дрожат, опустился на траву.

Так. Не раскисать! Нике может понадобиться помощь. Остаётся одно — ловить машину.

Встав, я в очередной раз обошёл джип, на этот раз спереди — аварийка меланхолично мигала, видимо, включившись автоматически от удара. Склон у дороги неслабый — вон видна наша колея, прочерченная колёсами на жирной земле, а вон мы кувырнулись... Два полных оборота, получается. На такой-то скорости.

Я еле поднялся на трассу по расползающейся земле... и не поверил своим глазам.

Привычная и всегда ровная как стол «Кола» выглядела так, словно её не ремонтировали по меньше мере лет тридцать. Да что там не ремонтировали — и не ездили! Не говоря уже о том, что она была раза в полтора уже привычного — кажется, и фуры не разъедутся, — асфальт пересекали широкие трещины, густо поросшие травой, кое-где виднелись ямы, а края дороги представляли собой череду расселин и разъехавшихся пластов серого асфальта — вот оно что, в одну такую мы и влетели на огромной скорости.

Но какого чёрта? Где мы?

Несомненно, место то самое — лес вдоль дороги, позади видны мачты ЛЭП, которые мы недавно проехали... но что случилось с дорогой? Прозевали поворот? Но тут нет поворотов, трасса прямая как стрела.

Меня что-то словно дёрнуло — странно так, будто холодком вдоль позвоночника. Оглянулся — и пришёл в себя лишь в машине, захлопнув дверь. Дверь Ники! Чуть не вывернув руку, тоже захлопнул — еле дотянулся изнутри до ручки.

Волки. Три крупных, скорее бурых, чем серых зверя. Странно, я думал, что волки в этих краях намного мельче, размером с овчарку — ан нет, эти мне, наверное, спиной по пояс будут. Стоят уступом с равным интервалами со стороны леса, внимательно смотрят. Повезло, что успел добежать до машины — могли бы и отрезать. Ну и зверюги... и главное, не боятся ничего.

Ну и что теперь делать? Сидеть, ждать помощи? Ничего другого и не остаётся — телефоны не ловят. Воды в машине мало, жратвы — лишь сухарики, но можно добраться до пива, если что. Может, бросить волкам мяса? А толку? Уйдут ли? Ни фига, мимо — это сгодится только, чтобы отвлечь. И Ника скоро очнётся — вот визгу будет. Женька...

При мысли о том, что придётся сидеть в запертой машине с мёртвым Женькой, меня замутило. Так, спокойно! А то в переделки не попадал ни разу. Выкрутимся...

Стоп. Женька.

С определённого момента своей карьеры Женька никогда не выходил из дому без пистолета — разумеется, зарегистрированного по всем правилам. По идее, и я мог себе оформить, но руки так и не дошли — был только охотничий помповик, да и тот остался дома, в сейфе.

А вот у Женьки ствол наверняка с собой. Где?

Брезгливость в таких ситуациях отступает сама собой. Немного повозившись, дотянулся-таки до Женькиного пояса — кобура оказалась там, на клипсе слева, под короткой полой куртки-пилота. Хорошо, что не справа — тогда б точно не добраться, не вылезая из машины и не вытаскивая Нику... Понтовая «беретта 92», обойма всего одна — да и черт с ним пока что, там вроде чуть не полтора десятка патронов.

Пистолет в руках приходилось держать неоднократно, так что с этим проблем нет. Сбросил предохранитель, оттянул затвор — патрон послушно скользнул в ствол, и я почувствовал себя намного увереннее.

Что дальше? И чем мне это грозит?

Чем, чем... Подстрелю волка — штраф. Да и так штраф, ствол-то чужой. Женьке, правда, уже всё равно. Ну... лучше штраф, чем эти твари со мной что-нибудь сделают. Пальнуть в воздух? Может, отпугну? Ника... извини, дорогуша, сейчас не до тебя. Потом будем тебя в чувство приводить.

Я взглянул в сторону леса — и почувствовал, как разом вспотел, а волосы встали дыбом. Сердце гулко бухнуло и упало куда-то в область живота.

Волков было уже четверо, и четвертый... четвертый...

Размером крупнее медведя, светло-серый, с лоснящейся шкурой. А главное — глаза. Точнее, даже не глаза, а взгляд.

Он был... человеческим. Ничуть не взгляд зверя — но при этом взгляд опаснейшего хищника.

Серый негромко рыкнул, и вся четверка медленно двинулась к машине. Трое «мелких» (ну да, мелких, ага) разошлись и пропали из поля зрения, Серый же остался прямо напротив метрах в трёх от машины, отделённый от меня лишь дверью и стеклом. И я мог бы поклясться, что светло-серые прозрачные глаза рассматривают меня... ну, как стрекозу, пришпиленную булавкой.

На дверь обрушился сильнейший удар мохнатых лап — волк прыгнул, вложив в толчок вес тела. Машина покачнулась, с трудом восстановив равновесие, завозилась на сиденье Ника, видимо, ещё не поняв, что происходит, осело сеткой стекло задней двери, в которое пришёлся удар... Я стал палить почти сразу, стекло осыпалось, серая туша метнулась вбок, машину опять тряхнуло.

В разбитое окно ощерилась морда волка — одного из «маленьких». Я выстрелил дважды, и зверь с визгом вывалился наружу. Опять мелькнула серая тень — быстро, очень быстро. Короткая «двойка» — не знаю, попал или нет, в тире с полгода не был... Удар, машину провернуло по часовой стрелке. В окне возникла огромная лапа, толщиной шире моей ладони, рванула — дверь даже не открылась, а, кувыркаясь, вылетела наружу, и я почувствовал себя в кастрюле, которую уже ставят на огонь.

Как страшно... и как глупо. Словно дурной сон.

Сон! Точно, это и есть сон! Разве может быть иначе? Я уснул, разморенный дорогой, и мне приснилась эта хрень...

Ну а раз так — во сне я могу всё, правда?

Пистолет на уровень глаз. Волчара стоит напротив проёма — он ни капли не боится, он уверен, что сильнее. Ему достаточно чуть двинуться — и он выковыряет меня из машины. И через другую дверь не сбежишь — стая явно зашла с тыла.

Я спустил курок — раз, другой, третий. Увидел, как фонтаном брызнула кровь из волчьего глаза, зверь рванулся, машина опять пошатнулась... и откуда-то снаружи ударила короткая автоматная очередь, потом ещё и ещё одна, грохнуло что-то, по звуку напоминающее охотничье ружьё.

Закричала Ника, а я успел выстрелить еще несколько раз, пока затвор не встал на задержку...

А потом — то ли через 30 секунд, то ли через час — кто-то стукнул в уцелевшую дверь:

— Живой? Вылезай... Конечная.

Глава 1

— На сегодня маршрут простой, — хлопнул ладонью по столу Большаков. — Два козелка, шесть человек, сопровождение цистерн с Гидростроя. Через час. Потом — на оперативном дежурстве. Первая машина — Семёнов, Лукин, Плотников. Вторая — Королёв, Тищенко, Волк. Старший — Плотников. От смежников — Соколов. Вопросы есть?

Есть. У меня один вопрос — почему все по фамилиям, а я опять кликухой? Сказать «Волков» ненамного сложнее. Неужто до сих пор из-за того оборотня, которого я завалил по чистой случайности, только лишь оттого, что в Женькиной «беретте» последняя пуля оказалась серебряной? Тогда это «Волк» и привязалось, и уж никак не думал, что надолго... Какой из меня, нафиг, волк? Год уже прошёл, а поди ж ты.

Ника, кстати, потом рассказала, откуда взялась серебряная пуля — когда отошла от шока. Оказывается, у Женьки были чуток снесены мозги на мистике — в начале двухтысячных ему кто-то нагадал, что по его могиле пройдёт нечисть, вот он, едва заполучив ствол, и подсуетился — всегда держал последним в магазине патрон с серебряной пулей. Типа, последний шанс.

Самое смешное, что так и случилось. Кто ж знал, что могилой окажется его же машина — причём неизвестно где и неизвестно когда... Впрочем, когда — как раз понятно, тут был тот же самый 2017-й. А вот где... вопрос отдельный.

— Волк, уснул?

— Нет вопросов, — буркнул я. — Всё слышу, Сан Трофимыч.

— Молодец, — прозвучало как издёвка, кстати. — Всё, оперативка окончена, проверяйте стволы, в оружейку за серебром, принимайте машины в пятом боксе.

Заскрипели отодвигаемые стулья. Комната для оперативок была оборудована в учебном классе местного автопредприятия — как, собственно, и вся база патрульных сил. Удобно, кстати — гаражи, рембаза, все дела, и забором она была обнесена ещё до того, как здесь... грянуло. Сейчас, правда, забор подрос раза этак в два — к тому

же база оказалась двумя стенами выходящей на периметр, так что и сторожевые башни добавились.

Старшим сегодня Пашка Плотников — это хорошо. Крепкий, подтянутый мужик за полтинник, бывший погранец-афганец. Из местных, коренных — не из таких, как я, попавших через то, что тут называют «пробоем». Плотников хлебнул жизни полной ложкой, а потому на рожон не лез и имел чутьё.

— Семёнов, Королёв — за руль, — шагая по трещинам старого асфальта, распоряжался Пашка. — Лукин, Тищенко — к турелям.

Ну ясно, значит, я «на подхвате». А потому выходит, что карабин с серебряными пулями — на мне. Из-за неприличной ценности серебра патроны к автоматике серебром никогда не снаряжали — только то, что стреляет одиночными. Да еще и под отчёт. Ну а как ещё, если даже пистолетной пули хватило, чтобы завалить того волчару — как объяснили потом знающие люди, ионы серебра вызывают у большинства нечисти шок организма и начисто отторгают способность регенерации тканей. А я-то тогда удивлялся, почему волк столь нагло лез на пистолет — да очень просто, раны от обычных пуль у него затянутся через пять минут, а то, что у «свежепровалившегося» может оказаться при себе серебряная пуля, ему и в голову не пришло... Вот удивились местные, нашедшие тогда меня и Нику благодаря выстрелам — пока они гоняли мелких волков, вожак уже издох.

Оттуда и кличка. Фамилия, опять же.

В оружейке нас оказалось всего двое. Сидящий в зарешеченной клетушке дежурный, Александр Иваныч, полноватый мужик в сильных очках, проверил предписания и выдал по две десятизарядные обоймы с маркированными синеватыми гильзами и белёсыми пулями. Вот так. Отстреляные гильзы тоже надо будет сдать, иначе запаришься отчитываться...

«Козелки» сегодня оказались разные — ГАЗ-69А и УАЗ-469 со снятым брезентовым верхом, с турелями и бортами-моторами, обшитыми листами зачарованного железа — простую пулю такая псевдоброня вполне удерживает, если, конечно, не лупить очередями из чего-то серьёзного, типа ПКМ или даже старых АК. Стекло тоже усиленное — пистолетную пулю удержит. А вообще, серьёзная автоматика у изгоев встречается нечасто, а у нечисти её совсем нет — у той другие... методы.

Пашка залез на пассажирское сиденье «шестьдесят девятого», ясно давая понять, которая из машин пойдёт головной. Вытащил из крепления казённый СКС, оттянул затвор, вогнал спецбойму.

Славка Королёв сел за руль УАЗика, я пристроился рядом с ним, закрепил свой СКС в держатель на панели и взял казённый. Открыл затвор, затолкал «серебряные» патроны. На всякий случай посмотрел на зачарованный индикатор на ствольной коробке — светится синим, патроны серебряные. Тут, на Базе, их, конечно, никто не рискнёт подделывать, но... доверяй, но проверяй, это то правило, которое может спасти жизнь. Хотя я потратился и наряду с «береттой» — той самой, Женькиной — уже полгода таскал с собой раздобытый уже здесь ТТ с серебряными пулями. Тьфу-тьфу, всего раз пригодился... но лучше бы вообще ни разу.

Стас Тищенко встал к турели с эмгачом, пристегнул карабин поясного ремня — без него вылетишь из машины в два счета.

Поначалу я было удивлялся, откуда тут немецкие пулемёты — потом, впрочем, выяснилось, что старого хлама, в том числе времён войны, на складах уйма, и МГ-34 раздобыть гораздо проще, чем тот же ПКМ. Разумеется, только для служб типа патрульных сил или боевой группы — в частные руки такой можно заполучить разве что дорого, незаконно и с большим шансом получить пинок за стены — разумеется, уже без пулемёта.

А вот что-что, но за стенами оказываться в одиночку не было особого желания. Если тут есть хоть какой-то закон и порядок, то там — вообще никакого.

Завели моторы, глушители выплюнули клубы вонючего дыма — бензин тут не ахти, что-то вроде пресловутого «семьдесят шестого», более приличный фиг получишь. Везут его в основном с Нефтехима, выше по реке, и тут, как ни крути, эксклюзив у Гидростроя — везут по реке, а приличная пристань есть только у них. По дорогам-то сейчас ни один нормальный человек не поедет — километров семьдесят, да еще с таким ценным грузом... Неееет.

Вот и приходится периодически кататься в Гидрострой — так-то и недалеко, и десятка километров не наберётся. Раньше это вообще были районы одного и того же города, городской автобус ходил, но — не сейчас.

Остановились на проходной, расписались за выезд, и внедорожники, выкатившись за пределы Базы, протряслись по второстепенной и вывернули на Космонавтов — центральную улицу.

Еще там, «в другой жизни», мне приходилось пару раз заезжать в этот небольшой городок — правда, здешняя версия, развитие которой остановилось в критичном восемьдесят третьем, заметно отличалась от привычной. Впрочем, слева точно так же тянулась вереница огромных трёхэтажек ещё довоенной постройки, разве что и справа стояла череда одинаковых деревянных двухэтажек, тоже древних, как какашки мамонта — в том городе, что я видел «у себя», их давно снесли, а тут вполне использовали. Жить можно, а что еще надо...

Сентябрь ещё только начинался, погода стояла тёплая, люди на улицах есть — а вот детей не видно. Занятия в школах уже идут — как ни крути, учиться надо, нынешнее руководство города это быстро просекло. Особенно когда стало ясно, что детишки, народившиеся... «после», отличаются от тех, что были «до».

Выездные ворота находились на пересечении Космонавтов и Партизанской — в стену были встроены пятиэтажки, ограничивающие Вокзальный с этой стороны. Своё наименование поселение получило по вполне прозаичной причине — именно в этой части города когда-то находился вокзал, ныне не действующий за ненадобностью. Выезд был сделан шлюзом — бетонный коридор, в который поместились бы две фуры, ворота на входе и на выезде. По бокам — стрелковые ДОТы, причём поставленные так, чтобы огонь можно было вести и внутрь ограды, и наружу, потасканный БРДМ городской милиции — у них таких всего два, и еще кое-что из брони есть у боевой группы.

И, разумеется, поверху мостки, с которых отлично простреливался коридор-шлюз.

Дежурный милиции вдумчиво проверил документы, бегло просмотрел количество стволов и махнул рукой, чтобы открывали шлюз. Плотников уже начал было материться, когда рядом с ГАЗиком появился белобрысый паренёк на вид лет 20 в потёртой кожаной куртке, с арбалетом в руке — лёгким, из тех, что можно взвести без упора ногой:

— Кто Павел Иваныч? Я Соколов.

— Смежники, чёрт бы вас побрал, — набросился на него Пашка. — Где ты раньше был? Нам весь день тебя ждать?

Паренёк замялся:

— Простите, Пал Иваныч, задержали меня в нашем комплексе...

— Дают школьников, — продолжал ворчать Плотников. — Тебе хоть 16-то есть?

— Мне 22, — насупился Соколов.

— Ладно, иди во вторую машину... Боевые выезды уже были?

— Да. Два. Со старшими.

— Блин. Шагай уже...

Соколов неумело залез в УАЗик на заднее сиденье, захлопнул неподатливую дверцу:

— Здрасте. Соколов, Сергей. От колдовского Колледжа.

Тёзка... Все только коротко кивнули, представляться никто и не подумал. Машины уже въезжали в шлюз.

Соколов сидел как оплёванный. Интересно, чем думало начальство, отправляя в «топливной» колонне желторотика? Нет, понятно, что самому старшему из колдунов сейчас всего тридцать — они ж начали рождаться только «после», но какого чёрта посылать пацана, который пороха не нюхал, будь он хоть лучшим на курсе?

— Идём 30, по возможности 40, не останавливаемся, смотрим по сторонам, — послышался из головной машины голос Пашки. Ворота со скрипом разъехались, впереди открылась разбитая, кое-где подсыпанная гравием дорога, когда-то бывшая продолжением центральной улицы города.

Сорок — это весьма оптимистично. Выезд у меня далеко не первый, и точно знаю, что тут и до 30 не всегда можно разогнаться.

А самое мерзкое — низина Чёрной Речки, на которую выходил Вокзальный своей восточной стеной, была затянута туманом — не сильным, а этакой нетолстой пеленой, и многочисленные корявые деревца Болота торчали из этой пелены, словно вися в воздухе. И это девять утра — нормальный туман к этому времени уже должен бы расползтись, тепло же. Значит, туман... нехороший. Вот как выскочит из него какой-нибудь прыгун... Тварь не сильно опасная, но очень уж шустрая.

— Твою мать, — выругался Славик, и я с ним был полностью согласен. Головная машина притормозила, позволяя встать рядом — тут, на расчищенной площадке, такая возможность ещё была.

— Смотрим в оба, — приказал Пашка. — Колдун, как там тебя... на тебя вся надежда.

— Может, попросить, чтобы «бардак» чесанул из КПВТ? — предложил Лёха Лукин.

— Чесанёт, ага... толку, — плюнул Плотников.

Ну да, толку не было. Даже за то время, что я здесь, туман поднимался трижды. Стрелять в него, конечно, пробовали — но, такое ощущение, любые пули, кроме серебряных, входили в эту вату и словно терялись в ней. Ну а серебром из автоматики не постреляешь — дорого.

— Ничего не чувствую, — пискнул Соколов. Голос-то сел — боится...

— Замечательно, — вздохнул Славик. — Волк, давай уже, страхуй пацана.

Страхуй... От слова «страх». Вместе будем, это... страховаться. Или страхаться. Хотя, если разобраться, обнаруживать нечисть или обнаруживать ауры колдунов учат чуть не первым делом. То есть, если Соколов ничего не чувствует — есть шанс проскочить.

Хреново, что в этом долбаном постапокалипсисе совершенно нет приличной электроники, не говоря уж о джи-пи-эс или мобильной связи. Накрыло их в восемьдесят третьем — задолго до появления не то что нормальных компов, но даже компакт-дисков. Из магнитофонов здесь — разве что кассетники, нормального армейского вооружения на окрестных складах тоже не нашлось. Расцвет Советского Союза... Вот и пожинаем «хвосты». Дедовскими методами, можно сказать.

А ещё мерзко, что в этом проклятом тумане наверняка опять откажет компас, а дальнобойность раций снизится метров до тридцати. Только вот рейс цистерн отменить никто не позволит... Встречать их придётся в любом случае.

Я устроился поудобнее, поставив ноги враспор, проверил застежки кобур с пистолетами. СКС — не лучшее оружие в машине, но зато убойное и ухватистое, потому большинство серебряных пуль делали именно под эти карабины. Кстати, говорят, в казённых СКСах даже затыльники прикладов поначалу делали серебряными — для возможности удара прикладом, но потом выяснилось, что они как-то подозрительно быстро «истираются». Ничего удивительного — один выход, второй, третий — вот и напилил себе серебра, а списать все

можно на износ — материал-то мягкий. Рассказывали, что был жуткий скандал с изгнанием виновных за стены, а затыльники поменяли на обычные стальные.

За стены... Нет, не хочу за стены. Особенно пешком.

ГАЗик ушёл вперёд, мы двинулись за ним на расстоянии метров в 20. Ближе не рекомендовалось после того, как обнаружили новую напасть — самопроизвольное оседание дороги. Последний (не хочу говорить «крайний») раз это было при мне, и прикомандированный колдун клялся и божился, что чувствует присутствие некоего существа, хотя на деле все выглядело как обычный размыв. А грузовик чуть не ухнул... Остаётся одно — внимательность.

Внедорожники вошли в полосу тумана — она оказалась не выше чем по борт, мгла скрадывала землю метрах в тридцати от машин. Плохо — реагировать, если что, придётся быстро. Соколов молчит, а лицо-то напряжённое — такое ощущение, что вслушивается, а воздух вокруг него этой ихней непонятной энергией напитан — того и гляди, затрещит. Неудивительно, что колдуны не носят огнестрела — любое сложное оружие в их руках моментально клинит. Только арбалеты, чаще всего с серебряными или зачарованными болтами. Впрочем, у этого болты явно не из серебра, по цвету видно.

Как башка болит... В этих местах такое часто бывает.

На небольшой скорости переползли Болото, но туман рассеиваться и не думал. Началась Расстанка — понятия не имею, откуда взялось название, видимо, ещё со времён процветания города. Пара пятиэтажек, а потом несколько заброшенных хрущёвок и брежневок окружали нелепое здание котельной с высокой тонкой трубой и трехэтажную школу, а вокруг, широкой россыпью — частные избы с яблоневыми садами. Вроде как сама идиллия, а поди ж ты — никто тут не живёт лет двадцать, если не больше. Сделать этот район частью Вокзального не удалось — мешало Болото, а от других жилых районов — слишком далеко. Вот люди и сбежали со временем — никакой защиты этот район не предполагал.

Ехать мимо домов с тёмными провалами окон с одной стороны и деревьями, ломящимися от яблок — с другой... есть в этом сюрреализм.

— Эх, сейчас бы яблочка, — скорее в пустоту, чем к кому-то обращаясь, протянул Стас.

— Иди, сорви, — съязвил Славик. — Только потом не удивляйся, если тебя от серебра крючить начнёт...

Тут он прав. Этот район оставался заброшенным настолько долго, что явно бы пора завестись чему-то... нечеловеческому. И туман — лучшее тому подтверждение.

Звук двигателей, приглушенный туманом и отраженный стенами домов, казался призрачным.

— Аура зверя, право, три часа! — крикнул Соколов. Идиот, так и заикой можно стать... Хотелось врезать пацану, но тело среагировало быстрее: СКС уже у плеча, ствол МГ тоже уставился туда, куда указал колдун. Арка в доме с магазином на первом этаже. Магазина, конечно, давно нет, огромные витрины разбиты, пятиэтажка щерится выбитыми окнами, в которых в большинстве нет даже рам... А вот арка, ведущая во двор, никуда не делась. И там уже и глазом видно, как ворочается что-то крупное...

Существо повело узкой головой, встало на дыбы — и бросилось в сторону машин с нетипичной для такой туши прытью. Ударили оба пулемёта — и оно, не пробежав и десятка метров, покатилось по заросшим травой газонам.

Знакомая тварь. Тут его называют «медведем», хотя на медведя он похож разве что спутанной грязно-бурой шерстью. Ростом метра в два с половиной, если выпрямится, движется при нападении прыжками — более-менее быстро, но недолго. Питается всем подряд — и листьями, и падалью, не брезгует человечиной. Довольно агрессивный, но в стаях не встречается, потому сильно опасным не назвать. И — ничуть не нечисть.

— Студент, ты не ори больше так, ладно? — исключительно ласково попросил Стас. Любой, кто его мало-мальски знал, мог бы с уверенностью сказать — Стас взбешён дальше некуда. Опасность, если разобраться, была невысокой, а вот адреналинчика-то выкинуло — хоть поварёшкой черпай.

— Я... обязан был... — заикаясь, пролепетал Соколов.

— Стас, забей, — вмешался Королёв. — Пацан и так перепуган.

— Перепуган он... А я не перепуган, чуть в штаны не наделал от этого вопля, — проворчал пулемётчик, но было видно, что он уже начал отходить. — Следи давай! Или чисто?

— Чччисто... Нечисти вообще не ощущаю... — Сергей поудобнее перехватил арбалет.

Слева и справа появились здания школ — с одной стороны серое, построенное в семидесятых, с другой — довоенное, когда-то жёлто-белое, но теперь облезлое и бесцветное, за ним — руины так и не достроенного здания суда и заброшенный корпус районной администрации. Туман почти рассеялся, колдун молчал, и это было странно — обычно в этих заросших кустарником зданиях хоть что-то, да копошилось. Чаще, конечно, мелочь, но сейчас — вообще тишина. Чтобы дорога до Моста обошлась всего одной стычкой, да и та не с нечистью... даже не припомню такого за год.

Голову сдавило, как в невидимых тисках, аж до головокружения, до потемнения в глазах, потом понемногу отпустило — словно затопило, а потом вода неторопливо отхлынула.

Разбитая дорога повернула вправо, в объезд разросшегося парка, сейчас выглядевшего как лес. Из-за деревьев дико торчало ржавое колесо обзора, давая ассоциацию с фильмами про Чернобыль (забавно, а ведь ЗДЕСЬ Чернобыльской аварии и не было — всё рухнуло за три года до неё). Сквозь обильную, но уже начинающую желтеть листву виднелись карусели, еще не распиленные на металл.

Дорога когда-то оканчивалась «ватрушкой» с круговым движением, но сейчас она почти и не угадывалась — просто утрамбованная площадка перед въездом на мост.

Мост видал лучшие времена. Построили его, кажется, в конце шестидесятых, и с тех пор периодически подлатывали — ну а как еще, если это сейчас единственная переправа не по воде. Латали Вокзальный и Гидрострой совместно, соответственно сами охраняли, бесплатно пропускали все официальные службы, ну а со всех остальных — горожан и редких чужаков — брали налог. Вот и сейчас на блокпосту у полукапонира перед мостом стоял БТР-60 с символикой Гидростроя — трубами завода, нарисованными в форме трезубца. Что интересно, сам завод, когда-то выпускавший алюминий, давно уже стоял, превратившись в скопище разных подсобных служб — после того, как из-за прорыва плотины в начале 90-х встала гидростанция. Сейчас гидростанция работала вполсилы из-за низкого уровня воды — кажется, фунциклировали всего два агрегата из шести, энергии хватало вровень на Гидрострой и Вокзальный.

Процедура пропуска была уже отработана, много времени не потеряли. Народу на блокпосту, кстати, довольно много — человек десять. По сути, тут уже начиналась территория Гидростроя, ограниченная рекой и бывшим заводом.

Протряслись по мосту и поехали вдоль реки. Дорога была так себе, но всё же лучше, чем за пределами стен — тут её, по крайней мере, подсыпали щебёнкой. Впереди нелепой громадой возвышались опоры бывшего железнодорожного моста, служившие ледорезами — после того, как гидростанция лишилась плотины, это стало актуально, иначе льдины по весне снесли бы расположенный ниже по течению старый автомобильный мост напрочь. А вообще зимы теплеют, сейчас вроде и неактуально... Поначалу я удивлялся, почему остатки моста не приспособили для переправы, но мне объяснили, что для этого проще было бы построить мост заново — технологии не те, слишком уж велика высота опор и длина пролётов.

Ну ладно. Впереди ещё один КПП — собственно въезд в Гидрострой, но и тут уже патрулируемая территория, можно чуток расслабиться. Это не наше Болото, которое практически под стенами...

На КПП, расположенном у бывшего Водоканала, нас помурыжили серьёзнее, чем на блокпосту — ну это как всегда, колдуны проверяют ауру. Интересно, что они там видят? Хотя, как говорили ребята, процедура стандартная уж лет 10-15 и направлена в первую очередь на то, чтобы внутрь периметра не пробрался оборотень в человеческой форме или ещё какая нечисть. Народ тут пуганый... Тридцать с лишним лет так живут. Поначалу-то, как я понимаю, нечисть весьма проредила, пардон за каламбур, ряды местных жителей — в бывшем пятидесятитысячном городе осталось максимум тыщ пятнадцать жителей — в Вокзальном чуть поменьше, в Гидрострое побольше.

За КПП уже пошла внутренняя территория Гидростроя — даже вдоль реки стена поставлена. Поставили её ещё до того, как начались тёплые зимы — в ту единственную зиму, что я был здесь, ледостава вообще не было. А вот раньше... Берег тут, конечно, обрывистый и высокий, особенно после того как упал уровень воды выше разрушенной плотины, но забор с оберегами — это лучше, чем просто обереги-сигналки. Тем более, что вскарабкаться по обрыву при желании можно.

Пристань в Гидрострое расположена удачно — на месте бывшей спасательной станции, где обрывистый берег отступает от реки. Удачнее всего, что она оказалась выше порогов, обнажившихся после снижения уровня воды — дальше баржи не пройдут при всём желании. Они и сюда-то доползали по сложному фарватеру. Конечно, после того, как вода ушла, пришлось провести земляные работы, но это ерунда — на противоположном берегу сейчас вообще жилья нет, и место нехорошее — не настолько, конечно, как наше Болото, но тоже рассадник. Страшилками про опустевшую деревню Пороги пугают маленьких детей, а в заброшенную воинскую часть, где, по слухам, до сих пор есть чем поживиться, иногда выбираются мародёры, но вот не возвращается никто. Так что, как ни крути, на водный путь с верховий у Гидростроя монополия.

Впрочем, нам не на пристань — груз принимают без нас, и бензовозы традиционно ждут нас на бывшем заводе, у тех его ворот, что ведут в город — в остальном периметр завода со стороны реки выходит на заброшенную промзону, которая хоть и патрулируется, но без особого фанатизма. Местечко из тех, мимо которых на машине проехать можно, а пешком лучше не соваться.

Ехать до ворот Завода — минут десять, не больше, и это с учётом неважных дорог. Вообще странно, почему не выпускать машины сразу с территории завода? Они б выходили прямо к остаткам железнодорожного моста. Но, как оказалось, тёрки в городской верхушке никуда не делись, и пропускать машины через территорию из конца в конец Завод не собирался.

Бензовозы, в количестве трёх штук, уже стояли на Маяковского, у ворот Завода — два ЗиЛ-131, синий и хаки, и Камаз на внедорожных колёсах. Все машины — самоделки, цистерны (похоже, тоже самодельные, сварные) поставлены на шасси обычных грузовиков, а потому машины выглядят топорно и нелепо. Ну, что есть...

Пока Пашка Плотников бегал с документами, водители и стрелки ушли курить — курилка была оборудована метрах в пятидесяти, по причине частого проезда машин с топливом, — и я остался вдвоём с Соколовым — видимо, единственные некурящие. Колдуны, кстати, не курят почти никогда — я за год всего раз видел, чтобы выпускник Колледжа дымил.

Сергей долго ёрзал, оглядывался — видно было, что хочет что-то спросить. Потом решился:

— А вы из другого мира?

Опаньки. И как этот пацан меня так быстро раскусил? Конечно, попавших сюда через «пробои» не так уж мало — наверное, процентов десять из жителей Вокзального, никого ими не удивить, но я как-то не задумывался — бросается ли это в глаза. Неужто бросается?

— С чего ты взял?

Молодой колдун помялся:

— Аура у вас... странная. Раньше такой не видел.

Аура странная? Значит, стервец, проверяет, экспериментирует...

Так, стоп! Что-то не так.

Почему он первый за год, кто задал мне такой вопрос? При том, что я уже полгода как катаюсь с патрульными группами и меня периодически проверяют колдуны на КПП — что у нас, что в Гидрострое, да и в Ладоге я бывал.

Что он видит, чего не видят другие?

Я почувствовал, как на лбу выступает испарина. Может, это какая-то проверка? Краем глаза глянул на пацана — тот поедал меня глазами и явно ждал ответа. Не похож он на засланного... скорее на наивного.

Так, Серёг, расслабься. Будут проблемы — будешь решать.

— Может, ещё у кого из нас такую видел, тёзка? — поинтересовался я, надеясь, что прозвучит с ухмылкой, движением головы указал на курилку. Впрочем, видно, что пацан робеет — если с натяжкой, то он мне в сыновья годится.

— Не, не видел, — мотнул головой Сергей. — Потому и спросить решил.

Вот те на. Из нашей нынешней группы Лёха Лукин — тоже «провалившийся». Причем и провалился ненамного раньше меня — где-то на месяц. Выходит... выходит, что увидел пацанчик ничуть не моё «чужое» происхождение. Вопрос — что?

Но не спросишь же его прямо... Не хватало ещё привлечь внимание кого-то «сверху» — насколько я знаю, колдуны пишут по возвращении из рейда отчёт, который сдают своему куратору. Мне же ещё после «прибытия» сюда потрепал нервы местный отдел безопасности — ладно хоть, эти уже привычны к «пробоям», я не первый и наверняка не последний, — а потом и исследовательский

отдел — есть тут и такой, пытаются вести статистику, изучать закономерности. И их колдуны меня тоже, если что, «просвечивали».

Что увидел Соколов?

— И как это выглядит? — как можно более безразлично спросил я. — В двух словах, для чайников?

Выражение «для чайников», кстати, занесли сюда первые «провалившиеся», лет десять назад — с тех пор оно примелькалось и вошло в обиход — впрочем, скорее среди именно что «провалившихся», «местные» его понимали, но почти не использовали.

Именно потому я его и употребил — показать парню, что он угадал. Секрета в моей «иномирности», конечно, нет — тут этим никого не удивишь, но я уже заметил, что здешняя молодёжь частенько стесняется задавать подобные вопросы.

— Ну любая аура имеет свой цвет, — лицо Соколова посветлело — видимо, понял, что попал в цель, но он опять замялся, видимо, подыскивая слова, — а у вас она ещё это, как бы... искрит.

Искрит? Интересное словечко. Зловредное воображение сразу нарисовало искрящийся нимб. Серж, не мысли о себе слишком много, ты не пуп земли.

— ...А там, после стычки с «медведем», она у вас вообще аж вспыхнула, — подытожил колдун. — Я как раз во все глаза смотрел, ауры искал — меня иии... инструктировали, что место опасное.

Век живи — век учись. Дежурные колдуны для меня (да и для всех, наверное) быстро стали некоей деталью антуража — а учитывая, что чаще всего они помалкивали, специфика их работы «на маршруте» обычно не оглашалась. Получается, они отлично следят за аурами всех, кого видят!

Прокололся пацан? Или специально рассказал? Или в этом вообще нет ничего секретного, просто у меня фантазия разыгралась?

Последний вариант вполне вероятен.

— Из другого, тёзка, — улыбнулся я. — Год уже здесь.

— И... как там? — прозвучало это настолько просительно, что я чуть не рассмеялся.

Любопытство. Обычное, детское почти любопытство. Какой уж тут засланный — у пацана на лице всё написано...

Только что ему рассказать?

Про то, что Питер, Москва и другие города там стоят как ни в чём ни бывало, что там живут в чистоте, без опасности? Что его ровесники проводят всё время за компьютерами, которых тут в глаза не видели? Что можно идти пешком за город, потому что сожрать тебя могут разве что комары, да и то не всегда? Что оружие там — скорее исключение, чем правило, а колдовства и всяких аур вообще нет?

И что туда не вернуться — потому что, как мне пояснили в исследовательском отделе чуть не в первую же неделю здесь, «пробои» открываются редко, хаотично, непредсказуемо, и неизвестно, куда именно выведут...

Я открыл было рот, чтобы отделаться общей, ничего не значащей фразой, но меня выручил вернувшийся Плотников:

— По машинам, рация вторая волна! Волк, вы в голове, мы замыкаем!

Глава 2

По дороге Соколов молчал, хоть я и заметил — поглядывает на меня. Заинтересовался паренёк... чем же таким я его заинтересовал?

Хотя лично мне гораздо интереснее, почему до него этого никто не выказывал. Не замечали? Исключено. Не придавали внимания? Возможно.

А может... может... А может, просто ни разу не происходило ничего экстраординарного?

Мимо. В этот раз тоже ничего не произошло — стычку с «медведем» никак не назовёшь чем-то особенным. И пакостный туман уже не раз видели. Может, познакомиться с пацаном поближе, попытаться его разговорить... аккуратненько?

— В этом месте мне не по себе, — процедил Королёв, крутя руль, чтобы попасть в колею на повороте. — Вроде сколько раз ездил...

Машина громыхнула по мосту над давно заброшенной железнодорожной веткой, ведущей с завода на гидростанцию. Место, и правда, не особо живописное. Слева за деревьями виднеется сама гидростанция, огороженная в два ряда колючкой с наложенным на неё зачарованием, справа как раз началась заброшенная промзона, которую к делу толком так и не приспособили. Вроде и охраняемая территория, а тоже можно пулю получить. Но — не сейчас, шесть стволов, из которых два пулемёта, не считая того, что у водителей бензовозов, вполне способны охладить пыл мародёров или тех, кого называют «изгоями». Вышвырнутых из городов, проще говоря — в таких местах они иногда устраиваются, хоть это и рискованно — можно нарваться на патруль.

Урчали моторы, колонна шла вперёд километрах на тридцати — мы в голове, потом три бензовоза, ГАЗик замыкающим. Солнышко светит, разве что птичек не слышно, хотя прогалина меж нами и рекой довольно густо заросла, не считая того, что растёт по брошенной промзоне. Романтики, правда, ни в одном глазу — хорошо помню, как Игорь получил пулю как раз вот здесь, когда они с ребятами возвращались из поездки на гидростроевский рынок за шмотками...

Так что перед поворотом на мост я почувствовал себя намного увереннее — как-никак, впереди прикрытие.

На блокпосту традиционно проверили документы на груз и махнули рукой — периодический пропуск бензовозов под конвоем был делом привычным. Но вот потом дежурный так сочувственно на нас посмотрел, что...

Что, что. И так всё видно.

Буквально в полукилометре начиналась чуть не сплошная пелена тумана — не тот тоненький пласт, что видели утром, а реально стена.

Пока бензовозы устраивались на площадке перед мостом, ожидая указаний, подкатил ГАЗик, и Плотников распорядился:

— Порядок движения меняем, мы в голове. Соколов, давай к нам, в тесноте да не в обиде.

Ну да, «шестьдесят девятый» все же меньше УАЗика, но Пашка всегда предпочитал именно его из-за совершенно улётной проходимости.

— Маршрут прежний? — на всякий случай спросил я, пока колдун устраивался в головной машине. Вообще жаль, я б предпочёл, чтобы пацан был ко мне поближе, но что поделаешь.

Вместо ответа Пашка поднёс ко рту рацию:

— КПП-один, Колонне-один...

Молчание, одни только помехи. Ну да, с этой чёртовой аномалией от рации толку никакого. Пашка, обернувшись, вопросительно посмотрел на дежурного, но тот лишь развёл руками — у них на блокпосту рация намного серьёзнее наших портативных, но и так все прекрасно знали, что эти помехи забивают и её. А проводную связь через Болото тянуть бессмысленно — всё равно оборвут. Между Вокзальным и Гидростроем-то проводная связь есть — но там она кинута гораздо левее, на опорах древней ЛЭП, которая подаёт электричество от гидростанции в Вокзальный.

— Можно рискнуть по Старой Дороге или через Виковщину, — предложил Королёв.

Те ещё варианты. Старая Дорога идёт немного левее, вдоль бывшей железной дороги, но точно так же проходит Болото, со всеми вытекающими. Вдобавок ограничена кюветами и железнодорожной насыпью, которая тоже своего рода граница, и не из приятных — за

ней целая череда деревень-призраков. Да и туманом скорее всего накрыта точно так же.

Через Виковщину, теоретически, путь спокойнее, и в обход Болота — в Вокзальный придётся въезжать не через западный, а через северный КПП, — но мало того, что придётся делать огроменный крюк по лесу, где, кстати, зверьё есть точно, а могут быть и летяги, и оборотни, типа того, что чуть не сожрал меня... так ещё и дорога там довольно убитая.

— Идём по Старой Дороге, — решил Плотников. — По машинам, дистанция десять, связь визуальная. При обнаружении тварей открываем огонь сразу.

ГАЗик вырулил налево, вдоль реки, за ним Камаз и оба Зилка. Наша машина пристроилась в хвосте колонны.

Хорошо сказал — «тварей». Изгои на этом участке практически не встречаются — выжить тут проблематично. С одной стороны — территория неконтролируемая, с другой... территория неконтролируемая, да ещё и аномальная вдобавок. Никто не слышал, чтобы человек мог к этому приспособиться. Так что если тут и есть двуногое, прямоходящее — скорее всего это та ещё тварь...

По сути, мы едем по тем же самым местам, что и утром — просто объезжаем Расстанку с другой стороны. Не по основной дороге, которая была когда-то главной улицей, а по объездной, на которую выходит разве что сельская застройка. Из крупных сооружений тут только заброшенная телебашня.

Тищенко, не выпуская рукоять пулемёта, с тоской смотрел на яблони вдоль дороги, неприлично разросшиеся и усыпанные мелкими кислыми плодами.

— Собрать бы яблочек. Варенье из них офигенное.

— Кислятина, — отозвался из-за руля Славик.

— Что ты понимаешь...

— Ну и соберись, скатайся, — не выдержал я.

— Через Болото? Добрый ты, Волк...

— Доброго человека Волком не назовут, — философски изрёк Королёв, выворачивая руль — дорога перед бывшим железнодорожным мостом сворачивала направо, уходя перпендикулярно реке вдоль бывшей железнодорожной ветки. Жаль, что путепровод моста обрушен, и обрушен крепко — иначе сейчас

конвой почти без проблем прошёл бы по набережной к южному КПП. Говорили, что выправить его может разве что кран железнодорожного восстановительного поезда, но вот незадача — рельсы вдоль болота были разворованы довольно давно... А потом и кран пришёл в негодность.

Туман стал гуще — тот бензовоз, что перед нами, был более-менее виден, а вот от предыдущего — лишь красные огоньки задних противотуманок. ГАЗик Плотникова не видно в принципе.

Представляю, каково там водителям бензовозов. Для нас эти хохмочки стали нормой — помогают снять напряжение, а они в кабинах в одиночку — ну, понятно, с дробовиками и пистолетами, тут без этого никуда. Еще и несколько тонн горючки за спиной — рехнуться можно. Кстати, бензовозов три, а нас в этот раз отправили всего двумя машинами — маловато.

Справа в тумане проплыла старая кирпичная трансформаторная будка, за ней начался самый натуральный лес, всего в одном месте прорезанный наискосок просекой — кто-то говорил, что она осталась от старой железнодорожной ветки, чуть ли не с войны. Туман навалился, словно ватное одеяло — обочины дороги видно, первые два ряда деревьев — тоже, а дальше — сплошная муть.

Стас вертел головой на все сто восемьдесят с левой стороны дороги, где железнодорожная линия, я — с правой, в сторону леса. Вроде движения не видно — и спереди тихо, значит, тоже ничего не видят. Бензовоз перед нами грузно переваливался на ухабах, нас тоже мотает нещадно — главное, не вывалиться под шумок, если Королёв поддаст газу, ремень безопасности есть только у пулеметчика, импровизированный — он-то вообще на ногах. Кюветы тут нечищенные, края дороги никто не подсыпал, так что экстрим ещё тот.

Как же медленно... Нервы уже на пределе.

Вот справа показался раздолбанный бетонный забор, когда-то огораживающий телебашню. Циклопической ржавой конструкции не видно, всё затянуто.

Так, а это что за фигня? Показалось, или только что был чей-то то ли крик, то ли взвизг?

СКС я вскинул инстинктивно.

— Внимание, вижу движение! Справа, два часа, у пролома!

Стас с лязгом развернул пулемёт:

— Щас мы его...

— Погоди! Погоди...

Фигура была всего одна, и явно не из тех, что ожидал бы здесь увидеть. Я даже поморгал, дабы убедиться, что не почудилось.

К нам, спотыкаясь и падая, размахивая руками бежала... девчонка. Лет двадцать, не сильно старше Соколова, если вообще старше, светло-зелёные волосы растрёпаны, в серой лёгкой ветровке с полуоторванным рукавом, в узких джинсах, не закрывающих даже щиколотки, и — в когда-то белых кроссовках, изгвазданных до потери цвета!

Вот чего-чего, а такой обуви тут никогда не шили.

И орёт ведь что-то, за шумом мотора не разобрать.

— Что за мать твою... — ошарашенно пробормотал Тищенко.

Славик быстро обернулся и снова уставился на дорогу.

— Морок, — коротко бросил он. — Волосы смотри. Стреляй, и всех делов.

Девчонка чуть не кубарем скатилась в кювет — наш УАЗик уже поравнялся с ней, — выбралась на четвереньках, упала...

Открывает рот — не кричит. Неужто правда морок?

Мать твою, да она голос сорвала! То был её крик?

А объяснение может быть только одно. Нетипичная одежда, чужая обувь, одна в этом проклятом Болоте... А зелёные волосы — я там, «у себя» и не такое видел.

Пробой. Так же, как и у меня тогда, год назад.

— Славик, тормозни! — я крикнул и не узнал свой голос. Королёв, не оборачиваясь, мотнул головой:

— Волк, на маршруте — никогда. Стреляй!

Блин, ну как объяснить, что я не могу выстрелить в то, что может оказаться живым человеком, да ещё попавшим в беду, напуганным, и которому можно надеяться только на нас?

А ведь если морок — то вся надежда на меня. Именно у меня СКС, заряженный серебром.

Серебром!

Девчонка начала отставать. Она ещё бежала за машиной, с полнейшим непониманием на лице, беззвучно открывая рот — ехали медленно, по этой дороге иначе не получается.

Запасные вытаскивать некогда, затвор на себя, подхватил вылетевший белёсый патрон, что есть силы метнул девчонке:

— Лови!

Поймала она, похоже, инстинктивно, из последних сил — и, остановившись и держа его в руках, так и осталась стоять на обочине — перепачканная, заплаканная, в этих нелепых кроссовках и курточке, из под которой видна то ли блузка, то ли футболка в цветочек...

— Королёв, тормозни, сука, хоть на пять сек! Можешь просто на первой!

Взвыла коробка, Славик дёрнул рычаг переключения передач — УАЗ рывком замедлил ход. Дальше пошло как в модном — правда, не здесь — сло-мо — не открывая дверцы, переваливаюсь через борт, бегу к девчонке, ору что-то, она в ступоре смотрит на меня, делает шаг навстречу... Хватаю её, переваливаю через плечо — она почти невесомая, не сопротивляется — оступаясь, бегу за машиной, скидываю девчонку в задний отсек, влетаю за ней одним прыжком... Очухиваюсь, когда УАЗик с пробуксовкой набирает скорость и начинает сокращать расстояние за третьим бензовозом. Слышно, как похохатывает Стас:

— Ну, Волк, ты и спортсмен! Два барьера за десять секунд... А я думал, ты только пиво жрать горазд!

Славик, не отрывая взгляда от дороги, протягивает мне СКС, так и брошенный мной перед тем, как выпрыгнуть из машины:

— Серый, я никому об этом не скажу, но с тебя минимум ящик беленькой.

Я же сижу в углу заднего отсека, под нависающей задницей пулемётчика, и не понимаю, что это было. Девчонка сидит, забившись в угол напротив меня — как это можно сделать в этом узком УАЗовском «багажнике», который и мне-то в бёдрах жмёт, уму непостижимо... В кулаке её всё так же зажат мой СКСовский патрон. Серебряный — значит, к нечисти она не имеет ни малейшего отношения...

— Что это... — я скорее почувствовал, чем услышал: девчонка говорит шёпотом, почти одними губами.

— Добро пожаловать, — попытался сострить я, чувствуя, как лицо выворачивает в гримасу. Представляю, каково ей — просто шла,

небось, по улице, и тут нате... Пробой, как есть пробой. Давно, или только что? Скорее всего, максимум полчаса — дольше тут не выжить.

Ход замедлился. Что-то случилось?

— Вон там, — она, словно не слыша меня, вытянула руку, указывая мне за спину. Какого чёрта... Держа правой рукой СКС, перевернулся на колени, металлический пол больно долбанул по косточкам... И в следующее мгновение уже шарахнул быстрой «двойкой» — номерные гильзы отлетели куда-то вбок, на дорогу, да и чёрт с ними! Сбитая в прыжке тварь размером с крупную собаку рухнула в грязь, её гладкая шкура быстро покрывалась нарывами — от серебра, конечно... Прыгун, опасная зараза, укусит — месяц из больницы не вылезешь, хорошо хоть, редко встречаются больше чем по паре...

Машина встала рывком. Бензовоз... тоже встал. А вот это хреново, у нас явно проблемы...

Грохотнул эмгач, из головы колонны донёсся стук ПКМа — и хорошо было видно, как справа, во мгле Болота, ворочается что-то крупное. Неужто водяной? Уже пару месяцев о них не слышно было. Здоровая, неповоротливая туша, но силищи неимоверной, для такого столкнуть с дороги бензовоз — раз плюнуть. Причём не нечисть, серебро не берёт. Главное — не жрёт ведь людей, и бензин ему на фиг не сдался, просто защищает территорию.

Громко хлопнуло, сквозь мглу неярко блеснуло разрывом. У ребят гранатомётов нет, они положены только боевой группе. Неужто Соколов? Ай да пацан, зря его недооценили. Раздался утробный рёв — точно ведь водяной, его перекрыла длинная очередь Тищенко:

— Отправляйся, падла, в свою Валгаллу, там тебя русалки ублажат!

Хорошо, что карабин был вскинут, хотя второй прыгун возник гораздо правее — сзади, с дороги. Поймал его тоже влёт, но уже перед самой машиной. Две пули ушли в молоко, достала лишь третья.

Бензовоз впереди медленно тронулся. Что там происходит? Еле ползём...

Так, в СКСе четыре патрона. Дозарядиться? Некогда. Потянувшись, расстегнул клапан на кобуре с «береттой».

Колонна ползла мучительно медленно, опять встала. Блин, как же плохо в этом проклятом тумане и без связи!

Опять поехали... Ах вот оно что — разбитую, когда-то асфальтовую Старую Дорогу преграждает канава, и не просто канава — канавища. Сходу такую не проехать — вот и бензовоз перед нами тормознул, грузно накренился, наискосок въезжая в яму, взревел двигателем, медленно выбираясь из неё... Был бы не повышенной проходимости — тут бы и остался. Умные люди собрали для бензовозов всю полноприводную технику... на другой сейчас за городом делать нечего.

Тищенко ещё раз полоснул длинной очередью — благо ленточное питание пулемёта позволяет... Готов водяной, или как? Вот откуда они, скоты, лезут? Тут ведь и в помине нет ни выхода в реку, ни чего-то подобного... Подземные источники? Или эта чертовщина лезет откуда-то, что вообще не имеет с нашим миром ничего общего?

По эту сторону канавы остался лишь наш УАЗик, и, едва Славик начал осторожно съезжать вниз, как появилось сразу два прыгуна — причём, такое ощущение, появились они прямо рядом с машиной.

Я еле успел вырвать «беретту» — и правильно сделал. Серебряные пули валят прыгунов на раз, обычных же им нужно три-четыре — правда, если попал первой и сбил прыгуну его атакующий прыжок, то дальше уже проще. С карабином развернуться не успел бы — это влево легко повернуть ствол, а вот вправо — увы... Первого сбил на лету — тварь, завизжав, плюхнулась на землю, второго встретил ударом ноги — вроде не успел укусить, отлетел, прыгун сам по себе не особо тяжёлый. Выставив руку с пистолетом за задний борт, дострелил обоих, потратив чуть не всю обойму, и еле успел ухватиться за скобу на борту — УАЗик пополз вверх, из канавы. Сердце колотилось так, что того и гляди выпрыгнет.

Девчонка сидела — ни жива ни мертва, на лице ни кровинки, словно это не лицо, а белая гипсовая маска.

Машину опять швырнуло — вроде выбрались, из-под колёс вылетел фонтан грязи — Королёв поддал газу. Габариты бензовоза перед нами были уже метрах в тридцати — набирает скорость, значит. Ну ничего, скоро поворот, а там и Стена — надо будет, поддержат огнём, напротив Старой Дороги есть пулемётное гнездо.

Есть, поехали... Я, стараясь унять дрожь рук, выщелкнул обойму, вогнал целую, дослал патрон. Две пары прыгунов — это что-то

новенькое. И ведь атаковали без визга, как обычно... Как же удалось справиться?

— Все живы? — полуобернувшись, крикнул Славик.

— Не дождётесь, — буркнул Тищенко.

— Вроде, — просипел я. Девчонка — та вообще просто кивнула в пустоту, словно не в ответ на Славкин вопрос, а отвечая самой себе.

Девчонка.

Именно она обратила моё внимание на первого прыгуна. Если бы не её жест, я бы мог не успеть среагировать.

Так что... Не то чтобы я теперь должник, но с меня причитается. Хотя... будем называть вещи своими именами — если бы я не выпрыгнул за ней, она бы так и осталась на дороге. А прыгуны — им всё равно, напасть на машину или на одинокого человека.

Всё сложно, короче.

Машина, завывая, пошла вверх — значит, мы почти у самой Стены, сейчас будет поворот. Практически дома...

Дома.

Туман окончился внезапно, оставшись позади, словно мутная стена, из которой наполовину торчало брошенное здание бывшей пожарки. Это ж насколько туман подошёл к Стене? Однако...

— Колонна, Колонне-один, — ожила рация. Ну отлично, головная машина уцелела.

— Колонна-один, Бочка-один, цел, ранен.

Значит, водилу первого бензовоза чем-то зацепило... Будем надеяться, дотянет.

— Колонна-один, Бочка-два, пробито колесо, на ходу.

— Колонна-один, Бочка-три, в порядке.

— Колонна-один, Колонна-два, в порядке, — наклонился к рации Королёв. — Паш, у нас прибавление, подобрали человечка.

Молодец Славик. А мог бы и слить меня — даже правильно, если бы так сделал. Впрочем, радоваться рано, впереди ещё разбор, да и Стас может свои пять копеек вложить... Ладно, что толку накручивать себя. Как сказал кто-то умный ещё там, в прошлой жизни — беспокойство не решит твои проблемы завтра, но испортит твой день сегодня.

Рация удивлённо хрюкнула, потом донёсся голос Плотникова:

— Колонна-два, понято, на КПП поговорим.

Машины при нормальной видимости пошли ровнее — было видно впереди, как побалтывает второй бензовоз, лишившийся колеса. Слева тянулась полоса домов вдоль бывшей Партизанской, превращённых в Стену — с заложенными окнами нижних этажей и проёмами меж домами, запечатанными бетонными плитами.

Туман отступал всё дальше — наискосок. Такое ощущение, что именно Старую Дорогу он накрывал сильнее всего. Вот так... не угадаешь. А туда доехали без приключений.

Девчонка, чуть повернувшись, смотрела на разорённые дома, и на лице её был даже не страх или сожаление — смертная тоска.

А ведь это — её город, некстати подумал я. Скорее всего, она именно здесь прожила всю свою недолгую жизнь, и для неё смотреть, во что город превратился — всё равно что серпом по... по одному месту. Мне-то проще, я питерский. Хотя сложно осознать, что Питера больше не существует... причём вообще.

— Как зовут-то? — я тронул девчонку за колено, чтобы привлечь её внимание. Получилось грубовато, но девчонка, кажется, этого и не заметила.

— Маша, — отозвалась она, не глядя на меня.

— Празднуй день рождения, Маша, — отозвался из-за руля Королёв. — И Волку спасибо скажи.

Спасибо... Вот не знаю, что лучше — там и сдохнуть или начать новую жизнь на этом пепелище.

Глава 3

КПП прошли на удивление быстро. Бензовозы почти сразу ушли в сторону Депо — на нефтебазу, нас ещё чуток помурыжили — как-никак у нас «найдёныш». Впрочем, процедура уже была отработана — Маша далеко не первая и, судя по всему, не последняя...

— В управу, там разберутся, — наконец резюмировал дежурный милиционер. — Сопроводите, у нас некому.

Девчонка явно ещё не отошла от шока — реагировала медленно, ничего, кроме имени-фамилии, назвать не могла. На КПП, кстати, аж вытаращились на её зеленоватые волосы — хотя в спокойной обстановке хорошо было видно, что это просто покрашенные пряди. Ну да, тут-то всё остановилось в восьмидесятых, откуда местным знать про молодёжную моду конца две-тыщи-десятых...

В ладошке она так и сжимала мой серебряный патрон.

— Поехали, — распорядился Плотников. — Волк, доведёшь её до управы, твоя крестница. Потом пёхом на Базу.

Ну прекрасно, чё. Хотя... взялся за гуж — не говори, что не дюж. Раз уж не бросил её там — расхлёбывай, Сергуня. Радуйся, что девчонке хуже, чем тебе.

Тьфу ты, что за ерунда в голову лезет. Радоваться такому я почти сразу отучился — когда понял, куда попал.

Соколов подошёл, когда я уже был в машине — ну да, он-то возвращается в свой «офис», на нашей Базе ему делать нечего. С большим интересом смотрел на девчонку — ещё бы, наверняка впервые узрел подобное чудо... И, наклонившись ко мне, шепнул:

— Перед тем боем, в тумане, с вашей стороны опять сверкнуло. Так же...

Он говорил ещё что-то, но Славик уже газанул, и остаток фразы утонул в рёве двигателя.

Вот те на. Это что, получается, он видел опять вспышку моей ауры? Причём такую, что она просматривалась даже во мгле? Или он видел что-то ещё? М-да, всё чудесатее и чудесатее... Надо бы при случае расспросить паренька — в принципе, это не сложно, живёт он наверняка где-то в городе.

Девчонку посадили сзади, и она продолжала сидеть, как кукла, глядя куда-то сквозь меня. Все молчали — о чём говорить-то? Рейс, если разобраться, был рядовым — и даже без жертв.

Королёв тормознул напротив поворота к городской управе:

— Вылезайте, приехали...

— Ребят, карабин мой заберёте, — я показал на укрепленный в держателях мой СКС. Казённый, с серебром, повесил на плечо — вообще по городу с длинностволом никто не ходит, но мне сейчас можно, я на работе. Открыл заднюю дверцу УАЗика: — Пойдёмте, Мария Батьковна...

Маша аж встрепенулась, словно стряхивая с себя одурь:

— Где я?

— Всё там же, — пробурчал от пулемёта Тищенко. — Давай, вылезай, нам некогда.

Девушка опасливо сползла с потёртого сиденья из кожзама и лишь вздрогнула, когда машина отъехала.

Глаза сухие, но видно, что её опять вот-вот начнёт трясти.

— Спокойно, Маша, я Дубровский, — блин, вот нафига мне это, а? — Пойдём, там тебе всё расскажут. Врачи там есть, психологи тоже. И, кстати, патрон отдай. Мне за него отчитываться.

Глаза девушки расширились, и она только сильнее сжала кулачок.

— Ладно, не хочешь — оставь себе.

Отбрехаюсь как-нибудь. Да можно и правду сказать, потом спишем расходник... Ну как её заставить реагировать-то, а? Так и будем стоять? Славик мог бы и ко входу подвезти, там бы дежурные помогли...

— Я умерла? — наконец выдавила из себя девчонка. — Это... ад?

В корень зрит. Хотя...

— Если сейчас пойдём вооон к тому дому, — я кивнул на здание городской управы, едва видное из-за разросшихся деревьев, — я тебе кратко всё расскажу. Согласна?

— Согласна, — сказала обречённо, словно в воду бросилась.

Я перешагнул через лужу — дорога подсыпана щебёнкой, но в колеях после дождя вода всё равно собирается. Подал руку:

— Давай сюда... Какой сейчас год?

— Две тысячи семнадцатый...

— Ну вот. Год тот же, а мир другой. Как это... параллельный.

— Так разве бывает?

— Бывает, только не все верят, — машинально ответил я фразой из мультика, и увидел, как она вздрогнула — значит, тоже смотрела. — Бывает, увы...

— И... как же так? Что должно произойти, чтобы всё стало... таким?

— Ядерная война, — просто ответил я. — Тридцать с лишним лет назад. Питера, Москвы, других крупных городов просто нет. Этот городок сохранился — по нему не было ракет.

— Я не маленькая, читала про ядерную войну, — почти спокойно сказала девчонка, перешагивая своими испорченными кроссовками через полосу грязи. — Те, по которым вы стреляли — мутанты?

— Нет. Нет... Хуже — нечисть.

— Как так?

— А вот так... Похоже, никто такого не прогнозировал. Всемирный катаклизм, одновременный массированный ядерный удар по половине земного шара. Как я понимаю, смоделировать такое невозможно — особенно тогда, в восьмидесятые. Что-то где-то сместилось, то ли связи между реальностями порвались, то ли ещё что... В этот мир хлынула нечисть, так что сейчас тут смесь постапокалипсиса, — девчонка удивлённо воззрилась на меня, явно услышав знакомое слово, — ...и страшных сказок на ночь. За три десятка лет что-то устаканилось, что-то нет. Люди — живут. Но только в таких вот цитаделях, про одиночек за стенами мало что слышно.

Вот так, Маша. Вот тебе краткий курс новейшей истории — почти точно так, как его год назад преподнесли мне.

— Компьютеров нет, — продолжал я. — Мобильной связи, спутников, джи-пи-эс — нет. Радио на большие расстояния не работает, какие-то искажения в атмосфере. Дорог почти нет. Большинство перевозок в наших местах — по реке. Что уцелело в мире — толком никто не знает.

— Мрак, — пробормотала Маша.

— Мрак, — легко согласился я. — Зато практически все, кто родились уже после войны, получили паранормальные способности. Их быстренько окрестили «колдунами» и начали феномен изучать. Так что поздравляю — ит’с мэджик тут присутствует, дорогая моя.

Девчонка вдруг резко остановилась, внимательно посмотрела на меня. Надо же, а взгляд-то почти нормальный — неужто в себя приходит?

— Стоп, — она прищурилась, что вкупе с её хаотичной причёской смотрелось весьма своеобразно. — Что-то вы говорите совсем не как тот, кто застрял в восьмидесятых!

Бинго, дорогуша. А девчонка не дура, быстро сложила два и два. Ну, я и сам постарался — специально перечислил всё, что ей должно быть знакомо.

— А мы с тобой коллеги по несчастью, — я поправил на плече ремень карабина. — Тоже попал в «пробой», как и ты, только год назад...

— Пробой?

— Дыра между измерениями, — пояснил я. — Не спрашивай, сам не знаю, как оно работает. Знаю только то, что мне самому рассказали... Заходи уже, пришли.

Городская управа, резиденция городского Совета, располагалась в старом здании — кажется, построенном ещё до Великой Отечественной (слово «довоенный» тут в целом имело несколько иной смысл). Вроде раньше здесь был то ли техникум, то ли общага техникума, и здание сохранило чисто советский, если не сказать «сталинский» колорит — длиннющие коридоры и просторные комнаты, большинство из которых были разделены деревянными перегородками на небольшие кабинеты. Кстати, большинство городской «верхушки» жило по соседству — в здоровенной П-образной сталинке, построенной примерно в то же время.

— Вроде тут налоговая раньше была, — оторопело прокомментировала девчонка, осматриваясь в просторном, недавно отремонтированном холле — с пожилым вахтёром в застеклённой будке и грубоватыми турникетами, но, конечно, без электронного доступа. Справа красовалась доска объявлений, слева стоял ряд старых деревянных кресел, притащенных то ли с вокзала, то ли из ещё какого-то «присутственного места».

Налоговая? Каждому своё. Небось в процветающем городе за последние тридцать лет тут чего только не было...

— Волков, База патрульных сил, — представился я вахтёру. — У нас новенькая, из «пробоя».

— С первого КПП уже звонили, — солидно отозвался вахтёр, пожилой дяденька с обвислыми усами и носом-уточкой. — Веди в восьмой кабинет, второй этаж, направо.

Мог бы и не говорить, я этот кабинет на всю жизнь запомнил — год назад меня, едва отошедшего от шока, тоже привели именно сюда — по дороге влив чего-то крепкого. Что ни говори, повезло, что на меня тогда наткнулись Охотники — ну, как «наткнулись», услышали мою пальбу, благо были недалеко, возвращались из рейда. Вожака-то я тогда завалил, а вот три остальных волка, если что, вполне успели бы меня порвать, хоть при гибели вожака стая, независимо от размера, и теряла большую часть своего гонора...

В коридоре второго этажа слонялось несколько человек, но у дверей «восьмерки» вполне ожидаемо никого не было. На двери под цифрой «8» красовалось табличка «Приём гостей», скорее всего позаимствованная в какой-то гостинице или вроде того и прикрученная сюда просто ради прикола — причём недавно, год назад её ещё не было.

По привычке постучав, я сразу дёрнул дверь:

— Можно? Волков, с новенькой.

— Заходи.

В кабинете был Хорошин, мужик лет пятидесяти, больше похожий на работягу, чем на конторскую крысу — меня в своё время тоже он принимал. Всё тот же потёртый пиджак сидел на нём как на корове седло.

— Здрасте, Пал Степаныч. Вот, привёл.

— Здоров, Волк.

Тьфу ты, и он туда же. Ну а как ещё — он, собственно, первым это «Волк» и выдал, когда услышал мою историю. Ладно хоть никто пока ещё не додумался называть «Серый Волк».

— Заходите, садитесь. — Хорошин поднял трубку внутреннего телефона, дождался ответа, бросил коротко: «Они у меня», после чего сделал широкий жест рукой, указывая на деревянные стулья напротив массивного старинного письменного стола. Маша, оглянувшись на меня, осторожно присела на краешек — стулья были мощными и ничуть не эргономичными.

— Я пошёл, — ткнул я пальцем через плечо. — Ещё до восьми дежурю.

Павел Степанович мельком бросил взгляд на настенные ходики — они показывали начало четвёртого — и замахал руками:

— Садись, садись. Ты нам тоже нужен, как свидетель. Большакова я уже предупредил.

Ага, предупредил он... Выскажет-то потом Большаков мне. Вдруг что срочное — а в группе минус один человек.

Видимо, на моём лице это ясно отразилось, потому что Хорошин сказал:

— Садись, не выпендривайся. У вас всё равно в это время планового ничего нет.

Да мне-то что... Я опустился на стул, постаравшись устроиться как можно удобнее, карабин демонстративно прислонил к столу.

Степаныч мельком покосился на СКС, отошёл к столику у стены, накрытому клеёнкой, воткнул в розетку электрочайник — разумеется, не привычный мне пластиковый, а здешний, потёртый алюминиевый, по сути кастрюлька с носиком и встроенным кипятильником. Всё равно шик — электричество использовать для чайников могут себе позволить далеко не все. Мы в дежурке, например, на печке кипятим — конечно, торфяная ТЭЦ на базе бывшего депо выдает электроэнергию, но не то чтобы Вокзальный её особо разбазаривал. Да и большая часть идёт на производства — даже при том, что КПД ТЭЦ заметно поднят выпускниками Колледжа.

Сидящая напротив меня Маша с интересом наблюдала за манипуляциями Хорошина. Начинает осваиваться? Дай-то Бог... По крайней мере, безразличия во взгляде уже нет — значит, начинает отходить. Терпи, девочка, сегодня тебе весь остаток дня будут мозг выносить — кто ты и откуда...

Без стука вошли двое. Одного, лет сорока, в накинутом на плечи плаще, я знал — Каращук, из отдела безопасности при Управе, обычно он «собеседует» прибывших. На поясе кобура с традиционным «хай пауэром» — интересно, ему хоть раз стрелять из него приходилось? Второй, низкорослый, на вид лет тридцати, с большими залысинами, незнакомый — скорее всего, колдун.

— Привет, Волк, — поздоровался Каращук. — Тащишь за собой кого-то?

Вопрос риторический... Маленький тоже подал руку:

— Андрей Шнайдер, от Колледжа.

Ну да, колдун... Уже начинаю их распознавать, за год-то.

— Сергей Волков, база патрульных сил... Да, привезли с рейса. За Болотом подобрали, у телебашни.

Каращук, рассматривая девушку, хмыкнул:

— Ну и чудо... Что там у тебя в руке?

Маша, глядя на него, как кролик на удава, медленно разжала ладонь. Безопасник удивлённо повернулся ко мне:

— Это что? Ваш, с Базы?

— Ну а как распознать нечисть без серебра? Бросил ей, нормально поймала — значит, свои... Ехали медленно, дали ей себя догнать, погрузили в козелок.

— Хм... умно. Не думал, что такой простой способ есть... Как зовут? — это уже девушке.

— Маша...

— Ну, рассказывай, Маша, радость наша...

Девчонка поначалу терялась, рассказывала сбивчиво, но потом более-менее освоилась — тем более, что и Хорошин, и Каращук сидели с видом заинтересованных добрых дядюшек.

Всё оказалось банально. Мария с другом Алексеем тихо-мирно шли по улице, идущей от школ к телебашне — в их мире это вполне ухоженная дорога в спальном районе с кучей новостроек вокруг. Почему они там оказались в студенческом возрасте в учебное время — никто и не поинтересовался, даже Шнайдер не выказывал заинтересованности — а ведь наверняка сейчас следит за аурой девчонки на предмет откровенного вранья. Потом словно потянуло дымом, сдавило голову — и они оказались в нашем тумане. Вдвоём.

Разумеется, испугались, про другой мир никому и в голову не пришло — что неудивительно. Как выяснилось — Лёшик вдобавок иногда баловался «травкой», и у него снесло крышу. Услышал шум мотора — или подумал, что услышал, и ломанулся обратно, в сторону школ. Больше Маша его не видела.

Вообще ничего странного — шли по асфальту среди новостроек и вдруг оказались на грунтовке, окружённой разбитыми деревянными домами... у кого угодно нервы сдадут.

А вот у Маши не сдали. Или сдали, но своеобразно — потому что она не побежала, а спряталась в полуразрушенном деревенском доме. Ну это для нас — идиотское решение, а для неё-то логичное — крыша,

вроде как защита... Просидела там какое-то время, потом обдумала, решила идти дальше, благо дорога-то есть. Вышла к ограде телебашни, опознала место, поняла, что вокруг её собственный город, но разрушенный. Чуть не впала в прострацию, но услышала непонятный шум и спряталась в руинах. Было очень плохо, перед глазами темнело. Казалось, что вокруг ходил какой-то зверь, но внутрь не зашёл.

Потом услышала шум моторов, совсем рядом, на Старой Дороге. Когда выбежала — мимо неё шли бензовозы. Позвала на помощь — реакции нет, завопила, сорвала голос, побежала вдогонку, выбежала к нашему козелку...

Вот тут я напрягся, и сильно. Скажет, что я остановил машину ради неё?

Не сказала. И даже не подумала об этом — заминки не было, колдун бы заметил...

Хотя, думаю, всех больше заинтересовал некий зверь, который ходил вокруг, но не напал... Что-то новенькое. Хотя, чего только не бывает. Маша на моей памяти первая, кому удалось выжить так близко от Болота. Хотя, сколько она там была? Полчаса...

— Который был час, когда вы попали в пробой? — вежливо поинтересовался Каращук. Вот, о том же подумал.

Девчонка машинально взглянула на часики — псевдо «хэнд-мейдные», с кучей фенечек и шнурочков, голимый Китай.

— Около десяти.

Чушь какая. Подобрали мы её в третьем часу. Десять... Десять — это примерно то время, когда на нас бросился «медведь». Это что — она выжила там четыре с лишним часа? Фантастика.

— А к вам она вышла?... — безопасник не закончил фразу, но и так всё ясно.

— Около четырнадцати, точно не знаю, на часы не смотрел, — сказал я.

Краем глаза увидел, как Шнайдер едва заметно прикрыл глаза. Точно, проверяет на ложь.

— Фантастика, — протянул Каращук, словно прочитав мои мысли. — Степаныч, ты хоть раз слышал о таком?

— Первый раз, — пожал плечами Хорошин. — Четыре часа на краю Болота... Или у кого-то глюки, или Мария в рубашке родилась.

«Глюки». Нахватался уже словечек от провалившихся — не местное слово-то.

Маша настолько ошарашенно переводила взгляд то на одного, то на другого, что безопасник пояснил:

— Вы, Мария, по всем правилам не должны были прожить больше получаса. Место... нехорошее. — Он помолчал. — Хорошо, что ребята вам попались. Ладно, Степаныч, наливай чай, с Марией ещё побеседуем. Сергей,.. — а это уже мне, — ...можешь идти, скажи своим, чтобы копию твоего отчёта нам переслали.

Вот и всё — пинком под зад. Им явно нужно было посмотреть мою реакцию на то, как и когда подобрали Машу.

А дальше — всё ясно. Сейчас повыносят ей мозг — что видела, что слышала, потом отправят в исследовательский отдел — выяснять про мир, из которого она сюда попала... а он не обязательно тот же, из которого попал я — вот что-что, а теорию множественности миров тут понимают намного лучше, чем «у нас», поскольку всё на ней построено. Затем выяснят её ценность для Вокзального, ну и в лучшем случае — пристроят куда-нибудь. Я вон с полгода работал в Депо, на производстве, пока на Базе патрульных сил вакансия не подвернулась... Опаснее, конечно, но и денег больше, да и сутки через трое. И жильё служебное.

Хотя вот чего-чего, а жилья тут навалом — отличается лишь уровень комфорта. Идеально — когда у дома своя котельная.

Ладно, это уже лирика. Я встал, закинул на плечо карабин. Встретился взглядом с девчонкой — вид у неё вроде уже не такой затравленный, — подмигнул:

— Не дрейфь, Маша! Жизнь только начинается.

Ушёл не оборачиваясь, но почему-то казалось, что именно Маша смотрит мне в спину...

Глава 4

Самое начало пятого — времени до окончания смены ещё уйма. Быстро уложились.

Я шагал по тротуару в сторону Базы — тут недалеко, минут десять ходьбы, не больше. Погода разгулялась — уже не то что тепло, а жарко, особенно в кожаной куртке. Впрочем, куртка непростая — купил я её, когда устроился на эту работу, приличные деньги отдал. Зато усилена зачарованием, как и борта наших машин — от пули, конечно, не защитит, а вот от ножа или от зубов какой-нибудь зверюги — вполне. И не рвётся. Вид, конечно, уже потасканный — она и мне не новой досталась, зато уже трижды спасала от когтей и один раз — от зубов. А вид... тут как-то особо на гламур внимания не обращают. В моде так и прижился «совьет стайл», этакая смесь восьмидесятых и девяностых. Законодателей мод извне нет, телевидения тоже. Железный занавес тут чуть ли не реально железный — причём от мира вообще. Так что практичность гораздо важнее.

Свернув направо за элитной сталинкой, которую местные почему-то называли «полтинником», я пошёл вдоль бывших корпусов техникума, примыкающих к Базе — раньше тут учили строителей и механиков, теперь же обучали технарей-практиков, вроде токарей и прочих «металлистов»: на производствах в Депо спрос на них всегда был, а заодно водителей. Правда, молодёжь, которая рождалась чаще всего с колдовскими способностями, обычно училась не здесь, а в Колледже — бывшей школе на другом краю Вокзального. Зато «провалившиеся» вполне могли тут чему-то научиться. Повышение квалификации, так сказать.

«Провалившиеся»... Их тут довольно много, процентов десять-пятнадцать от населения, наверное. В Вокзальном — вероятно, человек семьсот. Большинство ассимилировалось, и сейчас фиг угадаешь, жил человек здесь всегда или попал в этот постапокалипсис, как и я, по трагичному стечению обстоятельств — как тот же Лёха Лукин. А вот те, кто в общество толком не влились, основали своего рода коммуну — им отдали бывшее здание железнодорожной общаги недалеко от восточной Стены, там они и обустроились. Работать-то

работали на город — без этого никуда, тунеядцы тут не нужны, но жили общиной, посторонних к себе допускали с неохотой.

Куда попадёт девчонка? Не знаю. Да и что мне до неё? Не сват, не брат, как говорится.

Отметившись на КПП, прошёл в дежурку. Ребята были здесь — Семёнов и Пашка, валяясь на нарах, читали что-то потрёпанное, остальные резались в домино. Тут было гораздо теплее, чем на улице, на плите исходил паром чайник.

— Охота вам в такой жаре, — буркнул я, ставя казённый карабин в пирамиду и заодно ища взглядом свой. А, вон он, тут же стоит. — На улице стол есть.

— На улице не полежать, — философски заметил Плотников, перелистывая страницу. — И, что важнее, там на виду у начальства.

Вот тут он прав. Лучше уж здесь, никому глаза не мозоля...

Плеснув себе чая, я сел в углу на пустующий стул, взял плетёную тарелку с сушками. В животе после всех перипетий урчало, но жратвы не было — вязтое с собой приговорил за сутки. Ладно, сушки лучше, чем ничего, а скоро домой. Может, в «Турист» вечерком сходить или в «Волгу»? Деньги есть, как раз недавно дали зарплату, завтра выходной... там и поесть можно. Лучше бы, конечно, в Комплекс, но на него денег жалко.

— Волк, спецбоекомплект можешь сдать, — не отрываясь от книги, сказал Пашка. — Сто к одному, что за периметр сегодня больше не поедем. Твои гильзы ребята из машины собрали, они в тумбочке.

Ну... и то хлеб. По городу обычно дежурила не наша группа сопровождения, а мобильная группа — это что-то вроде ОМОНа. За стены неохота, особенно ближе к ночи. А ребятам — отдельное спасибо, что помогли, подумал я, выгребая белёсые гильзы из выдвижного ящика.

С Иванычем, конечно, пришлось поцапаться — сколько ни убеждал его, что подобрать все гильзы в сегодняшнем замесе было нереально, штраф он всё равно выписал. За три патрона — ну да, две гильзы у меня улетели за борт, один патрон так остался у Маши. Хорошо хоть, штрафы не полновесные, где-то на треть реальной стоимости. В этом плюс нашей работы — пока не попадёшься на притыривании, конечно. Но тогда — сразу пинком за ворота Базы, и чёрта с два потом устроишься на приличную работу. С серебром тут

строго — хоть оно большей частью и алхмическое, натурального тут лет пятнадцать почти не попадается. Хотя, говорят, настоящее рвёт нечисть чуть не в клочки — то-то «моему» волку хватило одной пули.

Когда я вернулся в дежурку, игра уже закончилась — Лукин сгребал кости в коробку, явно сейчас все потянутся в курилку. Славик Королёв, перехватив меня у входа, шепнул с ехидной улыбкой:

— Проставу не забудь.

Угу, забудешь с ним... В принципе, ящик водки — не самые большие деньги, договориться только нужно заранее, можно в той же «Волге». За внутреннее спокойствие — не самая большая плата. Оставь мы девчонку там, на Старой Дороге, душа сто пудов была бы не на месте...

Блин, да забей ты уже на девчонку. Не бросит её город, пристроят — тут в этом отношении самый что ни на есть Советский Союз. Вот искать ейного хахаля никто, конечно, не поедет... А в «Волгу» придётся сходить. Хотя в «Туристе» еда лучше, «Волга» — скорее бар.

— Кстати, Волк, Большаков сказал, что с тебя плюсом отчёт о посещении Управы, — Пашка, кажется, даже позы не поменял. — Пиши сразу, пока стол свободен...

Логично. Все хотят знать всё — вроде как База подчиняется Управе, но это не значит, что Большаков позволит тягать туда своих подчинённых по поводу каждого чиха. А скорее, просто хочет знать, что там происходит. Или вообще копает под Управу...

В принципе, пока время есть, можно написать.

Я вытащил из ящика пару чистых листков. Шариковой ручки в «дежурном» стакане не было, опять кто-то уволок — да и чёрт с ним, напишу чернильной, уже натаскался.

Писанину я закончил к шести. Ребята меня несколько раз пытались сдвинуть со стола со своим домино, но были посланы известным маршрутом, в результате тоже сели за отчёты. О, а вон и ручка — Лукин притырил. Сразу видно, из «провалившихся» — чернильной писать так и не научился, молодой. Я-то чернильные ещё в детстве застал, по приколу научился пользоваться. Хорошо, что хоть бумага тут приличная, перо не царапает.

Не забыл написать и про необычное поведение прыгунов.

Вообще, есть у меня ощущение, что где-то в Болоте есть пробой. Причём пробой постоянный, и явно не в мир вроде моего — иначе

откуда бы туда лезло всё это? Но это уже мои домыслы, их на бумагу переносить не будем. Пускай исследовательский отдел разбирается...

Большаков был у себя, сидел за столом под картой окрестностей — как всегда, задёрнутой занавеской, и читал какие-то бумаги, по виду похожие на прошлые отчёты. Вот так волей-неволей станешь канцелярской крысой, несмотря на то, что у тебя в подчинении уйма народу с техникой и стволами... На меня даже не посмотрел, показал, куда кинуть листки с писаниной.

До восьми нас так никуда и не дёрнули — Пашка оказался прав. Передали смену, и к половине девятого я вышел за проходную.

Ну что, домой сначала? Да, в любом случае — свой карабин надо убрать в сейф, по городу с длинностволом никто не ходит, да и пистолеты не таскают больше чем по одному — а я сейчас увешан как ковбой. В принципе, можно вообще свой СКС не таскать на работу — казённый же есть, просто в своём я уверен как-то больше. И если не заряжать серебром, то предпочту именно свой.

На углу с Космонавтов встретился милицейский патруль, проверили документы. Ну, моя-то карточка Базы позволяет разгуливать со стволами, а сейчас я вообще «транзитом» с работы домой. Как всегда, из тройки один колдун — он и проверяет оттиск пальца на карточке-документе, сверяет с аурой предъявившего. Вот кстати! Документы проверяют, навскидку, раз в неделю точно — но никто ни разу не говорил мне того, что сказал сегодня Соколов. А смотрят ведь тоже ауру... или что-то другое? Эх, понять бы, как у них это работает. Это же «для чайников» ввели понятие «аура» — смотрят-то они по сути некие энергетические поля... которые видят, в отличие от меня. Или от тех местных, кто жил ещё до войны.

Что. И почему. Увидел. Соколов?

Впрочем, местное колдовство — вообще тонкая материя. Почему, к примеру, колдуны не могут пользоваться огнестрелом, но в то же время на них лежит половина работы по изготовлению боеприпасов? Вроде как понятия одной сферы. Капсюли, детонаторы и воспламенители, усиление защиты, сигналки, обогащение торфа для котельных — пожалуйста, наполовину технические же области. На машинах — ездят, хоть и не за рулём. А стрелять не могут даже из простейшего самопала.

Блин, опять меня унесло в рассуждения. Домой, домой!

Жил я в казённой однушке в хрущёвке на углу Кирова и Чапаева. Дом все называли «вино-водочный» — судя по рассказам, раньше в доме находился соответствующий магазин, но теперь его, хвала богам, не было — не хватало ещё бухаловки на первом этаже. Нынче в помещении бывшего магазина располагалась сапожная мастерская, сейчас по причине позднего часа закрытая.

Поднявшись к себе на второй этаж, я отпер дверь, включил свет в прихожей. Никаких энергосберегающих ламп тут нет и в помине, а потому под потолком тускло засветилась обычная 25-ваттка. Снял куртку, расшнуровал берцы, сунул ноги в тапочки. Приложив палец, отпер дверцу зачарованного сейфа (тоже, кстати, на ауру реагирует), поставил внутрь разряженный СКС, положил на полочку «беретту» и ТТ — вместо них вытащил кольт 1911, он у меня «для города». Зарядов немного, но зато не то чтобы сильно тяжёлый, и плоский — носить удобно. А бьёт — словно кувалдой. Если придётся стрелять, тьфу-тьфу.

Вот опять же. Половина города с короткостволом — а стрельбы на улицах нет. Носят скорее так, по причине опасного времени — вроде и нечисть в городе не появляется, а всё равно со стволами спокойнее. Вероятно, традиция пошла с 80-х, когда стен ещё толком не было — тогда спасали лишь стволы с распотрошённых воинских частей по соседству. Ну и конечно, если первым и без видимой причины обнажил ствол в общественном месте — то попал минимум на серьезный разбор. Могут и башку прострелить — у милиции право на это есть, у охраны общественных мест (а она не городская, частная) — тоже.

По правде говоря, идти куда-то неохота — спать бы завалиться. Но в животе урчит, а жрать дома нечего, так что придётся — супермаркетов-ночников тут нет, магазины уже закрыты. Придётся всё же... ну нафиг, в «Турист» лучше. Там посвободнее, и поесть можно, да и не курят в зале, в отличие от «Волги».

Кольт я сунул в нашитый изнутри на куртку карман-кобуру — снимать верхнюю одежду всё равно не буду, подвесную пристёгивать неохота. Идти до «Туриста» недалеко — собственно, и городок-то небольшой, всё рядом. Кафе занимало отдельное здание рядом с кубом бывшего кинотеатра — этот заброшен, спроса на него не оказалось, фильмы в считанном количестве никому не нужны, новых всё равно

нет. Огромный зал ни к чему приспособить не смогли, и кинотеатр просто закрыли от возможного мародёрства — так он и стоял, потихоньку ветшая и, вероятно, ожидая разбора на стройматериалы. А вот в кафе, приземистом павильоне по соседству, жизнь кипела.

Поначалу, оглядев зал, я подумал, что придётся уйти — народу как сельдей в бочке, но потом усмотрел в уголке знакомых ребят. Попробуем примазаться, вроде там и стул ещё один есть...

За столом сидели трое — Юра Дьяченко из мобильной группы, в свое время и устроивший меня на Базу, и его приятель, Олег Рыбаков из милиции — кстати, провалившийся, хотя мы с ним на эту тему никогда не говорили, и ещё один незнакомый, постарше меня, по виду — типичный работяга-балагур, душа компании. И все ржали, аж заливались. На столе стоит блюдо с обглоданными костями и пивные кружки.

— Привет, мужики. Присоседиться можно?

Олег махнул рукой — дескать, садись, и я пристроился на свободном стуле. Ну, условно свободном — ребята убрали с него вещи, перевесив на спинки своих стульев.

— Чего ржём? — поинтересовался для поддержания разговора.

— Игорь Ленин, на ТЭЦ работает, — представил работягу Рыбаков. Тот хихикнул.

— Сергей Волков, патрульные, — ну что, надо отвечать, раз знакомство пошло.

— Да я тебе байку пересказываю, — хихикнул Олег. — Ему тут начальство звонит, он как раз на дежурстве. Он снимает трубку и говорит — ЦэКа, Ленин у аппарата. Представляешь, что с его шефом было?

— Орал, как резаный, — подтвердил Ленин. — И, главное, ни к чему не придраться.

— А почему ЦК?

— Так центральная котельная же, Серёг, — вновь прыснул Рыбаков.

Так, ребята уже хорошенькие, явно давно сидят. Ну да ладно, общение с ними на период перекуса я точно выдержу — пить сверх меры сегодня неохота. Теперь главное — официантку поймать...

Впрочем, это за меня сделал Юра, подозвав как раз пробегавшую мимо Свету, весёлую деваху лет тридцати пяти — что удивительно,

незамужнюю, но ничуть не любовницу туристовского директора. И тем не менее — никто к ней не смел приставать, даже по пьяни. Могла и в лоб засветить вполне серьёзно, даже без привлечения вышибал.

Судя по лицу Светы, за сегодня они дёргали её далеко не впервые.

— Привет, Волк. Пиво, как всегда?

— Привет, Свет. Поесть чего-то без наворотов. Картошка, мясо, салатик, смотри сама, что у вас хорошее. И пива кружку — светлого, если есть, — я протянул местную банкноту, выпускаемую Управой — расчёт мы получали ими.

— Есть, — кивнула Света. — Опять голодный? Я тебе сколько раз говорила — бирюк ты, а не волк. Давно б пару нашёл, — подмигнула она, вызвав очередной ржач парней.

Угу, пару. Когда неизвестно, вернусь я домой вечером или нет... Ну нафиг, какая семья при таком раскладе? Хотя... Люди тут живут, женятся, детей рожают. Война в прошлом, жизнь-то идёт. Наверное, я ещё не познал местный дзен.

— Светик, ты ж не согласишься, — съязвил я в ответ.

— Не-а, — весело согласилась Света. — Я ж на пиве разорюсь!

Уела. Светка кого угодно уест — хотя, строго говоря, не столько я пью того самого пива...

Вот чем хорош этот мир — пиво тут отменное. Хотя, если разобраться, просто оно натуральное — тут это сделать попросту проще, чем на основе химии. Поначалу я не понимал, откуда хмель и всё остальное, раз уж город стеной обнесён и вокруг дикие места, где нет связи... Потом уже понял, что город-то в здешней глубинке далеко не один, и сёла сохранились, и колхозы бывшие. Вопрос лишь в том, что просто так на машине с утречка туда не поедешь — только с колонной под охраной. Вот больше чем на сотню километров уже заберёшься вряд ли — и точно не «одним ходом».

Тарелка с тушеной картошкой и отбивной и плошка с капустным салатом появились минут через пять, как и кружка пива размером чуть не ноль-семь. Ну да, чтобы два раза не бегать...

Трепались за едой о том, о сём. Новостей особых не было, всё давно обсуждено. Сегодняшнюю провалившуюся Машу ещё никто не обсуждал — а может, и не будут, просто не заметят. Так, поболтали о том, что бензин привезли, да что мы нарвались на Болоте на водяного.

— Опасная тварь, кстати, — согласился Олег. — Как-то один вылез почти на наш пост, так его только из КПВТ и отогнали.

— В туман?

— Ну да. Дальше пули уже не берут.

— А вот если ты на самом Болоте — вполне берут, — пробормотал я, отпивая пиво и вспоминая Тищенко, орущего про Валгаллу. — Причем не крупнокалиберные.

— Да потому что не туман это, а какая-то хрень, — поддержал Юра. — Я не понимаю, что исследовательский отдел телится...

Да какое там «телится»... Скорее всего, материала для исследования мало. Либо не хотят подключать Колледж — что тоже вполне возможно, Бурденко, ректор Колледжа, тот ещё кадр... и, возможно, метит в Управу, хоть и молодой, тридцатника ещё нет. Зам его, Власов — тоже тот ещё фрукт.

— Серебро нужно, — авторитетно заявил Ленин, отхлебнув пиво.

Угу. Кто бы спорил. Как-то разговор зашёл о серебряных доспехах — высказывались предположения, что носящий их неуязвим для нечисти. Ерунда — вон тот же водяной, ничуть не нечисть. Тут комплексный подход нужен.

В общем, как всегда — сидят четверо, как говорили у нас, «диванных аналитиков», пьют пиво и решают судьбы мира. Хотя, как сказать — люди-то за нашим столом не из тех, что сидят в четырёх стенах 24/7. Опыт имеется...

Кстати, едва упомянули серебро, как Юра заёрзал. Моя кружка к тому времени уже опустела, появилась вторая и колбаски к пиву, и я поначалу внимания не обратил. И дошло лишь, когда Юра, улучив момент, сказал тихонько, но прямо:

— Волк, есть одна тема. Давай перетрём завтра вечерком? Но без лишних ушей.

Мне к этому моменту было уже хорошо — напряжение дня почти ушло, расслабился. Потому согласился, что да, завтра и спокойно, договорились, что заскочу к Юре после шести вечера, и где-то ещё через часик посиделок я направился домой — на боковую.

Глава 5

Утром было солнечно, но нежарко — отопления дома ещё нет, запустят в конце октября, не раньше.

Поставив чайник на горелку, я открыл дверцу холодильника, почесал подбородок. Ну да, можно было и не смотреть — и так ведь знаю, что там мышь повесилась. Зачем я вообще за холодильник плачу, если он у меня хронически пустой?

Ну, как сказать — «плачу»... Холодильник у меня не электрический, а магический — как, впрочем, и горелка. Предоставляет и обслуживает их Колледж — в плане ежемесячной «подзарядки». Так что оплата по факту использования — чем чаще работает, тем чаще вызывать их спеца на подзарядку. Удобно, на самом деле — особенно мне, я ж один живу.

Поначалу, узнав, что колдство тут в ходу, я сразу подумал: может, они и жратву создавать умеют, как в старом фильме «Чародеи»? Оказалось — ни фига. Собственно, большая часть здешнего колдовства замешана на манипуляции энергией — и то самое обнаружение аур, и усиление защитных свойство материалов, и жар-холод, и ещё чёрта в ступе, без бутылки не разберёшься... А вот создать кусок мяса из ничего — извините. Закон сохранения даже тут действует.

Ну ладно, обойдусь чаем — даже сахар пока есть. Потом надо бы дойти до магазина — по кафешкам не набегаешься. И, кстати, можно дойти и до Колледжа — судя по индикатору, горелку пора подзарядить. День свободный, потратим его на броуновское движение.

В шкафчике откуда-то обнаружилась пара сухих печенек — ну всё, живём... Попивая чай, я смотрел в окно: пейзаж известный, двор, с трёх сторон ограниченный хрущёвками, с четвёртой — вереницей старых деревянных двухэтажек. Зелени, правда, много, не то что там, «у меня» — а вообще, в Питере последние годы с зеленью были большие проблемы...

А тут просто — нет Питера, нет и проблем. Основной удар той войны пришёлся по столичным и вообще крупным городам — хотя странно, должно было бы достаться и здешнему железнодорожному

узлу, и Нефтехиму выше по реке... Или в тогдашнюю концепцию массированного удара это не входило? Вероятно, да.

Вот и поди пойми, что лучше — тот мой мир, где не шарахнуло (а может, ЕЩЁ не шарахнуло), или этот, где, что называется, до основанья, а затем... Вот только восстанавливать и жить тут пришлось ничуть не тем, кто всё это затеял. Те, кто затеял, скорее всего развеялись пеплом — правда, получается, не радиоактивным, а чёрт знает каким. Или находятся так далеко, что всем на них начхать.

Там, «у меня», остался комфорт, супермаркеты, компы и мобильная связь. Здесь... здесь затянувшиеся восьмидесятые — не по сути, а по духу. И не коммунизм, и не бандитизм, а нечто среднее — потому что с анархией тут явно не выжить. Зато еда почти вся натуральная, да и люди как-то поспокойнее, явного сволочизма нет — не приживается он в этих местах. Так что с некоторой натяжкой можно сказать, что мне тут даже нравится — особенно если есть возможность подработать. Кстати, не это ли хотел обсудить Юра? Вот и посмотрим.

Единственное, что не люблю — непонятки. Так-то обычно их нет, но вот вчера Соколов меня озадачил. Между прочим, вполне можно с ним побеседовать — в Колледж все равно пойду, спрошу о нём. Надо поболтать с парнем — заодно расспросить о том, что не дослушал, когда мы повезли Машу в Управу. Аура моя ему, видите ли, сверкает...

Ополоснув кружку под краном — вода только холодная, но хоть такая есть, — я стал собираться на «прогулку». Всё в пределах города, неопасно, но 1911 возьму. Пошуршал пачкой вытащенных из сейфа банкнот — ладно, деньги ещё есть. Что ещё с собой? Да ничего, хватит пока.

От моего дома до «Волги» — только улицу перейти. Приземистое прямоугольное здание бара располагалось чуть в глубине, за чередой деревянных домов. Вокруг пустынно — ну а что вы хотите, десять утра, посетителей ещё нет, подтянутся позднее... Самое время поговорить с хозяином.

В главный вход, над которым красовались размашисто-прописные буквы «Волга», когда-то светившиеся, но сейчас просто покрашенные, я не стал даже стучаться, а сразу зашёл сбоку, к подсобному, через который обычно грузили товар. Не ошибся — хозяин, кавказец Давид, был тут, дымил трубочкой, скорее всего ожидая машину с товаром, она к нему обычно сразу после десяти и приходит.

— Утро доброе.

— И тебе доброго, дорогой, — степенно кивнул Давид, выпустив кольцо дыма. — Неужто после вчерашнего?

Прозвучало неоднозначно. После вчерашнего, ага...

— Почти, — хмыкнул я. — Давид, дорогой, я ребятам проставу обещал. Беленькой ящик. Найдётся?

У него да не найдётся... Спиртное Давид получал от частников, отстёгивающих налог городу, но зато строго следил за качеством — так что можно было гарантировать, что беленькая будет не палёной.

Кавказец задумчиво пошевелил губами, глядя куда-то мимо меня.

— Вечером заходи, отложу. Стоить будет... — ещё немного подумав, он озвучил цену.

М-да, своего не упустит. Ну ладно, деньги пока есть — в «Околице» скорее всего было бы дешевле, но тем и травануться можно, «Околица» считалась дешёвой забегаловкой.

— Спасибо, дорогой, — мы попрощались, и я отошёл чуть в сторону — как раз подъехал и стал сдавать задом УАЗ-«головастик» с тентованным кузовом. Давид свистнул, появились двое подсобных работников в замызганных халатах, открыли задний борт... Всё, им уже не до меня.

Ну что, дойти сначала до Колледжа? Так и сделаю, потом уже в магазин, чтобы с сумкой не таскаться.

Достоинство небольшого города — небольшая территория, всё близко. Правда, в этом же и минус — большинство моих знакомых рехнулось бы, доведись попасть в столь ограниченное место, да ещё и с минимумом развлечений... Но зато можно обходиться без машины — дойти пешком через дворы чаще всего реально проще, чем выписывать кренделя на машине, объезжая колдобины. Потому в городе и личного транспорта почти ни у кого нет — он просто не нужен.

Бывшая школа, в которой располагался Колледж, стояла на Советской — длиннющей улице, пересекающей город поперёк чуть не от самой железной дороги и уходящей в частный сектор, за которым располагался северный КПП. Потемневшее двухэтажное деревянное здание Т-образной формы выходило на Советскую оштукатуренным белёным фасадом и было огорожено невысоким палисадником. Правда, только на вид — в реальности по палисаднику шло силовое

поле, так что пройти внутрь иначе чем через проходную напротив главного входа было бы проблематично.

На проходной дежурили двое с арбалетами — колдуны, конечно же. Главный «на земле» у них Саша Власов, а он доверяет охрану только своим, хоть формально Бурденко и подчиняется Управе. Подчиняется он, ага... Скорее уж Управа мирится с их существованием.

Я предъявил документ, сообщил, что пришёл насчет техобслуживания плитки. Дежурный колдун, быстро что-то проверив, сказал, куда идти, хотя я это и так отлично знал — одноэтажные деревянные постройки справа от самого Колледжа, но на его территории.

Сопровождающих тут никогда не давали — да им это и незачем, мне давно уже рассказали, что тут отлично отслеживаются перемещения всех прибывших, никакого видеонаблюдения не надо. Вот что значит — колдуны на своей территории... Так что пошёл один. Площадка перед бывшей школой густо заросла деревьями и чем-то напоминала лес — скорее всего, после войны деревья никто не пилил, ну кроме самого раннего периода, когда многое пошло на дрова.

Голова начала ныть. Вроде с пивом вчера не перебрал, но зудит и зудит... На самом деле, у меня тут всегда так. Скорее всего, реакция на все эти «защитные поля».

Обогнув крыло Колледжа, я вышел к подсобкам. Вон и нужная мне — даже вывеска «Обслуживание приборов» висит. А помещения-то явно школьные — небось какие-нибудь бывшие мастерские.

Надо сказать, выглядело всё это неплохо, несмотря на возраст — поговаривали, что школа построена чуть не сто лет назад. Колдуны же — им укрепить конструкции раз плюнуть, причём не нарушая внешнего вида...

В мастерских скучал паренёк лет шестнадцати — записал мой адрес в журнал, сообщил, что дежурный ко мне придёт сегодня к 14-ти, принял деньги, выписал квитанцию и опять было взялся за потрёпанную книгу.

— Погоди, приятель, — отвлёк его я. — Ты такого Соколова Сергея не знаешь случайно? Из ваших. Немного постарше тебя.

— Знаю, — почти сразу отреагировал «младший колдун». — Практикант.

Вот интересно, можно им так рассказывать первому встречному о коллегах? Вряд ли. Хотя, я тоже не сильно «первый встречный» — клиент, данные мои есть и документы проверены...

— Как его найти, не знаешь?

Мальчишка замялся, и я понял, что угадал — сболтнул он лишнего. Ладно, не буду его прессовать:

— Мы с ним в рейде были, поблагодарить хотел. У тебя мои данные записаны — передай ему, лады? А там будет время и желание — пусть сам меня найдёт.

Вот так. Подождём чуток у моря погоды.

Я направился на улицу, но на КПП меня остановили:

— Волков? С вами хотят поговорить.

Дежурных было уже трое. Совпадение? Как говорится, «не думаю»... Интересно, с чего? Неужто пацана-техника тоже мониторят?

— Кто?

— Пройдите в здание, вас проводят...

Неукоснительно вежливы. Вот для чего третий, оказывается — конвоир... И главное, чёрта с два им чего сделаешь — более чем уверен, что мой кольт сейчас бесполезен, уж что-что, а защиту на своей территории они явно выстроили. Как же иначе, если они даже не проверяют наличие оружия при входе! Хотя, если разобраться — скорее всего проверяют, но вслух ничего не говорят.

М-да, как-то новый опыт попёр мутным потоком, и не скажу, что мне это нравится... В Колледже я ещё не был. Еще и башка ноет всё сильнее. Неужто в «Туристе» бодяжат?

Входная дверь старинная, деревянная, с узором на филенках. И небось укреплена так, что и тараном не пробьёшь... Небольшой тамбур, за ним лесенка, холл с доской почёта... Народу немного, это ж сейчас не школа и даже не техникум — так, собираются группками по два-три человека, болтают о чём-то. Одеты все обычно — увидев на улице колдуна, сходу его и не распознаешь.

— Вот сюда пройдите, налево, — указал сопровождающий на дверь, выходящую прямо в холл. Сам заходить не стал — но стоял за спиной до тех пор, пока я не зашёл в кабинет.

Ах вот оно что... Можно было предположить.

— Добрый день, Павел Олегович.

— День добрый, Сергей, как там тебя... Михалыч вроде? — Бурденко отвернулся от окна. — Ты извиняй, я тебя ненадолго дёрнул. Ребята доложили, что ты здесь — грех не воспользоваться.

Я с интересом рассматривал ректора — видеться вживую ещё не доводилось, только на фото видел у нас на Базе. Невысокий, худощавый, волосы чёрные как смоль, длинный нос, глубоко посаженные глаза. На вид кажется старше своих двадцати восьми. Одет в светлую рубашку и свитер с вырезом на вороте, при галстуке, обычные брюки и туфли — этакий клерк из моего мира. И я тут такой, в своей бронекожанке и берцах... Кстати, я на десять лет его старше, а он первым на «ты» перешёл. Сразу видно — нащяльнеке...

— Михалыч, если оно надо, — я огляделся: стул в кабинете всего один. Впрочем, Бурденко и сам садиться не собирался:

— Конечно, можно было бы и официально заявку послать, но зачем? Можешь без чинов, я человек простой... — Простой он, ага. — ...Как там вчера мой Соколов отработал, нормально?

Упс. То ли зверь на ловца бежит, то ли у меня неприятности... А давай попробуем! Заодно выскажу то, что вчера подумал — и посмотрим на реакцию.

— Да нормально отработал, — пожал я плечами как можно более безразлично. — Хотя первое, что в голову пришло — вот нах вы такого желторотого в конвой послали?

Вот так тебе. Я более чем уверен, что Бурденко сейчас смотрит мою ауру на предмет вранья — так лови эмоцию, она тебе сейчас весь фон забьёт. Выбесило-то это нас тогда вполне серьёзно.

— Всем желторотым надо когда-то учиться, — невозмутимо парировал ректор. — У вас тоже не все из тех, кто в этом котле годами варится.

Намекает, что ли, зараза? Ну да, я на Базе всего полгода, но я хоть оружие умею в руках держать ещё из «той» жизни.

— ...Тем более, сам же говоришь — нормально... отработал... — Бурденко наклонился к столу, сделал карандашом пометку в каком-то блокноте. — Я его специально с вами послал — расстояние небольшое, команда опытная. Замечания к его работе есть?

— Это не ко мне, это к Большакову, — откровенно ухмыльнулся я. — Мы-то кто? Исполнители.

— Вы на земле работаете, а Большаков в кабинете сидит.

— Нету замечаний. Нормальный вроде парень, только нервничает.

Вообще, интересное «прыгание через голову». По правилам, любой запрос Бурденко должен направлять на Большакова. Интересно, он и правда случайно заметил, что я здесь, или целенаправленно потребовал докладывать, когда появится кто угодно из вчерашнего патруля? Или, того паче, вылавливал именно меня?

Кто тут ловец, кто зверь?

— Да любой занервничает в первом самостоятельном... Парнишка дельный. В отчёте написал, что отработал огненным ударом по водяному... Было такое?

— Взрыв видел. Он не со мной в машине был.

— А, ну ладно... — ректор сделал ещё одну пометку. — Слушай, я его почаще буду ставить на выезды. Присмотрите за парнем?

— К Большакову, — не выдержав, я указал пальцем в окно, примерно в направлении Базы. — Я такое не решаю, лады?

— Ну ладно, ладно, — Бурденко улыбнулся во все 32 зуба. — Не проблема, решим. Я, это... о человеческом отношении.

— Будет человеческое отношение. Когда к нам с душой — и мы с душой.

О загнул... Ну и что он скажет?

— Ну и славненько! — Бурденко легонько хлопнул в ладоши. — Еще раз извини, что побеспокоил. Хочется, чтобы Соколов вырос хорошим, нужным обществу. Ну, бывай!

М-да, загнул ничуть не хуже, — подумал я, выходя в холл. «Конвоир», поджидавший тут же, вежливо, но настойчиво указал на выход, но я успел бросить взгляд на доску почёта, озаглавленную «Наша гордость». Вон он, Соколов — второй справа в нижнем ряду... Отличник, что ли? Тогда ясно, почему техник сразу сказал, что его знает. Раз практикант — значит, активную работу ещё не начал, только выпустился. Получается, натаскивать его хотят именно как «боевого», на сопровождение конвоев и тому подобное.

Почему Соколов увидел в моей ауре то, чего никто до него не замечал? И главное — Бурденко меня выцепил действительно мимоходом, или как раз поэтому?

Попрощавшись на проходной, я сунул руки в карманы и пошёл вдоль улицы. Солнышко начало припекать.

Я уже пожалел, что спросил у технаря о Соколове. Бегу впереди паровоза... Возможно, конечно, что Бурденко и правда заботится о воспитаннике, а я пытаюсь дуть на воду. Блин, всё равно толком не понять, пока не расспрошу самого Соколова. Ладно, что ни делается — всё к лучшему. Что теперь, в магазин? Ну да, прогуляюсь, погода-то хорошая. Будь воскресенье — можно было бы сходить на рынок, благо он тут же, рядом с Колледжем, но увы — только среда, а еда нужна уже сейчас. Ладно хоть, голова начала отходить.

Опять пилить через весь город... Недалеко, конечно, но как раз в такие моменты и задумываешься о машине. Да ну, слишком дорого в итоге обходится — в первую очередь заправка. Пешком — оно практичнее.

Кстати, у Юрки машина есть. И какая — ГАЗ-69! Интересно, сколько он за неё отвалил? Правда, я ни разу не видел, чтобы он на ней рассекал по городу — обычно «козелок» стоит в гаражах, примыкающих к нашей Базе и, кстати, Базой и охраняемых.

Основной продуктовый магазин располагался недалеко от Комплекса, который когда-то был вокзалом — говорят, самым красивым в этом регионе — и, собственно, дал название городку. Сейчас там был именно что комплекс — ресторан, лучший в городе, неплохая гостиница, ну и развлечения, включая бордель и азартные игры. Первое время было непривычно, пока не дошло, что при общем советском антураже советской властью с её взглядами на вещи тут и не пахнет. Трансформировалось за тридцать лет в сторону практичности — особенно при отсутствии «давления сверху». По сути, город сам себе хозяин, ни перед кем не отчитывается. Те, кто выжил — этим всё сказано.

Впрочем, мне не в Комплекс. Магазин (судя по всему, он ещё до войны был продуктовым), располагался тут же — правда, Комплекс загорожен широко разросшимся сквером. Продукция, конечно, большей частью местная — яйца с птицефабрики по соседству, макароны, хлеб, печенье и пиво с городского хлебозавода, колбаса с мясокомбината, овощи с ферм — конечно, всё далеко не такое свежее, как на рынке, но нормально. Без химии, и то хорошо. Поговаривали, конечно, что хранение с колдовской поддержкой влияет на продукты, но тут, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. Волков, ага.

Сложив покупки в прихваченную из дома холщовую сумку — вот что тут хорошо, так это отсутствие полиэтиленовых пакетов — я вышел на улицу. Домой? Пожалуй, да — приготовить, перекусить, а пока туда-сюда — уже и время с Юрой встречаться. Да, и техник из Колледжа уже скоро должен прийти, час с небольшим остался.

Глава 6

Юра жил в хрущёвке на улице Коммунаров — совершенно типовой, как и остальные. От меня это через две улицы — недалеко, конечно же, но без пистолета всё равно выходить не стоит.

В этот раз было особенно не по себе. То ли нервишки расшалились после вчерашнего, то ли Бурденко с толку сбил — но не покидало ощущение, что за мной следят. Странно, впервые такое за год, а ведь поводов нервничать было гораздо больше в те дни, когда я только-только сюда попал и ничего почти толком не знал, даже города — не считать же знакомством то, что я его пару раз проезжал насквозь... Но и то не крючило, как сейчас. Причём связано не с Юркой, началось ещё час назад, когда я ходил к Давиду за заказанной «беленькой».

Конечно, будь у Юрки телефон — было бы проще, но телефоны тут как-то не прижились. Точнее, прижились — но на уровне 80-х годов, когда они были максимум у каждого пятого. И, конечно же, стационарные, а не мобильные — какие тут мобильные, сотовой связи нет как таковой. А вот телефонный коммутатор есть — как раз на Коммунаров, но чуть поближе к центру, на бывшем узле связи... В общем, таким, как мы с Юркой, телефонов не положено. Хочешь — договаривайся и тяни линию за свои кровные, а связисты нормальную сумму зарядят за провода и за работу. Так что телефоны для начальства, типа Большакова, Каращука или, скажем, Бурденко.

И ведь зуб даю — есть у колдунов свои методы связи, есть. Не может быть, чтобы не было... Но — помалкивают. Или делятся секретом, но избирательно — впрочем, тема «секретов Колледжа» была притчей во языцех. У старшего поколения в основном — молодёжь-то почти вся имеет колдовские способности.

Вот думаю о разной фигне, потому и не по себе, — подумал я, сворачивая на Советскую. Ощущение не ушло. Обернуться, что ли? Можно попробовать. Вытащил руку из кармана — так, чтобы вывалилась лежащая в кармане перчатка. Чертыхнулся, наклонился с полуоборотом, подобрал — нет, никого не видно... Конечно, на улицах не пусто — вон двое работяг шагают по тротуару, вон женщина с

сумкой, дети носятся во дворе двухэтажки — не поздно, сейчас, в середине сентября, солнце только зашло, ещё достаточно светло, даже фонари не горят. Но не заметно, чтобы кто-то метнулся, замешкался. Либо никто не следит, либо... либо профессионал.

А может, призрак? Как раз самое время — говорят, они появляются именно при убывающей луне... Я машинально бросил взгляд на небо — вон она, половина кругляша, уже виднеется над горизонтом. Да ну, ерунда — говорят, призраки в городе никогда не появлялись. Только за городом.

Нервы, нервы.

Улица шла между Анклавом — бывшей общагой — и школой. В школе окна почти не светятся — учатся тут детишки максимум часов до трёх, одной школы на Вокзальный вполне хватает, — а вот Анклав освещён. Он, такое ощущение, живёт по своим законам — этакий фрагмент привычных мне две-тыщи-десятых, где худо-бедно используются даже ноутбуки и смартфоны. Остальной город «провалившейся» электронике не доверяет, предпочитая старорежимные арифмометры и картотеки — и правильно, в общем-то, не стоит опираться на технику, для которой совершенно нет запчастей, а точный принцип действия понимают далеко не все...

Друзей у меня в Анклаве не было — с людьми вообще не особо хорошо схожусь. Вот Вероника — она оттуда, считай, и не вылезает. Женька, кстати, в тутошнее общество хорошо бы вписался — он коммерсант, жилка есть. Годик, а то и меньше — и разъезжал бы на 469-м, что по здешним меркам ничуть не хуже того «ренж ровера»...

Ладно, не будем о грустном. До Юркиного дома осталось всего ничего — вот он, тут, наискосок, двухподъездная хрущёвка. Вон и окно светится... Вход, конечно со стороны двора, выходящего на вереницу дровяных сараев, за которыми стоит очередная барачная застройка и бывшее ПТУ, сейчас переделанное в слесарные мастерские — здание старое, добротное, ещё дореволюционное, когда-то было паровозным депо.

В Юркином дворе, узком и мрачноватом, мне обычно не по себе — старые двухэтажные сараи всё же давят. Особенно сейчас, вечером, в сумраке — никакого освещения тут нет и в помине. И людей почти не видно — квартиры здесь большей частью казённые, семьи не живут, в основном одиночки, типа меня или Юрки. Более-менее людно разве

что на выходных, или скорее в пятницу-субботу вечером, когда народ начинает отдыхать после рабочей недели. Неудивительно, что Юрка свой «газик» не ставит у дома...

Волей-неволей вспоминается, что преступность в городе всё же не искоренена, хоть её уровень и низок. Потому и спокойнее с пистолетом — тем более, что патрон у меня обычно в стволе. 1911 хорош ещё и тем, что на нём есть автоматический предохранитель — случайно не пальнёшь, пистолет надо сначала в руку взять.

Впрочем, в тёмном подъезде со мной ничегошеньки не случилось. Спокойно поднявшись на третий, предпоследний этаж, я постучал в дверь Юркиной квартиры — такой же однушки, как и у меня, и тоже угловой.

Приятель, судя по тому, что был одет, скорее всего вернулся недавно — дома он обычно переодевался в майку-алкоголичку и треники, а сейчас был в брюках — правда, и в той самой майке. Скинув куртку и ботинки и сунув ноги в тапочки, я прошёл за ним на кухню, где у старого, советского образца кухонного стола стояло два табурета. Юрка, ни говоря ни слова, вытащил из холодильника две бутылки пива, грохнул на стол два массивных бокала, больше похожих на кружки, и достал из хлебницы блюдо с сухариками.

Лишь когда бокалы были ополовинены, я поинтересовался:

— Ну, рассказывай, что у тебя есть ко мне, кроме пива?

Юрка хитро ухмыльнулся — при его рыжей шкиперской бородке это смотрелось весьма своеобразно — и, поёрзав на табурете, поудобнее упёрся спиной в подоконник.

— От вас, провалившихся, есть определённая польза, — наконец изрёк он.

— Да мы вообще люди полезные во всех отношениях, — и не подумал обидеться я. Отпил ещё пива — холодное, это главное. Кстати, холодильник у Юрки тоже колдовской, как и у меня. — Или ты что новое нарыл?

— Нарыл. И совершенно случайно, — Юрка долил себе пива из бутылки в бокал и жестом предложил мне сделать то же самое. — Седьмая вода на киселе, но интересно...

Из его рассказа выходило следующее.

Пару недель назад на патрулировании познакомился он с одним парнем, из провалившихся. Ну, как «познакомился» — выехали на

вызов, парня хотели порезать по пьянке. Дело вообще было милицейское, но дёрнули почему-то местный ОМОН. Разобрались, растащили, и пока писали протокол, у парня пошёл отходняк — трепаться стал так, что стены тряслись. Причём рассказывал про свой мир, не про этот — ну, всякое бывает. И в числе прочего ляпнул он интересную вещь — дескать, один его друг несколько лет назад клад нашёл в подполе деревенского дома. Там, у себя, в своём мире. Горшочек серебряных монет, царских времён ещё. Трёп-то шёл на тему «мне б этот горшочек сюда, я б жил — кум королю», да ещё и «под газом»... всё ясно, короче.

— Ты понял? — спросил Юра, сделав паузу.

Я понял. Я понял, мать его.

Если горшочек спрятан в царские времена — вполне возможно, что в этом мире он спрятан был тоже. А раз друг нашего провалившегося нашёл его всего несколько лет назад — значит, тут с большой вероятностью горшочек так и лежит в деревенском доме...

То-то Юра вспомнил об этом как раз тогда, когда речь пошла о чистом серебре...

По его глазам я уже видел — он видит, что я понял. Конечно, жить как «кум королю» с горшочка серебра не выйдет, но даже если реализовать такое количество чистого серебра официально, через Управу — это получится примерно как моё полугодовое жалованье в Патрульных силах. А если неофициально, например, в Гидрострое или Ладоге — то раза в два больше. И даже на двоих это выйдет нехило — а за такие дела надо браться минимум вдвоём, деревенский дом-то явно не в черте города.

Вопросов, на самом деле, всего два...

Где дом, в котором спрятан горшочек?

И кто ещё знает о кладе?

Причём оба вопроса серьёзные. Второй, пожалуй, даже важнее первого.

— Знаю, о чём думаешь, — Юра, внимательно и совершенно трезво поглядел на меня, долил себе пива, отставил пустую бутылку. — Слушали этот трёп двое, я и Горын. Но до дому парня вёл я, и именно там я переспросил, что за деревня. Горын вообще не проявил интереса, он пьяных насмотрелся не меньше, чем я.

Горына я знал шапочно — мрачноватый и недалёкий тип лет тридцати с небольшим. Надо сказать, он вообще интерес мало к чему проявлял — даже вроде по бабам не особо шлялся, хоть и жил один. Но зато отличный стрелок, и исполнительный — потому и попал в мобильную группу. Есть вероятность, что он действительно не придал рассказу значения... Строго говоря, Юрка его знает намного лучше, чем я, а значит — мнению его можно доверять. Тут вообще все друг друга знают — думаю, так было и до войны, когда народу в городе жило втрое больше. На одном конце чихнёшь, на другом скажут «будь здоров»...

— И что за деревня?

— Волково. Хорошее названьице, правда? Это на юг и потом в сторону от реки, примерно поровну. Всего километров двадцать. Дом приметный — напротив сгоревшей церкви.

Вашу мать, что ж меня эти волки всюду преследуют-то, а? Хоть фамилию меняй. А с другой стороны, деревня название не зря получила — волков небось в окрестных лесах было хоть отбавляй. Впрочем, почему «было»?

— На твоем «козелке»?

— А то. Я б иначе и не предложил... Ну как — ты в деле?

В деле ли я? Естественно, в деле! Именно с таким долбанутым, как Юрка, дело выгорит. Вот Юрец, знал ведь, что я соглашусь — засветил бы он иначе название деревни и ориентир? Да чёрта с два. Не зря мы с ним уже дважды за год выбирались на авантюры, хоть и попроще...

— А то!

Мы стукнулись бокалами, и Юрка хлопнул на стол потасканную сложенную карту, явно довоенную — и где нашёл-то, а? Хотя, у них в мобильной группе чего только нет. Начальство-то у нас с ним по сути одно — Большаков, хоть и сферы чуть различаются.

— Вот, смотри, — Юрка ткнул пальцем в дорогу. — Выезжаем через южный КПП. Проблема у нас одна — проскочить военчасть и Пороги. Потом легче, — его палец переместился по карте. — Бор вроде пустует, за ним дорога уходит от реки. Там по пути всего одна деревня — Морозково. Лес и лес. Места глухие, люди туда сто лет не забирались.

— Юр, погодь, — прервал я приятеля. — Ты понимаешь, что туда без серебра и автоматики по-любому лучше не соваться?

Впрочем, Дьяченко ничуть не смутился. Улыбнувшись во весь рот, сдёрнул с подоконника газету — под ней оказался ни много ни мало «томми ган» — древний американский автомат.

Ни фига себе... хитёр монтёр. Такие штуки я в городе особо не вижу — судя по всему, их не так много. Хорошо живёт мобильная группа!

— Откуда такой раритет?

— Шутишь? Оттуда же, откуда твой «девятнадцать-одиннадцать». В железнодорожной охране они использовались в войну, ленд-лиз почти не шёл в боевые части. Так что на складах встречаются.

— Твой?

— Казённый. С правом ношения. Так что автоматика есть. Серебро в загашнике тоже найдётся, и ты ведь не пустой?

— Ну да, — что оставалось, кроме как согласиться?

— Так вот. Я прошерстил сводки, капитально прошерстил, в том числе отчёты Колледжа — известий о том, что в тех местах окопалось что-то нехорошее, нет. Это, само собой, не значит, что там чисто — но овчинка стоит выделки, однозначно.

Стоит, ещё как стоит... Конечно, сейчас не автобаны, но даже на скорости 20 километров в час — это около часа в одну сторону. Автомат, карабин, несколько пистолетов — все шансы есть. Если нормально проскочим «аномальную зону» на выезде из города — дальше будет опасно лишь зверьё. Могут быть оборотни, да — ну это зло уже привычное. Это не долбанутый туман на Болоте... «Козелок» у Юрки ухоженный, зверь машина, и пройдёт в любую попу мира. А тут и дороги есть — ну, условно есть, хоть по ним лет 30 толком и не ездили.

Так, стоп. Ещё один важный нюанс — чуть было не упустил за подкатившей эйфорией.

Все выезды — ну, почти все, через аномальные-то места точно — сопровождают колдуны. Даже не как ударная сила — хотя, как я погляжу, в нынешней поездке и без этого не обошлось, — а скорее как своеобразный «радар». Потому что, когда не знаешь, откуда прибежит или прилетит — и автомат, заряженный серебром, не факт что поможет. И никакие отчёты Колледжа задницу не прикроют.

— Юр, ты хочешь сказать, мы сунемся туда без смежников?

«Смежники» — словечко местное. Кажется, в советское время так называли работников одной сферы, но разных направлений. Строго-то говоря, смежники — это, скажем, я и Юра, но тут слово прилепилось именно к колдунам.

— А ты хочешь, чтобы вместе с нами поехал смежник? — откровенно издевательски ухмыльнулся Юрка.

Вот не хочу. Видимо, это заразно — потому что местные колдунов откровенно недолюбливают. Ещё бы — понять, что твои дети умеют то, что находится за гранью твоего восприятия... Тема «отцов и детей» в здешнем обществе раскрыта на все сто. Раскол между «стариками» (а точнее, довоенным поколением) и молодёжью вряд ли где-то ещё может быть настолько глубоким. Потому и колдуны в здешнем обществе стоят особняком — вроде и есть во всех сферах, и не обойтись без них, но вроде и народной любви к ним особо нет.

Теоретически, я вообще к здешнему обществу не отношусь, но подобное отношение — въедается в мозг. А может, я уже и часть этого общества — потому что ассимилировался, не как та же Вероника...

— Не хочу, — сказал я банальную фразу. Отхлебнул пива. — А есть варианты?

— Есть, иначе какой смысл огород городить, — и Дьяченко с видом фокусника, вытаскивающего из шляпы резинового кролика, выставил на стол два прозрачных шара размером с кулак, каждый на аккуратной точёной подставке из металла. — Во!

Что-то Юрец сегодня удивляет и удивляет... Я взял ближний шар — будто чуть кольнуло пальцы. Не особо тяжёлый... Повертел, поставил на место:

— Что это?

— И не спрашивай, как я это добыл. Это датчики. Один на нечисть, второй на физическое движение. В радиусе ста метров.

Охренеть.

Радиоэлектроники тут толком нет, поэтому делать подобное могут всего в одном месте — в Колледже. И эта штука круче плиток и холодильников — потому что, как говорят «в моём мире», вещь двойного назначения. То есть, может использоваться в военных целях. Это посерьёзнее пулемёта в личном пользовании. Но ведь это значит...

По спине пополз холодок.

Если нас застукают с ЭТИМ — пинок под зад из города с большой вероятностью.

— Нутром чую — жим-жим? — ехидно поинтересовался ОМОНовец, попивая пиво. — Не дрейфь, штука вполне официальная. Сертифицирована на город, не ворованная. Но откуда взял — не спрашивай, всё равно не скажу. И не болтай, само собой.

Откуда, откуда... С колдунами сам Юрка не в ладах, как и большинство других, значит — подобные штуки получил их отдел по официальной линии. Спереть же что-то у колдунов нереально — на всё мало-мальски значимое ставится метка владельца, и вещь будет жутко фонить при любой проверке, даже просто при проверке патрулём, как у меня вчера после работы. Строго говоря, это обычная услуга, которую можно заказать в Колледже — защита от воровства, любой может воспользоваться. Я сам не пользовался лишь потому, что у меня нет ничего ценного, кроме разве что стволов. Получается, раз шарики сертифицированы на город — они считаются законными у любого, кто зарегистрирован в Вокзальном, а вот если их обнаружат в руках, скажем, жителя Гидростроя — у того будут проблемы.

М-да, многого я не знаю, оказывается, о нашей Базе... и не только о ней. Юрка верно сказал — болтать у нас тут не принято. Особенно если Колледж замешан.

— Да и спрашивать не буду, — меня немного отпустило. Глотнул пива, кивнул, и Юра убрал шарики.

Но зато теперь точно ясно — выгорит. Должно выгореть.

— И когда ты предлагаешь?

— Ты ж сегодня с суток? Тогда у тебя ещё два выходных. Хоть завтра. Я тоже свободен.

Завтра? Можно и завтра. Это лучший вариант — тогда день останется на то, чтобы оклематься перед сменой. Вот только с пивом тогда надо прекращать.

— Давай завтра, — припечатал я ладонью по столу. — Вот только пива хватит.

— Да не вопрос, — легко согласился приятель. Открыл холодильник, в котором хорошо были видны еще бутылки с пивом, но достал не их, а сверток. — Тогда с утречка и выедем, часов в шесть, аккурат перед рассветом. У нас будет двенадцать часов — должны уложиться, не?

— Уложимся, — кивнул я, и ОМОНовец развернул сверток, в котором оказались колбаски. Поставил на плитку чайник.

— Давай-ка пожуём и обмозгуем детали, а потом — баиньки.

Глава 7

Сюрприз поджидал меня у подъезда.

Маша сидела на старой, довоенной ещё лавочке, покосившейся и рассохшейся — когда-то, вероятно, тут гнездились старушки, перемывавшие кости молодёжи этого двора, но с тех пор скамейку, скорее всего, ни разу и не подновляли — даже странно, что она «прожила» больше тридцати лет. Уже откровенно стемнело, двор освещался лишь тусклым «дежурным» фонарём, но было видно, что девчонка вся аж съёжилась и кутается в свою лёгкую курточку. Рукав, кстати, всё так же оторван.

Не понял?

По всем правилам, Машу ещё вчера должны были оформить в общагу и дать ей направление на курсы или ещё куда-нибудь — смотря что она уже знает и умеет. Хотя, явно студентка — что она там может уметь... в конце две-тыщи-десятых. Разве что суп варить. Но уж точно никто не выгонит её на улицу.

Я даже не сразу сообразил, что гораздо интереснее другое — как она меня нашла? Я, конечно, ни от кого не прячусь, но адресных бюро в Вокзальном нет, и найти меня она могла лишь в случае, если ей это кто-то сказал — на Базе или в Управе. На Базе — вряд ли, а вот в Управе... там могли. Бардак в Управе творится ещё тот.

Ну а вариант, что девчонка, которую мы вчера вытащили из Болота, оказалась в восемь вечера у моего подъезда случайно, я отмёл сразу.

Ну и что делать? Пройти в подъезд как ни в чём не бывало?

Вероятно, так и надо было поступить, но, стоило мне приблизиться — Маша вскочила, и я машинально замедлил шаг. Узнала, конечно же — само собой, я и одет в то же, в чём вчера на смене. Особого разнообразия шмоток у меня нет — да и ни у кого нет, впрочем.

— С-Сергей Михалыч? — тон полувопросительный, полуутвердительный. А ведь я ей не представлялся — значит, Отчество ей сообщили в Управе. Где ж ещё...

— Допустим, Михалыч, — я остановился напротив её, метрах в двух. Так и стоял, сунув руки в карманы — рассматривал девчонку, насколько позволяло скудное освещение, пытаясь заодно понять, что теперь делать. Надо было домой, и гори оно всё...

Ну уж нет, Серёг, если ты не бросил её на болоте — теперь расхлёбывай.

— Что ты здесь делаешь, Маша-потеряша? Тебя что, в общагу не оформили? Выгнали пинками на улицу?

Маша, кажется, съёжилась ещё сильнее, и я решил добить:

— Тут, знаешь, в такое время девчонкам твоего возраста ходить не принято. Даже при стволе. Тут не «лихие девяностые», тут хуже.

— Можно, я к вам зайду? — сквозь зубы пробормотала девчонка. — Замёрзла очень...

Не, ну это уже слишком. И она не боится? С одной стороны — за моралью здесь следят, но не настолько, чтобы опекать совершеннолетних, да ещё и «не местных». С другой стороны... Если б я хотел ей плохого — бросил бы на болоте. И, кстати, меня от прыгуна спас в первую очередь её крик.

— Пошли, — решился я. — Только учти — сейчас будешь рассказывать всё от и до. И сопли тебе вытирать не собираюсь. Согласна?

— Согласна.

Ещё б она была не согласна... Замерзла небось как цуцык. Ладно, сейчас всё узнаем. Хоть и некстати всё это — завтра в пять вставать. Но не откладывать же из-за неё поездку!

Пропустив девчонку в квартиру, я запер дверь на ригельный замок и по привычке набросил цепочку — тут такие были практически у всех, хоть и двери преимущественно деревянные. Когда практически в каждой квартире есть огнестрел, количество вторжений «в частное пространство» резко снижается — никому не хочется поймать пулю. Вот в чём тут плюс — так это в поддержке откровенно западного «мой дом — моя крепость»: если к тебе ломятся в квартиру, можешь вторженца хоть на куски порезать, главное — зарегистрированным оружием, ну и не по беспределу, а с доказательствами. Так что — не лезут, я за год всего о двух случаях слышал, и то один из них по пьяни.

Пошуршав в шкафчике, еле нашёл вторые тапочки — купил как-то по дешёвке «для гостей», а гости ко мне почти и не ходят. Но

тапочки тут — штука необходимая, полы большей частью холодные. Ковёр, что ли, прикупить по случаю, чтобы совсем уж советский стиль поддерживать... Да ну нафиг, его пылесосить надо, ковры пыль собирают — только вьёт. Мне и половичков хватит. Прошёл в кухню, зажёг свет, поставил чайник. Задёрнул «половинчатые» занавески на леске.

— Где руки можно вымыть? — услышал из коридора голос Маши.

— В ванной, где ж ещё. Вода только холодная.

В принципе, в санузле стоял железный титан — если разжечь, хватит, чтобы помыться, но я его за всё время разжигал всего разок, хотя прессованный торф для розжига был, на пару раз, если что, хватит. Мыться тут гораздо лучше в бане, да и на работе душевые есть.

Привыкай к экстриму, Маша... В общаге условия, в общем-то, такие же. Или она в Анклав определилась? Сейчас всё узнаем.

Хлебосольного хозяина я из себя строить не собирался, но бутерброды соорудить можно — благо колбасу купил. Ну и чай, конечно. Ну где там девчонка?

А вот и она, раскраснелась от холодной воды — видно, что умылась. Всё ещё дрожит...

— Садись, сейчас чай будет.

Сам я сел у окна, спиной к батарее — моё место, и нефиг, хоть батарея и не греет. На самом деле, не люблю сидеть спиной к двери. Маша опустилась на табурет напротив, сложила ладони на коленях, подняла на меня глаза. Ну примерная школьница, ни дать не взять...

Молчание затягивалось. Чайник зашумел, я встал, чтобы выключить горелку.

— Спасибо вам, что вытащили меня с Болота, — наконец подала голос девчонка.

— Да пожалуйста, — пожал я плечами, ставя чайник на стол. Вытащил из шкафа два граненых стакана в подстаканниках — разнообразия чашек тут не наблюдается, пользуются преимущественно такими вот раритетами. Стакан разбить почти нереально, ну а металлические подстаканники — вещь вообще неубиваемая. Кстати, есть и улучшенная версия — этакие «термо», колдуны делают: ручка подстаканника не греется, а стакан долго не остывает. Но, как по мне, это лишние понты — я горячий вообще не

люблю, даже держу на кухне бутыль с «холодным кипятком», чтобы разбавлять.

Маше, не спрашивая, налил горячий, себе разбавил. Поставил на стол старомодную сахарницу, пододвинул к девчонке тарелку с бутербродами:

— Ешь. А потом рассказывай, с чего ты ко мне припёрлась и как меня нашла.

Маша сразу схватилась за чай. замёрзла, конечно... Вот, по щекам румянец пошёл — начала отогреваться. Выпив примерно полстакана, наконец посмотрела на меня:

— Павел Степаныч сказал, что раз вы меня вытащили и привели — надо вас и держаться. С вами безопаснее всего.

Твою ж мать. Вот удружил Хорошин, зараза... По глазам ведь видно — не врёт. И по ним же видно — поверила она ему, искренне поверила.

Я взял бутерброд. Повертел, откусил. Есть особо не хотелось. Да и расспрашивать девчонку никакого настроения не было.

— С фига ли? — поинтересовался вслух.

— Он сказал, что на Болоте никогда никого не подбирали. Всегда стреляли, потом уже разбирались. Это первый раз.

Да? Вот не знал.

Но, чёрт их всех дери, случись ещё раз подобное — я б ведь опять не смог бы выстрелить. Говорить это ей? Ни за что.

— Тебе общагу дали?

— Дали...

— Была там?

— Была. И денег дали, и сказали, куда на обучение приходить через неделю...

Заботится город — тут без этого никак.

— И куда определили?

— Практикантом на ТЭЦ. Я учусь... училась на теплоснабжении.

Не самый плохой вариант. Достаточно тёплое местечко — причём и в прямом смысле.

— Ну и чего ж ты сюда прибежала на ночь глядя, Маша... потеряша?

Девчонка уткнулась носом в стакан. Я уж думал, что она и не ответит, когда она подняла глаза:

— Я... боюсь там. А с вами — не боюсь.

Замечательно. Как там это называется, синдром медсестры? Когда очухиваешься в больнице — и та медсестра, которую первой увидел, становится самым близким человеком.

Всего одно «но» — я с моим характером и стилем жизни на роль такой вот медсестры ну совсем не гожусь...

— Ладно, Маша... Поешь давай, погрейся, и ложись спать. Сейчас постелю тебе.

И вышел из кухни. Маша так и осталась сидеть со стаканом чая.

Вот уж не думал, что придётся когда-нибудь раскладывать древнее кресло-кровать с деревянными подлокотниками, оставшееся от предыдущего хозяина. Впрочем, квартира-то казённая, и от предыдущего хозяина осталось абсолютно всё, даже сейф. Вытащил из шкафа второй комплект простыней и запасное одеяло — ладно, не зима, надобности в нём пока нет. Хорошо хоть, бельё чистое — сам, конечно, не стираю, таскаю в прачечную при ТЭЦ: тут советская система, с нашитыми в углу полустёртыми уже номерками. Буквально на днях получил.

— Что, девчонки в общаге плохо приняли? — спросил громко, застилая кресло простынёй.

Маша вышла в комнату, держа в руках стакан. Каким-то совершенно детским жестом почесала макушку:

— Нет, хорошо приняли. Много всего рассказали, и продукты у них есть, и одежда...

— Что, дежурить заставили?

Есть такая фишка, даже я в общаге застал, ещё там, «у себя», да и здесь тоже: если приходит новенький, его сразу определяют в дежурные.

— Нет... Там все старше меня, без закидонов вроде.

Вот, словечки пошли. Осваивается?

— Так и я старше тебя, — я накинул одеяло на кресло. — Твоему отцу сколько?

— Сорок. Но он с нами не живёт.

— Ну вот, я тебе в отцы гожусь... — а может, у девчонки просто дефицит общения с отцом? — Ты как хочешь, можешь ещё посидеть, вода в чайнике, колбаса в холодильнике. А я ложусь. Мне завтра вставать рано. Ночнушек нет, вот чистая футболка, — я бросил на

спинку стула одну из футболок, полученных из прачечной. Вообще футболки тут в дефиците, носят-то в основном майки.

— Я лягу, — Маша унесла в кухню стакан, вернулась. — Отвернётесь?

— Нужна ты мне, — буркнул я, но, конечно, отвернулся. Взял со столика будильник, выставил на пять, завёл. Спать осталось — всего ничего... Ушёл в кухню, убрал лишнее со стола.

В комнате шебуршала Маша.

— Можно, — наконец отозвалась она.

— Ну спасибо, — пробурчал я. Сходил в ванну, умылся, почистил зубы. Машинально отметил, что Маше тоже понадобится щётка.

Ну вот какого фига, а? Сплавлять надо эту Машу подальше...

Девчонка лежала на кресле, натянув одеяло на самые уши — её и не видно почти из-за деревянных подлокотников... Я бухнулся на свой диван и, из вежливости сказав «Спокойной ночи», вырубился моментально.

Глава 8

Этот будильник и мёртвого поднимет... Сразу видно — сделано в СССР, никаких нанотехнологий.

Как ни странно — выспался, хотя спал не так и много. В нужную фазу сна попал, что ли? Вчерашнее пиво выветрилось напрочь, головная боль тоже не появлялась. Хорошо!

Маша вроде спит. Поставил чайник, пошёл умываться, но когда шёл обратно на кухню — девчонка уже сидела на кресле и тёрла глаза. Зелёные волосы торчали во все стороны.

— Доброе утро, — кивнул ей мимоходом. Вообще тут половина народу придерживается мнения, что «утро добрым не бывает», и при встрече говорят просто «Утро», но, как по мне, это идиотизм какой-то.

— Доброе утро, — отозвалась Маша. — Встаём?

О, прям во множественном числе. Хотя, если уезжаю — стоит и её выпроводить. Утро вечера мудренее, девчонка скорее всего успокоилась, теперь ей можно и в общагу.

— Да. Иди умывайся, сейчас пожевать сварганю.

Надеюсь, она не веганка? А, нет — колбасу же вчера ела. Вообще тут подобная дурь выбивается быстро — условия не те, чтобы одной травкой питаться.

Маша вернулась быстро, повела носом:

— Яичница с колбасой? Вы прям как мой дед.

Обласкала, блин. Но не обижаться же — не маленький!

— Маруся, это был комплимент или совсем наоборот?

— Комплимент, — девчонка уселась на тот же табурет, что и вчера. — Отец мой только пельмени варить умеет. И то обычно каша получается.

Вот интересно, как можно дожить до сорока лет и не уметь готовить ничего, кроме пельменей? Да элементарно — если жена бегает вокруг мужа и ему в рот заглядывает, а до этого то же самое делала его мама... Впрочем, Маша сказала, что отец с ними не живёт. Сбежал сам или мать не выдержала?

Расспрашивать не стоит. Чужая душа — потёмки, чужая семья — тем более. Наоборот, отвлекать надо Машу, а то у неё опять ступор

начнётся.

— Ну тогда держи комплимент, — я выложил яичницу на две плоских тарелки — откровенно советские, с голубой каёмочкой, и, разумеется, разные. Где тут одинаковые взять... — Сейчас хлеб отрежу.

Обычно девчонки такого возраста хлеб не едят и вообще имеют аппетит синичек, но Маша на еду набросилась. Кстати, её и сильно худенькой не назвать — так, всё «в плепорцию», и с чего она мне невесомой позавчера показалась, когда я её на плече волок... Хороший аппетит — тут это ценится. Классика — кто хорошо ест, тот хорошо работает, анорексички никому не нужны.

Я налил чай и взялся за свою порцию. Доели одновременно.

— Что делать сегодня собираешься, Маша? — поинтересовался я, размешивая сахар.

— А вы? — прямо спросила девчонка.

— Уезжаю по делам, — почти не соврал я.

— Можно с вами?

Упс.

Вот она что, серьёзно? Думает, что можно так вот напроситься чуть не к первому встречному? Придётся обламывать.

— Нет.

— А почему?

— По кочану, Маш, — вздохнул я. Настроение не то чтобы испортилось, но как-то качнулось на минус. — Я не по городу кататься буду, чтоб тебе экскурсию проводить.

— Значит, опасно?

Угу. Не говорить же ей про возможный куш.

— Конечно, опасно. Сожрать могут. Хочешь опять на Болото?

И, глядя на Машу, я вдруг понял, что как раз это для неё — не аргумент. В глазах девчонки светился азарт.

— С вами — хочу!

Блин. Вот вляпался. Оно, конечно, чем-то приятно — доверие тут штука нечастая, но думать не только о поездке, а ещё и о том, чтобы с девчонкой всё было нормально... Перебор. Это даже если «вынести за скобки» серебро.

— Нет, Маша. Не хватало мне ещё тебя опять вытаскивать. Пей давай, уже идти пора.

— А если вот так?

Я чуть не поперхнулся чаем. А ведь мог бы догадаться...

Перед Машей на столе лежало две пробирки — одна с желтоватой жидкостью, вторая с зеленой.

Ну естественно. Маша же, как новоприбывшая, получила в Управе «подъёмные». И, разумеется, как и все остальные — как и я в своё время — получила эту пару пробирок с то ли магической, то ли алхимической хренью... Само собой, произведено в Колледже.

Зеленая — сильный стимулятор, дико обостряет все рефлексы часов на пять-шесть, а то и больше, снимает боль и усталость. Желтая, её называют ещё «зельем оборотня», даёт организму зверскую регенерацию и способна довольно быстро вернуть к жизни почти любого тяжелораненого, лишь бы мозг был не задет — ну и утерянные конечности, само собой, обратно не отрастут.

Эти штучки не то что на вес золота... пардон, серебра — это просто жуткий раритет. Ими официально никто не торгует. Раз в жизни их получает каждый местный житель — коренные на 16-летие, «провалившиеся» — вместе с назначением на работу. Вот только, учитывая здешнюю специфику, большинство их спускает очень быстро — те, кто сидят «в ограде», продают втихаря за большие деньги, те, кто выбирается «за пределы» — тратят на выездах так, что только вьёт. Жить захочешь — потратишь. Я свою зелёную потратил на одном из первых выездов по работе, а жёлтую — когда с Юрой нарвались на гнездо... нет, не хочу вспоминать. Обе в первый год, короче. Насколько я знаю, на всю Базу жёлтых осталось всего четыре-пять штук, а зелёных — не больше пары. И тратить их на кого-то, кроме себя самого, никто не будет.

Я кашлянул — в горле пересохло. Отпил чая. Помолчал.

Маша смотрела на меня во все глаза. Глазищи у неё, кстати, зелёные — волосы в тон глазам выкрашены, не иначе.

«Такого маленького, такого несмышлёного... даже неудобно есть», как говорил волк — да, Волк — в одном старом мультфильме.

— Ты хоть понимаешь, что это такое? — спросил наконец.

— Знаю. Объяснили. Жутко ценная вещь, жизнь спасти может, — просто отозвалась Маша.

— Понимаешь, что можешь это не использовать сейчас как свою хотелку, а продать и с полгода жить безбедно?

Чур меня. Торговля этими штуками запрещена — не до изгнания за стены, конечно, но неприятности обеспечены. Если поймают.

— Понимаю, — Маша демонстративно-неторопливо отпила чай. — А зачем мне тут большие деньги? За границу не поехать, шмоток не купить, тут даже фотиков цифровых нету или компов. Думать, что ограбят? А могут ведь, да?

— Могут, — кивнул я. — Даже я могу тебя взять сейчас за шкирку и выкинуть, а пробирки останутся здесь. Да? — поддразнил я в тон ей.

Соплюшка даже не дрогнула:

— Не выкинете. У вас глаза добрые.

Ну вот что с ней делать? И правда ведь не выкину, раз вчера вечером мимо не прошёл.

— Убери, — я пододвинул Маше пробирки. Та удивлённо захлопала глазами, и я добавил: — Убери и никому не показывай. Давай так: сейчас вместе выходим, я говорю о тебе Юрке. Если он не против — поедешь с нами. Идёт?

— Спасибо, — пробормотала Маша, явно ошарашенная таким решением вопроса. — Идёт.

Ну и славненько. Моя совесть чиста, а Юрка явно её пошлёт подальше, не тот он человек. Ну... можно, конечно, поиграть в эту игру чуть дольше.

Я встал, направился в коридор, надел ботинки — пора собираться. Открыл сейф.

— Стрелять умеешь?

— Из пневмата стреляла, — судя по голосу, у Маши началась эйфория. Ну настроение точно поднялось.

Надев разгрузку с кобурами, я сунул в них, как всегда, «серебряный» ТТ и беретту. Ни на что их не променяю на выезде, даже на любимый 1911. Достал с верхней полки наган, как-то доставшийся по случаю и так и валявшийся незаряженным. Этого добра тут было в избытке, видимо, ещё с тех времён, когда ими вооружались вахтёры, инкассаторы и прочая ВОХРа. Повертел, сдвинул патронный стопор, провернул барабан, дабы убедиться, что патронов нет, подозвал Машу:

— Иди сюда... Сможешь из такого выстрелить? Пробуй, не заряжен.

Девчонка без особой опаски взяла наган, пару раз нажала на спуск — курок сухо щёлкнул. А ствол отвела в сторону, молодец — я уж приготовился наорать. И нажала легко — вообще почему-то считается, что у нагана спуск тугой.

Я накинул куртку, забрал револьвер, сунул его в карман. Патроны для него, конечно, есть — стал бы я держать дома бесполезный ствол... Хорошо, что чищу регулярно, хоть и не пользуюсь. Культура обращения с оружием — хорошая вещь.

— Отдам, если Юрка тебя одобрит. Собирайся давай.

Сумка на подобные выезды у меня обычно лежит собранной — в ней фонарик, бинокль в чехле, патроны, перевязочный пакет, сухой паёк на два дня, армейская фляга с водой и вторая, плоская — со спиртом. Пожалуй, ничего сверх этого не надо. Подумав, сунул второй перевязочный пакет, взял свой СКС. Застегнул на руке ремешок часов.

Маша уже стояла рядом чуть не по стойке «смирно». В грязных кроссовках и куртке с оборванным рукавом. Путешественница... Вот Юрка обхохочется.

— Пойдём...

Юрец подъехал почти сразу, мы и пары минут не ждали. Лихо затормозил свой «козелок» напротив подъезда и уставился на Машу, чуть рот не открыв. Наконец расхохотался:

— Ну, Серый, ты и ловелас!

— Угу, щас, — я как можно циничнее ухмыльнулся. — Это так, знакомая забежала.

Маша стояла за спиной, и мне очень хотелось взглянуть на её выражение лица. По-хорошему, сейчас она просто обязана оскорбиться и уйти.

— Ну-ну, — иронично кивнул Юрка. — Чо, едет с нами?

— Хочет, — как можно небрежнее сказал я — дескать, ну давай, развивай мысль.

— Так пусть едет, место есть, — внезапно ляпнул ОМОНовец. — Лишняя пара глаз не помешает.

Ё-моё. Он что, серьёзно?

Я не сказал это вслух, но Юрка явно понял мои мысли.

— Волк, я серьёзно. Пусть смотрит за датчиками. Нам свободнее будет, — судя по движению глаз, смерил Машу взглядом. — За мой счёт.

Ах даже так? Интересно девки пляшут. Неужто Юрик на Марусю глаз положил, решил поближе познакомиться?

— Юр, учти — у неё опыта боевого нет, — сделал я последнюю попытку.

— Да я по волосам вижу, что из провалившихся, и недавно, — хохотнул приятель. — Реально садись, поехали. У меня даж куртка есть, — пошарив под сиденьем, он вытащил замызганный, но в целом приличный серый дождевик. Открыл правую дверцу. — Как зовут?

— Мария, — Маша почти торжественно прошествовала мимо меня. И я бы ничуть не удивился, если бы она показала мне язык. Уселась рядом с Юркой, захлопнула дверцу.

Поняв, что не стоит стоять как столб, я влез через борт на заднее сиденье, поудобнее пристроил карабин. Вот ведь Юрец, зараза... Но не отменять же поездку!

— Давай, поехали...

Глава 9

КПП проехали без вопросов. На самом деле, если выезжаешь частным порядком, не по службе — всем начхать. Выехал — и город за тебя уже не отвечает. Главное, чтобы документы были в порядке — ну с этим у нас вопросов нет, даже у Маши — документ ей, конечно же, выдали, разве что право ношения оружия в нём не проставлено, но наган пока что у меня в кармане. Может, и вообще не отдавать его ей...

Мне, кстати, было любопытно, обратят ли на посту внимание на Юркины детекторы. Нет, ни слова не сказали — то ли колдун вообще не проверял на наличие колдовских предметов, то ли увидел на них городскую метку и не стал задавать вопросов. Хотя девайсы лежали не на виду — убраны в спортивную сумку.

Вот на въезде нас будут трепать гораздо серьёзнее — вдруг приволокли с собой какую-нибудь заразу... ну, не в прямом смысле, конечно — о подцепленных за пределами города заразных болезнях, тьфу-тьфу, никто не слышал, а вот укус оборотня или бешенство с собой притащить вполне можно. Бывали прецеденты, даже при мне.

Выезжали через южный КПП. Когда-то это был железнодорожный переезд на идущей на юг ветке, но рельсы на бывшей станции давным-давно разобрали — к чему они, если поезда не ходят? Металл не должен пропадать зря. Остались лишь служебные пути, в основном по ним гоняют паровозы, исполняющие роль мобильных котельных. Судя по всему, этого добра в восьмидесятых в депо было много — чёрт его знает, то ли на слом подготовленные, то ли резерв... Но паровозы пригодились — они, в отличие от более современных локомотивов, всеядные, топить можно хоть обогащённым торфом, хоть дровами. Тепловозы же большей частью пошли на металлолом.

Бывший переезд выглядел примерно так же, как блокпост перед Болотом — собственно, они все делаются примерно одинаково, разве что этот сегодня без бронетехники, только укрепления. До аномальной зоны тут пара километров, пост считается более спокойным, выходят через него почти исключительно патрули, что время от времени патрулируют бывшую деревню и набережную до военчасти. Ну что ж... с Богом, как говорится.

Юрка вывернул налево, на дорогу — вперёд уходила бывшая насыпь, тут пути тоже разобраны, но на набережную лучше выехать сейчас, потом будет не съехать. Погода на удивление радовала — тепло, солнышко, разве что птички не поют. Если не знать, что мы за пределами стен — так вроде как и идиллия. Потом, конечно, замечаешь, что деревья и кусты разрослись, а частная застройка за ними поголовно заброшена и разваливается...

Приятель вёл машину небыстро — и дорога тут петляет, и качество её не ахти. Асфальт давно разбит, одни колдобины — впрочем, «козелку» они нипочём, главное — не вывалиться при тряске. Примерно километр — и выехали на открытую площадку напротив реки. Слева открывался шикарный вид на бывший железнодорожный мост, прямо — на Завод на территории Гидростроя, пыльный и ржавый.

Юрка остановил машину и хитро подмигнул:

— Ну что, экипируемся?

Вытащив датчики из сумки, он пришлёпнул их повыше приборной панели, посерединке — смотри-ка, они, оказывается, на магнитах! Продуманные штучки.

Маша аж рот открыла:

— Ой... а что это?

— А это твоя работа на сегодня, дорогуша, — ухмыльнулся Юрик, расплывшись в улыбке. — Вот в этом, — он ткнул пальцем в левый, — будут появляться точки. Это значит, что рядом что-то движется. Я тоже буду смотреть, ты дублируй меня. Если что — кричи, с какой стороны точка. Направление по часам знаешь?

— Нет...

— Тогда просто кричи, когда увидишь точки.

— Юр, ты её сейчас плохому научишь, — не удержался я, запихивая патроны в барабан нагана. — Если она будет кричать, нас от её крика кондратий хватит.

— Ну ладно, ладно. Не кричи, просто скажи, лады? А вот если увидишь, что вот этот шар краснеет, — ОМОНовец показал на второй датчик, — то можешь кричать. Это значит, что рядом нечисть. С той стороны, где гуще цвет. Поняла?

— Поняла, — пробормотала Маша, кутаясь в Юркину куртку. Ей бы на ноги что-нибудь приличное вместо этих легкомысленных

кроссовок... Показалось, или она наконец-то начала задумываться, во что влипла? Впрочем, в одном Юрец прав: лишняя пара глаз, даже неопытных, не помешает.

Я защелкнул стопор и, подумав, убрал наган в карман. Не стоит пока что давать его Маше — пусть на деле сконцентрируется, это важнее.

— Ну, поехали, — демонстративно махнул рукой Юрик, трогая машину.

Вырулили на набережную. Надо сказать, что однажды, ещё «в той жизни», я проезжал этот городок транзитом, из Петрозаводска на Москву — маршрут шёл как раз по этой набережной. И не скажу, что она сейчас выглядит сильно хуже, чем тогда — всё те же колдобины, разве что тут заросло всё, да деревянные дома вдоль дороги ещё стоят, заброшенные и покосившиеся, а там давно уже всё снесено.

Приятель старался вести аккуратно — машина всё же своя, да и дорога неблизкая, но болтало всё равно изрядно. Мне и Маше оставалось лишь держаться за скобы и смотреть по сторонам. Хлипкий мост через ручей-приток, руины церквушки на холме, разрушенная плотина электростанции с покосившимся ржавым козловым краном, бараки с выбитыми окнами...

— Ой, краснеет, — пискнула Маша. Впрочем, я и сам уже смотрел на датчик нечисти — в прозрачном шаре клубился красноватый дым, собираясь «на два часа» — впереди и справа. Всё верно, воинская часть...

— Держитесь, попробуем проскочить на скорости, — процедил Юрка, а я, зажав карабин меж ногами, вытащил ТТ — на высокой скорости надо держаться, с карабином несподручно. Маша вцепилась в поручень напротив сиденья обеими руками.

Краснота сгущалась, понемногу переползая вправо. Второй датчик, что характерно, молчал — нечисть не всегда даёт физическое движение. Вот и сама военчасть — прямо перед ней большая площадка, скорее всего бывшее кольцо автобусного маршрута, если судить по бетонной коробке остановки. Заломило виски — не головная боль, а словно жуткое давление. Из-за высокого забора хорошо видны верхние этажи зданий — как новенькие, с целыми вымытыми стёклами.

Собственно, проблема воинской части была как раз в том, что она давала эту жуткую давящую ауру и при этом выходила почти вплотную к дороге — что называется, попробуй проскочи. А вот какого чёрта она выглядит так, словно нет разрухи — никто не знал. Из тех, кто рискнул сюда выбраться, ожидаемо никто не вернулся. И не объехать — территорию занимает неслабую, упираясь в насыпь железной дороги, и объезды давно заросли.

— Что это, — пробормотала Маша, зажимая одной рукой висок.

— Держись, Маруся, прорвёмся, — заорал Юра. У меня в глазах стояла чернота, голова, казалось, вот-вот взорвётся. Ворота части с КПП — закрыто, никакого движения... или не разобрать? Шар-датчик уже густо-малиновый, «козелок» скачет по ухабам, что твой козёл. Ощущение, будто не раннее утро, а тёмная ночь...

И — отпустило. Отпустило рывком, когда мы отмахали от военчасти метров на двести, уже перед первыми домами соседней деревеньки Горка, обычной и заброшенной, как и дома на набережной. Юрка ничего, нормально, а вот Маша вся бледная. Ну ещё бы! Такое не каждый взрослый мужик выдержит.

— Ну что, Маруся, не передумала? — не выдержал я. Но Маша упрямо крутнула головой:

— Нет! Едем.

С характером девчонка. Это, наверное, хорошо...

Я повертел ТТ. Останусь, пожалуй, с ним — не вся нечисть осталась позади. В Порогах тоже может быть весело — деревенька та ещё. Дикая.

На вид Пороги были совершенно безобидными — ну, деревня и деревня, дорога проходит её насквозь, прямая, как стрела, хоть и ожидаемо раздолбанная — хотя до таких ям, как нам позавчера устроил водяной или кто-то из его «подручных», никогда не доходило. Говорят, что не доходило — народу здесь ездит немного, это вам не маршрут на Гидрострой.

Проблема была чисто психологической, за что деревня и получила прозвище «дикая». Она постоянно меняла свой вид — в прямом смысле. Деревья и дома перемещались, дворы то выстраивались в ряд, то разлетались «каменкой», то казалось, что в деревне кипит жизнь — люди чуть ли руками не махали путникам, зазывая в гости, то дома все как один превращались в руины. Все одновременно могли вспыхнуть,

на дороге могла появиться стая собак, можно было ехать и всё время видеть рядом с собой один и тот же дом...

Колдуны никакого конкретного вердикта по Порогам не выдавали. Аномалия, и всё тут. Что-то вроде эффекта от ЛСД — глюки в ассортименте. Впрочем, как рассказывал мне один приятель, давно, ещё в общаге, в «том мире» — привыкание к наркоте типа ЛСД чисто индивидуальное, психологическое. Кого и при долгом употреблении не вставит, а кто-то с катушек съедет при первой же попытке.

Вот уж не знаю, со знанием дела он это говорил или нет — предполагаю, что да, травку он покуривал знатно, да и куда-то на Карельский перешеек за «грыбочками» выбирался периодически — но с этой деревенькой творилось нечто подобное. Потому она и стала страшилкой — никакой защиты в Колледже то ли не нашли, то ли и не искали. А те, у кого нервы покрепче, просто предпочитали проскочить Пороги поскорее — тем более, что их, как и воинскую часть, толком не объехать. Разве что по реке.

— Ну что, берегите пенсне, Киса, — процедил Юрик. — Серый, ты рассказал Марусе о том, что впереди?

— Не успел. Ты ж сам её с собой потащил, — я не выдержал, таки огрызнулся. Впрочем, приятель, судя по всему, не собирался заморачиваться:

— Тогда закрывай глаза, Маруся. Иначе щас сама из машины выпрыгнешь.

— То есть?

— Не верь глазам своим... Тут всё неправда.

Горку проехали. Машина шла со средней скоростью — открытое пространство перед Порогами оказалось разбитым, но не сильно.

«Дикая деревня» приближалась. На вид сегодня как настоящая (хотя что я выпендриваюсь, я тут всего второй раз, обычно вижу её максимум с противоположного берега, она ж как раз напротив пристани Гидростроя) — два ряда домов по обе стороны дороги.

— Нечисти нет, — доложила Маша, глядя на шарик. Голос прозвучал неуверенно — ну да, все говорят, что нечисти тут не чувствуется, причина аномалии совершенно иная. Почему я сейчас взял «серебряный» пистолет? А сам не знаю, как раз для лишней уверенности, наверное.

— Нету, нету, — кивнул я. — Юр, ты как?

— Нормально, — отмахнулся ОМОНовец.

Вот и первые дома. Скорость километров тридцать, дорога почти ровная — так, потряхивает слегка. Дома выглядят как обычно, вон мелькнул кто-то в окне, вон во дворе женщина бельё развешивает... Нормальная деревня, словно никакой аномалии. Неужели проедем спокойно?

— Я будто... у себя... — пробормотала девчонка. Действительно, всё хорошо, даже травой пахнет.

Это произошло, когда до крайних домов деревни оставалось метров сто, не больше. Справа наперерез машине бросилась здоровенная собака с обрезанными ушами — кавказец или что-то вроде того, и стоило мне и Маше на секунду отвлечься — как слева прямо под колёса метнулся ребёнок, на вид лет шести, не больше. У меня нервы сравнительно крепкие, но и то внутри всё словно рухнуло в пропасть — бывает такое, когда тело продолжает двигаться вперёд, а мозг больше всего хочет оставаться на месте... Маша завизжала.

Спокойным остался лишь Юрка — у него ни один мускул на лице не дрогнул, даже когда два тела разлетелись в стороны — иллюзия, конечно, не было даже ни малейшего толчка, машина прошла сквозь привидений, как горячий нож сквозь масло. Маша, бледная как мел, обернулась к ОМОНовцу, вытаращила глаза... и я еле успел сзади ухватить её за шиворот куртки — она уже была в прыжке, пытаясь выскочить из машины прямо на скорости. Что это с ней?

Девчонка оглянулась на меня — в глазах её был не просто страх, а ужас. Извернулась и вцепилась зубами в мою руку. Неужто крыша поехала? Бросив ТТ на пол, я прижал его ногой — не хватало ещё, чтобы вылетел на кочке! — и отвесил девчонке подзатыльник. А что ещё делать!

«Козелок», подпрыгнув ещё пару раз, миновал последние дома «дикой деревни». Маша обмякла у меня в руке — похоже, стресс оказался слишком велик. С чего она на меня набросилась?

Отъехав метров на сто, Юрка притормозил — мотор не глушил, конечно. Посмотрел на Машу, потом на меня:

— Обосрались?

Не то слово... Он и сам бледноват. На лицо Маши пятнами возвращался румянец — вообще белое лицо с зелеными волосами смотрится оригинально, девчонка сейчас сама любую нечисть

напугает. Она переводила взгляд то на меня, то на Юрку, явно не понимая, что произошло.

— Эээээто вы? — промямлила она.

— Нет, блин, конь в пальто, — не выдержав, плюнул я. Поднял ТТ, повертел, сунул в кобуру. — Маша, радость наша! В следующий раз захочешь выпрыгнуть из машины — я тебя держать не буду!

Буду. Буду, куда я денусь... Девчонку, судя по её виду, что-то жутко напугало. Но что? Неужто эта иллюзорная авария? Зачем тогда кусаться? Вцепилась, кстати, сильно — крови нет, шкура у меня не нежная, но след останется.

— В машине были не вы... Это были... Я не знаю, кто...

После осторожных расспросов выяснилось: сразу после удара по «ребёнку» Маша обернулась к Юрке и увидела вместо него за рулём некую мерзкую тварь — скрюченную, с коричневой шкурой, раздвоенным языком и горящими глазами, одетую в Юркину одежду. Видела она её всего секунду и сразу попыталась выпрыгнуть — похоже, на инстинктах. Что-то удержало — это я её успел уцепить. Когда она обернулась ко мне — увидела, что её держит серое лохматое нечто с волчьей мордой. Потому и укусила...

Вот тебе и ЛСД. Интересный эффект, о таком я не слышал. Подействовало, судя по всему, только на Машу — и хорошо подействовало. Ну так-то и неудивительно — она ж не знала, что ждать от Порогов. Выходит, правильно я сделал, что не дал ей наган сразу — могла бы и пальнуть с перепугу. Потому что девчонка явно не робкого десятка — все бы смогли зубами тяпнуть за лапу волка, схватившего вас за плечо? Вот то-то...

Приведя Машу в чувство — пришлось влить в неё 50 грамм спирта, — тронулись в дорогу. Теоретически, дальше должно бы быть проще — но кто знает?

И лично я уже сильно жалел, что не отговорил Юрку. Рисковать этой девчонкой я, чувствую, не готов даже за пару ценных пробирок...

Глава 10

Дальше ехали уже спокойнее. Дорога лучше не стала, пожухшая трава лезла изо всех щелей. Хорошо хоть, вокруг поля — всё просматривается. На датчиках чисто, хотя один из них, по идее, и на мелкое зверьё должен реагировать.

Дорога ушла в сторону реки — впереди ещё один железнодорожный мост, проехать можно лишь в «бутылочном горлышке» под его крайними опорами. Конечно, ГАЗ-69 пройдёт скорее всего и прямо через пути, но какой смысл машину насиловать...

— А по мосту можно проехать на ту сторону? — спросила Маша.

— Нет. Только пройти, — потряс головой Юрик. — Только что там делать? Разве что на Гидрострой выйти.

— Поезда не ходят?

— Какие поезда, Маш? — не выдержал уже я. — Нету тут крупных городов, нету. Возить нечего и некуда. Впереди куча аномальных зон, вроде нашего Болота. Завалы на рельсах, брошенные поезда. Расчищать это некому и незачем.

— Подтверждаю, — кивнул ОМОНовец. — Пробовали, давно уже — не стоит овчинка выделки. Брошенный поезд тут недалеко есть, мимо поедем...

Машина миновала покрытый ржавчиной мост. Сооружение, конечно, крепкое и простоит ещё долго, вот только смысла от него — ноль. Теоретически, через него можно было бы проложить дорогу в эти места с Гидростроя — как раз получится в обход аномальных зон, но фишка в том, что здешние деревни интереса ни для кого не представляют — если, конечно, клады не искать, хе-хе. Так что огород городить никто не будет — с ресурсами и без того напряг, а дороги на Нефтехим по берегам нет.

— Мы сюда как-то на шашлыки ездили, — задумчиво сказал Маша. — Как раз вон там устраивались...

Тьфу ты, Маша. Хоть бы про поездки на шашлык не вспоминала — я вот съездил год назад... Хотя она-то это откуда знает.

— А мы мясо не взяли, так что придётся без шашлыков, — Юрка был бы не Юркой, если бы не подстебнул. Маша насупилась и

замолчала.

Мост остался позади, впереди показалась заброшенная деревенька Бор. Впрочем, она совсем обыкновенная, да и находится по одну сторону от дороги, занимая пространство меж дорогой и рекой. Справа от дороги раскинулось старое кладбище с покосившимися решётками и крестами, густо заросшее кустарником и деревьями. Датчик движения пару раз показал мелкие точки на самом краю — возможно, разбегались потревоженные звуком мотора зайцы или лисы. Деревня-то покинута давным-давно, вряд ли тут кто живёт. Живут в основном в деревнях по другую сторону Вокзального, не отрезанных аномальными зонами типа Порогов. Хорошее, кстати, названьице — о подобный «порог» кто угодно споткнётся...

Ладно, хватит лирики. Тем более, вот и поворот — выходит, половина дороги за спиной. У самой бывшей трассы стоял покосившийся столб с указателем «Морозково» и стрелкой, еле угадывавшимся за ржавчиной, а чуть поодаль — будка железнодорожного переезда, почти вплотную к которой стоял небольшой тепловоз округлых форм с прицепленной к нему парой пассажирских вагонов. Тепловоз когда-то был малиновым, а оба вагона ещё в советской, зелёной окраске — я уж отвык от неё, в «прошлой жизни» всё больше встречал красно-серую, ее обычно называли «пидовской» — кому, интересно, пришло в голову переиначить логотип «РЖД» в «PID»?. И, разумеется, ржавые — скорее всего торчат тут лет тридцать, чуть не с самого начала.

— А ведь в тепловозе бензин должен быть? — вдруг спросила Маша, когда газик переваливался через рельсы заброшенного переезда — деревянный настил меж ними давно уже развалился.

— Во, Маша, ты прирождённый мародёр! — хохотнул Юра. — Разбираешься в вопросе! Всё правильно, была там солярка. Слили её давным-давно, наверное, в самом начале ещё — там дырка в баке пробита.

Забавно, Юра тоже сказал «в самом начале». Ему лет 35, насколько я помню — значит, родился незадолго до того, как грянуло. Получается, весь бардак первых лет видел своими глазами... Потому, скорее всего, и не боится вылезать в такие вот заброшенные места.

Машина неторопливо покатила меж полей, объезжая совсем уж вопиющие ямы. Я глянул на часы — восемь, начало девятого. Пока

суть да дело, два часа уже прошло. В принципе, неплохо идём — если ничего не случится, к полудню можно будет тронуться в обратный путь. Тьфу-тьфу.

А вообще, тихо так, что аж противно. Не бывает всё гладко — это и настораживает. Хотя... Юрка ж говорил, что ничего аномального в этих местах не замечено. Может, и прокатит? Хорошо бы.

СКС, тем не менее, из рук не выпускаю — пространства тут большие, с ним сподручнее. На датчике движения вообще пусто — зверьё если и появится, то позже, в лесу. Хотя, со зверьём тут (не именно «тут», в этих местах, а вообще) не совсем понятно. С одной стороны, при отсутствии людей за 30 лет (ну хорошо, на деле поменьше) должно было всего расплодиться — ужас сколько. Причём непуганого. А ведь нет — вон, мы сколько едем, и даже птиц особо не видать. Всё же сдвиг, открывший пробои, явно что-то сместил и с природным балансом...

Дорога по полям заняла минут сорок — Юрка не гнал. Показалась деревня Морозково — сначала какие-то кирпичные заброшенные склады слева от дороги, заросшие не то что по самую крышу, а вообще вместе с крышами, потом справа, за густой пожухшей травой, открылась кирпичная двухэтажка — большинство окон выбиты, некоторые заколочены посеревшими от времени листами фанеры. Проплыла мимо бетонная коробка автобусной остановки, развалённый кирпичный параллелепипед сельпо, из-за деревьев выглянула труба — видимо, у бывшей котельной. Пошли стоящие почти у самой дороги сельские дома — душераздирающее зрелище, на самом деле, особенно с пониманием того, что когда-то здесь кипела жизнь... Через пару-тройку недель начнутся дожди, и всё станет совсем уныло — сейчас, по сухому, всё же это выглядит более-менее позитивно.

Да, хорошо, что поехали сейчас — к осени дорога окончательно раскиснет, на ней асфальта почти не осталось, всё смыла непогода. А зимой всё завалит, даже при том, что снега выпадает не так много. Просто чистить-то за городом некому — потому и асфальт разъедает по весне... К обитаемым посёлкам — там да, периодически проходит грейдер, мы даже сопровождали его как-то этой весной.

А небо, кстати, не то чтобы хмурится, но облаками затягивает. Как бы дождь не пошёл — по крайней мере в ближайшее время.

Вымокнуть как-то совсем не хочется — тент у Юркиной машины есть, но он сильно сужает обзор.

После Морозково метрах в трёхстах — уже лес. Не сильно высокие, но многочисленные лиственные деревья стояли сплошной стеной, уже начиная желтеть.

— Ну что, смотрите в оба, — процедил сквозь зубы Юрик. Что-то он сегодня на удивление немногословен — так-то его обычно не заткнуть, слова фонтаном. А сегодня в основном Машу подначивает. — Маруся, датчики! Помнишь?

— Помню, — Маша бегло оглянулась на меня и снова повернулась к прозрачным шарикам. Вообще, прозрачным — это хорошо. Видеть красную муть в одном из них мне как-то совсем не хочется.

Въехали в лес, и сразу стало темнее — кроны деревьев, конечно, над головой не смыкались, это вам не вековые ели, но вымахали они неслабо. Росли деревья почти вплотную к дороге — скорее всего их особо и не вырубали при её прокладке с полсотни лет назад, а то и раньше, — вдобавок всё на дороге, кроме узкой когда-то асфальтовой полоски, густо заросло кустарником и деревцами, уже не сильно и молоденькими. Да и вообще растительность лезла чуть не из-под колёс, в основном из старых ям в асфальте. В результате ехали как в туннеле — одна надежда на датчики, глазом тут увидишь зверя лишь в тот момент, когда он на тебя прыгнет...

Вопрос — есть ли тут звери?

Шум мотора звучал глухо, словно увязая в густой растительности. Кое-где из-за деревьев торчали покосившиеся столбы — то ли электрические, то ли телеграфные, я в них не разбираюсь.

— Ой, точка, — вдруг пискнула Маша. Юрка глянул на шар, и тут же переключил передачу на пониженную, машина рывком замедлила ход.

Жирная точка плавала в шарике почти прямо по курсу. А вот она раздвоилась — теперь точек две, большая и маленькая, обе рядом.

Я вскинул карабин — скорость ни о чём, держать можно обеими руками, если сесть ногами враспор. Юрка ощупал лежащий рядом с ним «томми», Маша вжалась в сиденье.

С мизерной скоростью машина вползла в плавный поворот и остановилась.

— Тьфу ты, — плюнул ОМОНовец, убирая руку с автомата.

Впереди, метрах в пятидесяти, прямо на дороге стоял лось и меланхолично жевал листья. На машину он, похоже, не обратил ни малейшего внимания. Колоритный такой лось, метра два в холке, но без рогов. А рядом с ним — второй, совсем маленький, мне по грудь, не больше.

Вот вам и две точки.

— Ой, прелесть какая, — протянула девчонка. — Так бы и закаваила...

Юрка покосился удивлённо — слово незнакомое услышал, тут анимешники редко встречаются. С чего бы, как говорится.

— Ты не думай даже, тебя его мамаша так закаваит, что мало не покажется, — оборвал я Машу. — Сиди, не двигайся. Лосиха снесёт нас и даже не заметит, если испугается.

— Волк дело говорит, — кивнул Юрка. Почесал затылок и всё же взял автомат в руки. — Сидим, не шумим. Сами уйдут. Серый, если ринется на нас — валим на глушняк. Лучше потом тушу оттащить, чем нас отскребать от машины.

Маша открыла было рот — видимо, для протеста, — но сразу же его и закрыла. Похоже, поняла, чем грозит бегущий на тебя испуганный лось.

Проторчали мы в режиме «эти глаза напротив» около получаса, после чего лосиха с лосёнком так же неторопливо побрели налево, в лес. Лишь дождавшись, когда с датчика исчезнут точки, Юрка тронул машину с места.

— Бензин зря пожгли, — буркнул он. — Ну ладно, нам хватит.

— Заглушил бы.

— Ещё не хватало, посреди леса...

— Зато убедились, что и этот датчик успешно работает.

— Ну а ты сомневался? Не, в таком деле лажи не бывает...

— А знаешь, что интересно, — вдруг пришла мне в голову мысль. — Смотри, лоси спокойные, как в танке. То есть, хищников и прочей дряни рядом нет?

— Выходит, нет, — протянул приятель. — А это плюс... Неужто без приключений съездим?

— Приключения могут быть на обратном пути, — вдруг встряла голос Маша. Я уж хотел было выдать ей гневную отповедь за

паникёрство, но прикусил язык: как ни крути, девчонка может оказаться права. В нашей ситуации лучше перебдеть, чем недобдеть.

Тем не менее, дальше ехали без приключений. И правда, будто всё вымерло — мелкие точки на периферии датчик периодически видел, но вблизи так ничего и не появилось. Кое-где в стороны от дороги уходили заросшие гати, угадывавшиеся лишь по торчавшим брёвнам и прореженным деревьям. Значит, вокруг болотина... Или земля такая, что нормальную дорогу не проложишь, расплывётся всё.

Еще минут сорок болтанки — и перед нами открылось Волково: вон один домик, вон другой...

На небольшой скорости газик выполз на небольшую то ли площадь, то ли «ватрушку» — справа стандартная коробочка автобусной остановки, остаток былого благополучия, в центре — столб с карикатурно стоящим под ним ржавым остовом будки телефона-автомата. Вокруг — заросли травы, посеревшие от непогоды дома за разбитыми заборами, всё те же угрожающе накренившиеся столбы с обрывками проводов... Заросшая и разбитая дорога — тут уже никакого асфальта, чистая грунтовка — расходилась на три стороны, петляя меж изб. Под лёгким ветерком шумели разросшиеся деревья.

Остановив машину, Юрка вытащил карту:

— Вот, смотри... Разговор был о сгоревшей церкви. Крестик вот тут, слева — значит, в этом месте она и стояла... — сложив карту, он сунул её за пазуху и взялся за руль: — Поехали, это совсем рядом, метров триста.

Глава 11

До церкви оказалось даже ближе — метров двести, правда, вот тут дорога была убита окончательно — скорее всего её ежегодно на протяжении 30 лет размывало дождями. Дома по обе стороны дороги, грязища, торчащий в одном из проулков ржавый ЗиЛ-130... Что ещё ожидать?

Правда, тут же был и сюрприз — церковь, огромное деревянное сооружение, откровенно ветхое и даже уже не посеревшее, а почерневшее от времени, была целёхонька — разве что колокольня и четыре купола по углам откровенно покосились.

— Не понял, — протянул Юрка. — Тот тип говорил, что церковь сгорела.

— Юр, она могла сгореть в том мире, откуда он был, — не сразу сообразил я. — Четвёртое измерение...

— Хм... а может быть. Вроде слышал, что в девяностые был бардак?

— Был... Могла сгореть и в девяностые, и вообще за день до того, как твой информатор там побывал. Нам-то какая разница? Я так понимаю, это именно она.

— Ну да...

Юрка заглушил мотор, бросил взгляд на датчики. Я последовал его примеру — надо же, чисто. Неужто всё же удачно складывается?

— Вылезаем? — спросила Маша.

— Сиди уже, — махнул рукой Юрка, вынув ключ зажигания. — Следи лучше за датчиками, не попрёшься же с нами внутрь...

— А вы куда?

— А вон туда, — мотнул головой ОМОНовец, указывая на дом напротив церкви.

Я выпрыгнул из машины, потянулся. Приятно пройтись по земле после нескольких часов болтанки. Проверил пистолеты в кобурах. Отдать, что ли, наган Маше? В принципе, можно — я его и зарядил, пока ехали. Правда, зачем? Аномалий тут явно нет, нечисти — тоже, движения ноль. Правда, опять нахлынуло чувство, похожее на то, которое преследовало, когда я вечером шёл к Юрке — словно по пятам

кто-то идёт. Ну что ты поделаешь... Впрочем, скорее всего, это пустота и тишина так влияют.

Приятель тем временем вылез из машины, взял в руки «томмик» и, осторожно озираясь, пошёл вперёд, по дороге. Правильно — доверяй, но проверяй...

А, чёрт с ним.

Я вытащил наган и протянул его Маше:

— Держи, убери... Если что — стреляй в воздух. Предохранителя нет, просто на спуск нажмёшь, и всё.

Глаза девчонки округлились:

— А что может быть?

— Ну, не знаю... Увидишь что-то совсем непонятное, например. Главное — нас случайно не подстрели. Будет неприятно.

Маша с опаской взяла револьвер, посмотрела на него так, будто видела впервые. А что ты хочешь, девочка? Чай, не в сказку попала. Домовые-лешие и прочие водяные — это вполне реальный местный антураж...

Я осмотрелся. Дом, похоже, стоит на окраине — дальше, за церковью, начинался уже откровенный лес, в который ныряла заросшая дорога. Ну да, и на карте ничего в ту сторону нет, разве что ещё одна деревня дальше по дороге. Прямо за церковью, параллельно дороге — двухэтажный дом, похоже, близнец того, что мы видели на въезде в Морозково — такой же заброшенный, выбитый и заколоченный. Дорога к нему изрядно заросла. Да и вообще везде высокая пожухлая трава и, что характерно, не примятая — значит, давненько здесь никого не было. Это хорошо.

Вернулся Юрка, повесил автомат на грудь:

— Всё тихо... Ну что, попробуем?

— Давай.

— Давайте не очень долго, хорошо? — попросила Маша. — Как-то тут... не по себе.

— Терпи, Маруся, — ухмыльнулся Юрка. — Сама с нами напросилась. Волк, пошли, — резюмировал он, доставая из машины топорик и монтировку.

Дом стоял традиционно — окнами к дороге, почти скрытый разросшимися кустами. Покосившийся забор совершенно развалился, да и дом выглядел неважно — с выбитыми окнами, дверь в сени

открыта и перекошена, двор зарос ничуть не меньше, чем всё остальное вокруг... Крыша, правда, цела — покрыта шифером, видимо, он и спас от излишней сырости. Нам в подпол, но не хватало, чтобы нас там завалило.

В этой высокой траве не видно змей — а ведь они скорее всего есть, просто мелкие, потому и датчик их не видит. Правда, мы оба в высоких берцах, нам они не страшны. Вот Маше в траву лучше не лезть.

Я закинул СКС на плечо, вытащил «беретту» и фонарик.

— Ну что, заходим?

— Давай... Подпол, по его словам, в комнате, что выходит на улицу.

Ну да. Это пятистенка, по сути двухкомнатный дом. Строят их по-разному, но подпол есть всегда — без него ни один дом не обходится.

Тьфу, некстати о домовых вспомнил. Ох уж эта Маша... Есть же поверье — если давно никто в доме не жил, в нём вполне может завестись что-то нечеловеческое. Вроде надо что-то сказать, когда в заброшенный дом входишь? Совершенно не помню.

Я повёл лучом фонаря. Сени захламлены какими-то досками, из них вела в комнату лесенка на три ступеньки. Дверь прикрыта. Откроется?

— Юр, смотри, вокруг, чтобы не обвалилось ничего. Попробую открыть...

— Есть, смотрю, — отозвался приятель.

Дверь открылась сравнительно легко. Вон видна комната, пустая и пыльная.

В глазах сверкнуло, и мир померк.

Глава 12. Маша

Ну зачем я с ними напросилась? Вот правда — зачем?

Мало того что я сюда попала, неизвестно куда... так теперь ещё и уехала в какую-то глухую деревню, где нас, наверное, всего трое на двадцать километров...

Маша, нахохлившись, сидела в машине — всё там же, на переднем сиденье. Мужики — вон они, шушукаются о чём-то перед входом в дом. Интересно, зачем они туда пошли? Скорее всего, ищут что-нибудь ценное — зачем бы ещё они потащились в эту глушь, да ещё и мимо нечисти...

Нечисть. Как странно. Как в страшной сказке.

Вспомнив Пороги, девушка вздрогнула. Наверное, это были всё же глюки, но какие яркие!

А что тут может быть ценного? Если верить тому, что уже говорили — деревня лет 30 пустует. Давно растащили всё...

Открыв дверцу, Маша вылезла из машины. Хорошо, что не сыро — кроссовкам, кажется, пипец. Не сейчас, так завтра развалятся. Тут хоть можно купить нормальную обувь? Надо было у девчонок в общаге спросить. Вот что мне там не сиделось, а?

Да потому что ты, Маша, такая шебутная и есть. И по заброшкам любишь лазать — хоть в компании, хоть даже и одна.

Ну да. А что, сидеть всё время на попе ровно? Потом и вспомнить будет нечего.

Девушка сунула руки в карманы дождевика — пальцы наткнулись на холодный металл нагана. Словно током ударило — да, это пистолет. Настоящий. Из него убить можно.

Я не хочу никого убивать!

Да и не надо, в общем-то...

Не вынимая рук из карманов, девушка обошла машину, попинала зачем-то колесо. Подняла глаза — церковь возвышалась, нависая над ней, как стена. Взгляд почему-то остановился на резных наличниках окон — надо же, столько лет прошло, а они вон какие аккуратные...

— Ну что, Маруся, скучаешь?

Маша обернулась — раздвигая уже примятую траву, от дома к ней шёл Юрка. Правда, выражение его лица было каким-то... странным. Маше оно решительно не понравилось.

— Вы что, уже всё? — машинально спросила девушка. Как-то быстро, и правда.

— Да почти, — ОМОНовец улыбнулся во весь рот, и Машу отчего-то затрясло. Нехорошая была улыбка.

— Серый там отдыхает пока, — сообщил бородатый, приблизившись вплотную. Снял с шеи автомат, небрежно бросил его на заднее сиденье машины. — Как ты насчёт любви?

— Что? — скорее просипела, чем сказала Маша, понимая, что голос сел.

— Ну ты тупая? Хотя, наверное, да, раз потащилась с Волком. Но не зря же я тебя сюда пёр... — ОМОНовец схватил Машу за левое предплечье — хватка у него была что надо, девушка еле удержалась от слёз. — Всегда хотел посмотреть, что умеют ваши, ОТТУДА... а тут такой случай.

Дальнейшее произошло очень быстро.

Курок Маша спустила автоматически, одновременно с рывком Юриной руки. Наган так и оставался в кармане, но это помехой не стало — выстрел прозвучал хлёстко, рыжий взвыл и схватился за левый бок обеими руками, оттолкнув Машу. В глазах потемнело, девушка рванулась в сторону, чуть не полетев по дороге кувырком, выдернула револьвер из кармана, задев чем-то и разодрав ткань дождевика...

И замерла.

ОМОНовец так и остался стоять, зажимая левой рукой бок. Правой он уже тянулся к кобуре на поясе. Вот расстегнул, вытащил пистолет... Озирается...

До него — метров пять, я посреди дороги, как на ладони, но...

Он что, меня НЕ ВИДИТ?

Маша осторожно потрясла головой. Рука болела, перед глазами продолжала висеть муть.

Попробовать пошевелиться?

Девушка осторожно шагнула в сторону. Юрка не отреагировал — хотя головой крутит вовсю, пистолет поднял на уровень глаз, морщится от боли...

Он и правда не видит меня! Как так получилось?

Маша сделала ещё несколько шагов в сторону — теперь она оказалась почти у Юры за спиной. Тот, матерясь, что-то распаковывал — наверное, хотел перевязать рану.

Так вот зачем он поддержал меня, когда я сказала, что хочу поехать... Извращенец чёртов. Ещё и подначивал всю дорогу, гад...

Девушка поняла револьвер на уровень глаз, совместила мушку с затылком рыжего. Неужели это так просто? Как тогда из пневмата по банкам — просто бах, и всё?

А где Сергей? Что с ним? А не убил ли он его?

Волной подкатила ненависть, и Маша, почти не осознавая себя, спустила курок — правда, отвела ствол в сторону.

Эффект превзошёл все ожидания.

Юрка крутанулся на месте, пальнул — впрочем, совсем не туда, где находилась Маша. Глаза у него были совершенно безумными. В следующий момент ОМОНовец метнулся за машину и присел там.

— Я пас! — заорал он несколько секунд спустя. — На это мы не договаривались!

Это он что, мне? Ну уж нет, я не отзовусь...

Сжимая тяжёлый наган обеими руками, Маша осторожно заглянула за машину — впрочем, не приближаясь. Юрка сидел там и, такое ощущение, говорил по мобильнику — по крайней мере что-то небольшое держал у уха.

— У девчонки пистолет! Откуда я знаю, откуда! Волк дал, наверное. И она, сука, невидимая! Ты не понял? Она взяла и, сука, исчезла! Сейчас в меня стреляла! Да, могу на звук стрелять, но звука нет, ты понял! А пули, сука, у уха свистят!

Его лоб был покрыт испариной, голос дребезжал на грани истерики.

— Я на эти ваши штучки не подписывался! Могли бы и здесь встречать. Волка я вырубил, ещё полчаса проваляется точно. Приезжайте, забирайте сами! И с девчонкой разбирайтесь, я валю нахрен!

Ах вот как? Значит, Сергей жив!

Маша пальнула куда-то вбок, стараясь ни в коем случае не задеть ОМОНовца. Впрочем, этого хватило — пуля ковырнула доску на стене церкви, Юрка взмыл, словно подброшенный пружиной, в одно

мгновение оказался за рулём «козелка», завёл мотор. Машина аж прыгнула с места — с пробуксовкой развернулась, чуть не завалившись на бок, и умчалась обратно по раздолбанной дороге, подпрыгивая на ухабах.

Маша так и осталась стоять посреди улицы, сжимая в руках наган. Шумели от ветра кусты, летела пыль над дорогой.

Напряжение понемногу отпускало, ушла серая пелена. Девушка отошла к церкви, присела на разваливающийся фундамент. Так и хотелось разреветься, но...

Где Сергей? Времени, скорее всего, не полчаса, а гораздо меньше.

Глава 13

Сознание вернулось не сразу. Вроде были какие-то голоса, плыли размытые цветные пятна... Потом накатила боль — башка, такое ощущение, сейчас расколется пополам. Светлое пятно прояснилось, превратившись в лицо с зелёными волосами, голос звучал глухо, как через подушку:

— Сергей, вы слышите меня? Ваш приятель сбежал, он звонил кому-то по мобильному! Это он вас ударил!

Какая фигня...

Звонил по мобильному. Да нету тут мобильной связи! Рации — максимум.

Юрка — ударил меня? Зачем? Хотел забрать серебро? Но... какое серебро, мы же ничего не нашли. Мы зашли в дом, и...

Голова отозвалась очередным приступом боли.

— Сергей, вы меня слышите?

Вот неугомонная девчонка. Чем меня приложило? Всё же сорвалась притолока или что-то вроде того?

— Сергей Михалыч!

— Слышу, — сказал я. Точнее, попытался сказать — губы слушались с трудом. Попробовал опереться на локоть и привстать — голова закружилась, ощущение было, что сейчас стошнит. — Юрка где?

— Сбежал, — почти плачущим голосом сообщила девчонка. — Он меня изнасиловать хотел. Он сказал, что сейчас кто-то приедет. По-моему, кто-то плохой.

Плохой. Юрка. Изнасиловать. А что, Юрка мог попытаться... Но со мной-то что случилось?

Мысли разбегались, как тараканы. Я снова попробовал встать, но понял, что это выше моих сил. Сотрясение, и сильное — от такого днями отходят... Перед глазами опять заплясали цветные пятна, свет начал меркнуть.

Ровно до тех пор, пока я не почувствовал на губах характерный кисловатый привкус. Его, вероятно, никогда уже не забуду с того раза...

«Зелье оборотня» усваивается мгновенно. Не знаю, сколько в меня влила девчонка — несколько капель или всю пробирку, — но эффект ощутился сразу. Всё тело передёрнуло, словно судорогой — не знаю, на что эта хрень действует, на нервные окончания или ещё на что, головную боль будто стёрли влажной губкой — так, ноет чуток в затылке. Разлепил глаза — взгляд сразу сфокусировался: вот она, Маша, стоит надо мной на коленях, полупустая пробирка в руке.

— Теперь вы в норме?

В норме... В прошлый раз на мне чуть не за полминуты зажил располосованный до кишок бок и почти напрочь оторванная нога — хорошо, кость тогда более-менее уцелела. Боль была адская — причём и в момент «лечения». Если в этот раз было простое сотрясение, пусть и сильное — да я, Маша, как огурчик...

Но, судя по всему, произошло действительно что-то из ряда вон выходящее, раз девчонка использовала зелье. На меня, мать её, использовала! Фантастика...

Я резко сел — Маша отпрянула, но скорее от неожиданности. Голова даже на резкое движение не отреагировала — да, как и в прошлый раз, зелье действует сразу и вдобавок чуток усиливает организм.

— Нормально, Маша. И, это... спасибо. Говори, что произошло. Нутром чую — если ты влила в меня зелье, то это жопа. Так?

Охлопал куртку — пистолеты на месте. СКС... вот он, рядом лежит. Дом позади меня, дверь открыта, трава вся примята. Оглушило меня внутри дома — выходит, Маша меня и вытащила? Офигеть, я далеко не пушинка.

Девчонка, так и продолжая стоять на коленях, быстро и сбивчиво рассказывала, и у меня волосы на голове начали шевелиться. Охренеть просто.

Причём неясно, от чего именно охренеть — от того, что, по её словам, по башке мне дал Юрка, от того, что он явно, опять же по её словам, говорил по мобильнику, которых тут нет в принципе, или оттого, что она, став, блин, невидимой (!!!), умудрилась вусмерть напугать ОМОНовца?

То, что по итогам сказанного на нынешнюю поездку надо смотреть совсем под другим углом, я скромно опущу...

Встал, охлопал себя — ну да, как огурчик, такое зелье действует безотказно. Подал Маше руку, рывком поставил её на ноги:

— Полчаса, он сказал? А сколько прошло?

— Не знаю, минут пятнадцать... У меня ж часов нет.

Прекрасно. Значит, может, и пять минут, и тридцать. Ну, пять вряд ли — ей нужно было время, чтобы вытащить меня, попробовать привести в чувство... И она говорит, что Юрка сказал «Приезжайте». Значит, они скорее всего на машине. Вопрос — где? Либо спрятались тут, в деревне — но тогда прибыли бы гораздо быстрее, уже были бы тут, да и датчик их «увидел» бы. Может, за деревней — как раз и дорога в лес рядом.

Действовать надо быстро. И — прятаться! Причём не в доме — из него нет второго выхода, и его они проверят первым. Мы даже не знаем, сколько их — двое или двадцать?

Значит — либо церковь, либо двухэтажка. Лучше двухэтажка, там при случае можно держать оборону.

— Так, Маша, — я закинул СКС за спину, вытащил «беретту», взял девчонку за плечо — она вздрогнула, получилось грубовато. — Разбираться будем потом. Сейчас — вон к тому дому. Быстро, но не бегом, чтобы ничего не переломать. И — не мнём траву, поняла? Это важно.

Дважды повторять не пришлось. К двухэтажке мы рванули чуть ли не наперегонки.

Дорога, идущая во двор дома, тоже изрядно заросла, но тут хотя бы можно постараться пройти по утрамбованным остаткам колеи. Вот и двор — тоже заросший, покосившиеся дровяные сараи, все серое от пыли и дождей. Распахнутая дверь подъезда, болтающаяся на одной петле...

Углы, проверять углы! Не хватало ещё по башке опять получить... Вроде чисто. Да и трава не примята. Если будут искать нас — тут, во дворе, след увидят, но для этого ещё нужно войти во двор.

Окно я присмотрел заранее — крайнее на втором этаже, наполовину заколоченное листом фанеры. Там можно успешно спрятаться за кирпичной кладкой — пули её не возьмут, а от лишних взглядов укроет лист. До того места, где стоял Юркин «козелок», здесь метров сто — для пистолета многовато, а вот из СКС я попаду без проблем, даром что не призовой стрелок.

Засыпанная штукатуркой и другим строительным мусором лестница... Вот и дверь — открыта, конечно. В квартире разгром, покосившийся сервант, почерневший от сырости диван, сломанный стул на полу... Сразу к окну — ну да, вид не шедевр, но лучше, чем ничего.

Девчонка!

— Маша, наган у тебя?

— Да...

— Давай его сюда, дозаряжу.

Маша отдала револьвер неохотно — видимо, уже поняла ценность этого предмета. Я быстро вытолкнул стреляные гильзы — да, три штуки, — зарядил новые патроны.

— Держи, будь в коридоре, следи за лестницей, не высовывайся. Кто появится на ней — стреляй, можно в воздух. Поняла?

Шум мотора, или показалось? Если да, то времени нет совсем!

— Быстро, Маша, быстро! И очень тихо!

Положив «беретту» на пол, я стянул с плеча СКС, дослал патрон. Осторожно выглянул из-за подоконника — ну да, точка ничего такая. А звук мотора и правда слышен! Интересно, с какой стороны едут?

Машина появилась из-за церкви — значит, прятались в лесу или в соседней деревне, есть такая, если верить карте, километрах в пяти. В машине — двое, один за рулём, один сзади. Ничего себе... необычная машинка.

На первый взгляд — ничего странного, это УАЗик. Вот только если присмотреться — видно, что это ничуть не привычный здесь 469-й. Это «Хантер» с отрезанной жёсткой крышей.

Такие машины тут не делают — «Хантеры» появились сильно позже критичного 1983-го. По всем правилам, такой машины тут быть не должно.

А впрочем... почему нет? Я сам сюда попал вообще вместе с «ренж ровером» — другое дело, что он годился только на металлолом, охотники и не обрадовались тогда ничуть — даже от бензина толку нет, тут не используется такой высокой очистки. Но кто сказал, что машина, попав в пробой, обязательно станет кучей искорёженного железа? Она вполне может и уцелеть. А это значит... это значит...

Додумать я не успел. Над «Хантером» сверкнуло, и тут же истошно заорала Маша:

— Ложись!!!

Сработали рефлексы — я, даже не думая, нырнул за подоконник, и в тот же момент над головой рвануло, обдав жаром. Взорвалось прямо тут, в комнате, и это явно был не гранатомёт — иначе сейчас меня соскребали бы со стенок. Ничуть — это был, сука, огненный удар, простое, но эффективное средство колдунов Колледжа! Не успей я лечь и закрыть голову — меня если бы не подожгло, то как минимум вырубило бы надолго, а могло и глаза выжечь. Метров на сто эта дрянь как раз лупит, простой пример — недавняя схватка с водяным на Болоте...

Я приоткрыл глаза, попытался глотнуть воздуха — фигу вам, лёгкие сразу обожгло. Чёрт... вытянул из кармана платок, прижал ко рту. На стенах обгорали остатки обоев, сухо коптил сервант.

— Маша, жива? — попытался позвать я, но получилось глухо и хрипло.

— Жива, — отозвалась девчонка. — Я за стеной.

— Смотри за лестницей, — то ли прохрипел, то ли прокаркал я.

Блин... Среди них есть колдун, и это хреново. Во-первых, они уже знают, где мы — неудивительно, обычное обнаружение движения или что-то в этом роде, чёрт знает, что там у них в арсенале. А может, мою ауру увидели, её же видно намного лучше, чем меня.

Так! Но ведь ни один колдун, падла, не сможет дать подобное огненное безобразие два раза подряд — это вам не обнаружение ауры, а их ручные арбалеты слабоваты, чтобы шарахнуть на сто метров. Значит... значит, у меня есть шанс — скорее всего они уверены, что мы как минимум валяемся без сознания!

Но у меня всего несколько секунд.

Спокойно... СКС — вот он, рядом. Дышать... с трудом, но получается — дым понемногу вытягивает в окно. Не хватало ещё закашляться — тогда меткость сразу в ноль.

Я привстал, осторожно выглянул из-за фанерины. Всё верно — тот, что за рулём, стоит рядом с машиной, в руке что-то длинное — скорее всего карабин или ружьё, магазин-то не торчит. Второй всё так же на заднем сиденье, но уже стоя, видно, что переговариваются, он перекатывает в руках нечто, похожее на яркий шарик — скорее всего копит энергию для возможного повторного удара. Блин... Видно, что говорят, но слов отсюда не разобрать. Скорее всего считают меня

полумёртвым — то ли после Юриной «обработки», то ли после огненного удара. И, в принципе, они почти правы — не крикни Маша, я б сейчас валялся на полу и орал от боли. А может, и не орал бы уже.

Карабин — это хреново. Если не удастся снять его сразу — придётся вступать в перестрелку. Возможно, длительную. Сколько выстрелов я смогу сделать подряд, прежде чем тот, что с ружьём, откроет прицельный ответный огонь?

Надо рискнуть.

Я чуть отодвинулся вглубь комнаты, чтобы уйти в тень, приподнялся, выцелил фигуру колдуна. Даже если он сейчас и чувствует движение — вряд ли оно его обеспокоит, не думаю, что он предполагал уложить меня наповал. Вывести из строя — однозначно, судя по сказанному Машей, я им зачем-то нужен. Но его в любом случае надо валить первым. Почему они сразу не рванули на штурм? Всё логично — сначала гранату, потом входим сами...

Осторожно выбрал мёртвый ход курка. Ну, карабинчик, дорогой, не подведи...

Раз, два! Карабин дважды ударил отдачей в плечо, колдун, взмахнув руками, рухнул на сиденье... и в тот же момент из коридора дважды грохнул наган Маши, раздался сдавленный мат, я рванул в сторону, перекатившись по захламлённому полу — гулко ударило снаружи ружьё, заряд крупной дроби проделал огромную дырищу в фанере... Вашу мать, что происходит?

Я на четвереньках подполз к двери, выглянул в коридор — Маша стояла, вжавшись в стену, и держала под прицелом нагана кого-то на площадке, чуть ниже. Ну замечательно... Придётся помогать. Тот, снаружи, всё равно вряд ли сможет подняться по стене. Хотя... за сегодня меня удивляли уже не один раз. Сссситуация...

Фиг с ним. Маша важнее — тем более, это тыл.

На площадке меж этажами сидел, зажимая руками бок, взъерошенный парень лет двадцати пяти, одетый в обычные хэбэшные брюки и вязаный свитер — встретишь такого в городе и не обратишь внимания, пройдёшь мимо. Абсолютно неприметная личность. Вот только здесь, в глуши — последнее место, где можно встретить подобный типаж. Тем более, у него, похоже, и оружия нет! За поясом ничего не топорщится, рядом ничего не валяется...

— Когда у вас стрелять начали, он выбежал на площадку снизу, — доложила Маша, откровенно стуча зубами, но не сводя с парня наган. — Я испугалась, неожиданно, выстрелила...

— Я выстрелы услышал, испугался, хотел в доме спрятаться, — просипел взъерошенный, прикрыв глаза. От боли, что ли?

Вот что за хрень? И что с ним делать? Кто это? Кто-то вообще левый? Но слишком уж он вовремя в подъезд вбежал... И кстати! Вбежал он не с выстрелами — максимум после взрыва огненного удара...

Машина.

В машине обычно двое сидят спереди — исключений тут я не видел ни разу. На заднее сиденье садятся лишь в том случае, если на передних всё занято.

В «Хантере» правое переднее место было свободно — спереди был только водила, колдун сзади.

Вот оно что... Зуб даю, их было трое как минимум. Значит, этот выскочил раньше и задами пробрался к дому, чтобы зайти с тыла... Ну да — если колдун отслеживал движение, то обнаружил в доме нас двоих, и скорее всего ещё когда машина была вне нашего поля зрения. Вот и подсуетились...

Снаружи тихо. Где третий? Нехорошо, времени мало. Нужно что-то решать прямо сейчас. Жёсткий допрос?

— Сколько вас?

— Один я, — заскулил взъерошенный. — Тут рядом живу, никого не трогаю...

— Врёшь, сука, — блин, площадка узкая, с карабином неудобно. Беретта... зараза, она же в комнате на полу осталась, когда я от взрыва очухивался.

А, хрен с ним!

Я вытащил ТТ, передёрнул затвор — тут он практичнее.

— Повторяю вопрос, сучонок. Иначе руку прострелю.

— Один! — заорал парень.

Ну церемониться я с ним точно не собираюсь. ТТ грохнул, выбросив вправо гильзу. Маша сдавленно вскрикнула — да и я, собственно, был готов заорать...

Обычно пуля ковырнула бы плечо — и только. Крови много, больно и неприятно, но язык развязывает моментально, особенно в

таких хреновых условиях. И ничуть не смертельно — особенно когда машина есть.

Руку взъерошенному оторвало почти начисто. По телу моментально пошёл нарыв, причём, такое ощущение, он сжирал и одежду, будто она была частью тела. Парень заголосил было каким-то гортанным криком, но крик почти сразу захлебнулся — в считанные секунды то, что только что было телом, превратилось в горку сероватой пыли.

Ёлки зелёные, у меня же в ТТ серебряные пули. Я и забыл по запарке... видимо, всё же хорошо меня по голове стукнули. Но что это такое было? Ни разу подобного не видел.

Я скосил глаза на Машу — стоит белая совершенно, под глазами круги, ей сейчас можно детей пугать. Ствол нагана подрагивает.

— Чччччто это было? — спросила девчонка. Зубы стучат, голос не слушается... да что там о ней говорить, я и сам малость охренел. И ведь это не прыгун, это тело килограмм на семьдесят — а развалилось вообще в пыль!

— Нечисть, — пробормотал я. — Не знаю, какая. Ни разу такого не видел.

— Что нам дальше делать?

Так, а вот и конкретный вопрос. Хотел бы я и сам знать на него ответ...

— Будь здесь, следи за входом. Попробую выглянуть наружу.

Так, теперь главное — не высунуться выше подоконника, по крайней мере в это окно... Добравшись до окна, я подобрал свою «беретту» — вроде цела, только вся в пыли после взрыва. Фиг с ним, почистим... Что ж там поделывает наш дружок с дробовиком? Надо попробовать выглянуть, но как?

Да вот так. Вон осколки зеркала, оно явно на стене висело. Грязные, да и чёрт с ним... Палка! Ага, от стула подойдёт.

Вытащив нож, я без особого труда расколол высохший конец ножки стула, воткнул в щель зеркало. На один раз сойдёт. Лёжа, осторожно выставил палку повыше...

Твою ж мать.

«Хантер» горел. Не ярким пламенем, но заметно — похоже, занялась обивка сидений и одежда на мертвом или тяжелораненом

колдуне. Стрелок крутился рядом, пытаясь то ли курткой, то ли ещё чем сбить пламя.

Вот какого фига, а?

Шарик. У колдуна в руках был «зародыш» огненного удара. Скорее всего, эта хрень и подожгла машину, когда колдун упал...

В этом есть и плюс, и минус.

Плюс в том, что стрелок скорее всего остался один — в такой ситуации тушить машину сбежались бы все, кто в наличии. А если есть колдун, он потушил бы мигом — значит, ещё одного колдуна у них нет, по крайней мере здесь. Второй плюс — стрелка можно валить хоть прямо сейчас, ему не до нас.

Минус — в том, что и мы остались без машины. Жаль, я уж было раскрыл рот на этот УАЗик...

И второй минус — ещё кто-то может находиться в засаде.

А вот сейчас и проверим. По правде говоря, этих утырков мне ничуть не жаль — они пришли по мою душу.

Я отполз в глубину комнаты, привстал — ну да, отсюда костерок видно отлично. Поднял СКС, тщательно прицелился...

Бах!

Стрелка отбросило пулей. Ну... похоже, наповал. Для верности я добавил ещё одну — видно было, как дёрнулось тело от попадания. А вот теперь — ждём.

Глава 14

Из дома мы выбрались только через полчаса — было уже начало двенадцатого. Выходили со всеми предосторожностями, но они в итоге оказались лишними — всё словно вымерло.

Вымерло, ага...

УАЗик уже догорел — странно, что не рванул бензобак, но сама машина выгорела дотла. Это действительно оказался «Хантер» — собственно, успешнее всего горели как раз удобные сиденья с высокими спинками и пластиковая внутренняя отделка. Обгоревший труп колдуна лежал на заднем сиденье, и тут же, между сиденьями, валялся сгоревший арбалет.

Второй лежал рядом — именно там, где я его и подстрелил. В руке брезентовая куртка — видимо, ей он и сбивал пламя. Тут же валяется ружьё — охотничья двустволка-вертикалка, и сброшенный патронташ. Крови вокруг натекло немало — скорее всего я прострелил ему лёгкое.

Машу стошнило почти сразу. Ну и ладно, лучше уж сейчас...

Я перевернул труп — лицо незнакомое... Лет сорок, черноволосый, небритый, тоже в свитере, как и тот, что вбежал в дом. Охлопал карманы, памятуя о том, что Маша говорила о мобильнике у Юрки — явно же и у этих троих должно быть что-то подобное. Увы — пусто. Скорее всего, сгорело вместе с телом колдуна. На поясе кобура с «макаром» — это кстати, заберём, пусть будет... А вдобавок это зацепка — шанс невелик, но, возможно, ствол был зарегистрирован. Сдать как находку — может хвостик появиться...

Регистрация! Вот она, та мысль, которую я не успел додумать там, в доме!

Машин тут мало, все они наперечёт — в отличие от короткоствола. Если этот «Хантер» хоть раз засветился в Вокзальном или в Гидрострое — он на учёте, и можно без особого труда вычислить хозяина. Где там у него шильдик с номером...

Шильдик оказался там, где и положено — под капотом. Я не стал даже переписывать номер — отковырял ножом закопчённую жестянку

и сунул её в карман. Ещё раз обошёл машину — м-да, жаль... Мы без транспорта, и это очень плохо.

Подошла Маша — всё такая же бледная. Отстранённым взглядом посмотрела на труп, так и лежащий с раскинутыми руками, как я его оставил:

— Сергей... Кто это такие?

Ладно хоть, не истерит, зачем я их убил. И это, надо сказать, большой плюс — значит, уже поняла, что тут есть только хищники и добыча, других вариантов, считай, и нет. Ещё бы — ту тварь, в доме, она видела своими глазами... и сама остановила.

Я мельком оглянулся на девчонку. Подумав, протянул ей платок:

— Если б я знал, радость ты наша... Не будь вон того, — я ткнул пальцем на мёртвого колдуна, — я бы сказал, что это изгои. Но чтобы среди изгоев оказался колдун... Это что-то новенькое.

— Изгои — это кто?

— Те, кого вышвырнули из городов. Вне закона. Собираются небольшими группами, бандитствуют... Думаешь, почему колонна тогда шла с охраной? От них в том числе, не только от нечисти...

Так, что-то ещё не складывается... А, вот!

— Ты говорила, что видела у Юрки мобильник? Точно не рацию?

— Ну... — замялась Маша. — Рация — это с антенной такая?

— Да. Как у нас была в колонне на болоте. Если помнишь. Через неё вызывать надо.

— Тихо помню, — буркнула Маша — видимо, я наступил на больную мозоль. — У него было что-то совсем маленькое и плоское, с ладонь или даже меньше. Близко я не подходила. И говорил он как мы с тобой, никого не вызывал.

О, Маша перешла на «ты». Значит, освоилась...

И, как бы то ни было, я обязан ей жизнью. Если бы не она — меня бы уволокли незнамо куда... и незнамо зачем.

Юрка. Получается, он был на их стороне. Возможно — и скорее всего — вся поездка была ради того, чтобы затащить меня сюда, где эта троица меня бы и повязала.

Вопрос всего один — зачем? Я небогат, не сижу на ключевом посту. Я — обычный. На фига я им понадобился? И второй вопрос — Юрка с самого начала на них работал, или его в это втянули недавно?

Вопросов много. Ответов — нет. И чтобы получить ответы, надо как минимум вернуться в Вокзальный и отыскать Юрку.

— Мобильник, говоришь, — задумчиво повторил я. — Это был не мобильный, а то, чего я, например, не знаю. И непонятно, как оно работает.

— Может, изобретение колдунов? — предположила Маша.

— Может... Но официально такого не существует. Иначе это уже бы использовалось.

Вот кстати. Как раз недавно же думал о том, что у Колледжа есть свои средства связи. Может, и правда оно?

— А зачем мы сюда вообще приехали?

— Ты ж сама сказала — чтобы кто-то мог забрать меня, — невесело усмехнулся я. — А вообще, клад искали. Правда, теперь не думаю, что он тут есть...

— А, — не удивилась Маша. — И что нам теперь делать?

— Валить отсюда, Маруся. Валить, и очень быстро, чтобы до темноты добраться хотя бы до реки...

— Это... как? Пешком через лес?

— Пешком через лес, — подтвердил я. — По дороге, как и ехали. Внимательно глядя по сторонам... Минимум — до Морозково. Доберёмся без приключений — можно думать о том, чтобы идти дальше. Твои шлёпки выдержат?

Маша с сомнением посмотрела на свои кроссовки, поводила носком:

— Наверное...

— Тогда пошли. Нет смысла тут торчать.

Тягостное зрелище, опять подумал я, шагая по деревне.

Разросшаяся сирень, сейчас уже начавшая жухнуть, закрывала большинство домов чуть не сверху донизу. В прорехах меж кустами виднелись окна — где выбитые, где посеревшие от пыли и дождей, сверху выглядывали просевшие коньки, торчали вкривь и вкось заборы...

И — тишина, даже птиц не слышно. Впрочем, тишина нам сейчас на руку — если что появится, услышим. При одном условии — если это будет не нечисть.

Вот можно ли верить сейчас Юрке? Он говорил, что нехорошей активности тут не зафиксировано. И, надо сказать, добрались мы сюда

как по маслу — проблемы начались уже на месте...

Так, стоп! А не может ли это быть связано?

Я аж ускорил шаг — рефлекторно. Действительно — может ли быть такое, что нам «расчистили» дорогу? Может, чисто теоретически — но тогда тот, кто это умудрился сделать, обладает возможностями, о которых раньше никто не слышал.

О возможностях никто не слышал. О мобильниках никто не слышал. И о Юркиных шариках-датчиках лично я не слышал. Не слишком ли много совпадений? О чём я ещё не слышал? О странных якобы людях, которые не просто дохнут от попадания серебром, а рассыпаются в пыль вместе со шмотками?

Что мы ещё встретим сегодня? Кстати, есть шанс, что обойдется без оборотней — у них пик активности приходится на растущую луну и полнолуние. И то хлеб.

— Маш, а тот тип в доме — он точно был без оружия? — спросил я, полуобернувшись и не замедляя шага.

Маша шла, как и договаривались, чуть сзади и левее, по другой колее. Пожала плечами:

— Я не видела. И не разбиралась — ты ж сказал, чтобы стреляла.

— Интересно, почему...

— Ну мы же выяснили, что это нечисть! Может, он укусить может так, что оружие и не нужно... Тут есть вампиры?

— Не знаю. Ну, то есть, не слышал. Оборотни точно есть.

— Может, новый вид оборотня?

— Маш, я, когда сюда попал, первым делом оборотня застрелил. Серебряной пулей, — вздохнул я. — Оттуда и погоняло... Он сдох, как и обычный зверь. И в человека, кстати, не превратился — враньё это всё. В каком виде нечисть убиваешь, в том она и остаётся...

— Так вооот почему ты Волк, — протянула Маша. — Серый, ещё и Волк. Классно!

— Слушай, молчи уже, креативщица, — не выдержав, улыбнулся я. — В городе ляпнешь — от меня не отстанут. Лучше подумай, почему он так резво и неосторожно вбежал в дом. Они ж явно видели, что нас там двое, и скорее всего знали, где мы. По мне ж огнём били прицельно.

— А ты уверен, что били именно по тебе?

Упс... Ай да Маша. Я об этом и не подумал.

— То есть, ты хочешь сказать...

— Ну смотри, — оживилась девчонка. — Если они знали, что нас двое. Ты без сознания, я скорее всего невидимая — так вроде он по мобильнику сказал. Кто окажется ближе ко входу? Тот, кого пришлось перетаскивать. Кто будет наблюдать в окно? Тот, кто невидимый.

Вот это да. А ведь логично, мать его за ногу, логично! То, что Маша буквально подняла меня на ноги своей пробиркой, они знать не могли.

Значит...

Значит, колдун ударил по тому, кто, возможно, невидим и может доставить неприятности. А тварь вбежала в дом оттуда, где не предполагалось сопротивление — просто всё нужно было сделать быстро. Что это за тварь? Потом разберёмся. Может, она реально могла меня укусить или царапнуть, с далеко идущими последствиями. А Маша в это время валялась бы в комнате, в лучшем случае задыхаясь, а то и сгоревшей...

Меня передёрнуло.

Ну уж нет, суки. Теперь эту девчонку я вам точно не отдам.

Вышли на площадь, которую проезжали. Столб в центре так и торчит, ржавая телефонная будка с распахнутой дверцей — в ней даже телефонный аппарат есть... а впрочем, кому он нужен? Вот монетки из него, наверное, ещё 30 лет назад выгребли. Рядом, на дощатой стойке — блок почтовых ящиков, такой же ржавый, как и телефонная будка.

Одолело любопытство — я подошёл к ящикам, приоткрыл дверцу, вытащил порыжевшую газету, развернул. «Правда» за май 1983 года. Скорее всего, незадолго до войны... Маша зашла в телефонную будку, сняла зачем-то трубку, послушала, аккуратно повесила обратно.

— Как в кино, — прошептала она.

Ну да, это поколение телефонов-автоматов уже не застало. Одни мобильники.

— Вот такое кино, — развёл я руками. — Помню, кстати, это время, хоть и смутно — когда говорили про гонку вооружений... Только у нас до такого вот не дошло.

— У нас тоже, — невпопад сказала девчонка.

— Ладно. Идём уже...

Деревня осталась за спиной. Всё же сухая погода — это благо, по колее можно идти почти как по асфальту. Только ноги аккуратнее

ставить. Мне-то хорошо, у меня ботинки отличные, немалые деньги за них отдал — но есть за что, это не китайская хрень, тут если делают, то на совесть. А вот много ли пройдёт Маша в своих городских кроссовках? Я потому её сзади и поставил — иду впереди, заодно змей высматриваю. Их в этих широтах много, в том числе и в это время года. Мне-то в берцах всё равно, а вот тяпнут Машу за ногу — пиши пропало. Конечно, оставшейся половины пробирки хватит, чтобы нейтрализовать яд, но лучше бы обойтись без этого.

Пробирка. Ну надо же! То ли это просто потрясное стечение обстоятельств, то ли кто-то-наверху мне благоволит. Так волей-неволей и верующим станешь...

На самом деле, верующих тут довольно много. Война — дело такое, многое с ног на голову поставило, несмотря на явное советское наследие. Церквей, конечно, нет ни в Гидрострое, ни в Вокзальном — их просто не строят, а вот иконки я часто встречаю. А в Ладоге и церковь есть, вполне действующая — из старых, даже не довоенных, а дореволюционных.

Лес подступил со всех сторон. Где-то тут мы лося видели... Трава примята машиной — правда, не разобрать, это примято, когда мы вместе ехали, или это уже Юрка на обратном пути? Не настолько я следопыт, а жаль...

Стояла тишина, разве что птицы появились — а то вообще было бы не по себе, если один только шум ветра в кронах, так хоть чирикают, и то хорошо. Солнце скрылось за перистыми темнеющими облаками, один раз послышался далёкий раскат, похожий на гром, но он не повторился.

— Ненавижу лес, — сказал Маша.

— А что так? — пришлось поинтересоваться из вежливости.

— Отец как-то потащил за ягодами. Обещал, что пойдём как по асфальту. А получилось, что брели по какому-то болоту, я ноги промочила, и не набрали почти ничего.

— Ну, я тебе обещаю асфальт только такой, как здесь... — да, хорошая шутка, асфальт кое-где ещё есть, — ...но если ничего не случится — выйдем. Ничего не замечаешь?

— Нет, тихо вроде.

Ну да. Лес реально будто вымер. А ведь название деревни вряд ли из ниоткуда взялось — должны быть здесь волки, должны...

Трофейное ружьё я повесил на плечо, карабин на шею — так удобнее. В принципе, нафиг оно не сдалось, но пока не выберемся — пусть будет. Шагать пешком — это вам не на джипе ехать. Тут каждый заряженный ствол может оказаться на вес золота, а двустволка с крупной дробью (судя по маркировке) — страшная вещь.

«Макара» я отдал Маше — она не особо и сопротивлялась, хотя видела, что ремень с кобурой я снял с убитого. Сейчас пояс был на ней, прямо поверх куртки — правда, пришлось пробить в нём лишнюю дырку, чтобы не съезжал на бёдра. Вот только не уверен, что она сможет из него выстрелить — я и не показывал, не до этого, пока что наган есть. Пусть хотя бы потаскает... Выйдем на открытое место — покажу, в лесу лишний раз шуметь неохота.

Если верить Юркиной карте, виденной мельком ещё тогда, на кухне — до Морозково было километров семь, и прошли мы их за два с лишним часа. Причём прошли и правда без лишнего шума — два раза на дорогу перед нами выскакивали совершенно непуганые зайцы-русаки, короткоухие и долговязые, один раз крадучись вышла лиса и, увидев, как мы приближаемся, юркнула в подлесок.

Было около половины третьего, когда мы вышли на западную окраину деревни.

Глава 15

Первое, что мы почувствовали, едва подойдя к Морозково — пахло дымом. Причём тянуло весьма ощутимо — даже странно, что, проезжая деревню несколько часов назад на машине, мы этого не почуяли.

А вот хорошо это или плохо?

Дым — значит, что-то горит. Гроз не было, траву поджечь было нечему — значит, огонь рукотворный. То есть — поблизости люди.

Я вытащил из сумки бинокль. В лесу от него никакого толку, а вот на открытых местах — вещь полезная. Особенно сейчас — погода не самая солнечная, ни бликанёт.

— Так, Маша... Ведём себя очень тихо.

В рукотворном дыме есть и плюс, и минус. Плюс — это значит, что люди не таятся, не сидят в засаде, а нам после того, что случилось в Волково, стоит опасаться именно этого. Но есть и минус — людей может быть много, они могут быть уверены в себе настолько, что спокойно жгут костры. Что же здесь? Который из вариантов?

Если дыма не было утром — возможно, те, кто разожгли огонь, прибыли сюда уже после нас. Пешком или на транспорте? Вопрос актуальный. Это, кстати, вполне могут быть Охотники из города — тогда мы практически спасены.

Но выходить на открытое место, не поняв, с кем именно мы столкнулись — категорически нельзя. Нужна разведка.

Затащив Машу за разросшийся куст, я осторожно приложился к биноклю. Ага, вон он, дым — почти из центра деревни. Если не знать, что искать — не сразу и заметишь. Скорее всего жгут сухостой, тогда особо заметного дыма и не будет, сейчас не сыро. Вряд ли греются — скорее всего готовят еду или чай кипятят. Вопрос только — где они расположились? Дорога изгибается за дома, прямой видимости нет, деревня вообще стоит на пригорке — выше, чем мы сейчас.

— Кто там? — шёпотом спросила Маша.

— Не знаю, — я ещё поводил биноклем. То, что не засада, не значит, что не выставили наблюдателя — но нет, отсюда никого не видно. Либо маскируется — но тогда это профессионалы, нам их не

переиграть. — Кто угодно — изгои, Охотники, даже местные сектанты.

— А такие есть?

— Понятия не имею. Вполне могут быть... На других направлениях встречались.

— Может, оборотни?

— Маш, оборотни всегда выходят на охоту в звериной форме, так они намного сильнее, — вздохнул я. — И разводить костёр ради жратвы или чтобы погреться — вряд ли будут. Нет, это скорее всего люди. Вот друзья они нам или враги — это вопрос...

— И что делать будем?

А если... Попытка не пытка?

— Ты ж вроде говорила, что там, у церкви, стала невидимой. Как ты это сделала?

— Я не знаю, — насупилась девчонка. — Я жутко испугалась, и вообще не поняла, почему этот бородач меня не видел.

Вот заливает, или что-то похожее и правда было? Может, она просто спряталась после того, как пальнула по Юрке? Но три выстрела она сделала точно, пустых гильз-то в барабане три было. Что же именно тогда произошло?

Что-то ещё лезет в голову, тоже с Марусей связанное... но мысль не ухватить, блин.

— То есть, повторить не сможешь?

— Как я смогу повторить, если сама не понимаю, что произошло? — огрызнулась Маша.

— Ну ладно, ладно... Невидимка в разведке нам бы пригодилась.

Кстати, ни разу не слышал, чтобы выпускники Колледжа практиковали возможность исчезать из поля зрения. Только энергия и всё, что с ней связано... Ладно, будем разбираться с Машей по ходу дела. Сейчас в город бы добраться.

— Давай тогда так, невидимка ты моя... Сейчас быстро, очень быстро перемещаемся воооон туда, — я указал на приметное дерево в самой деревне, но сильно правее дороги. Судя по цепочке домов, там улица — как минимум мы можем увидеть вдоль неё тех, кто развели костёр, а в идеале — обойдём их.

— Прямо так и бежим?

— Нет! Сначала вон за те кусты, потом — в следующие... Я впереди, ты за мной, метрах в трёх. Старайся ступать именно там, где и я...

Метров четыреста... Много, конечно. Но и до костра — примерно столько же. Есть шанс проскочить.

По полю пришлось бежать примерно половину — я аж выдохнул, всё же тяжеловато, а вот потом началась дорога — точнее, бывшая дорога, заросло всё не меньше, но хоть земля потвёрже. Несколько вытянутых прудов, вода в которых покрыта палыми листьями с соседних деревьев, повалившаяся ограда, чудом уцелевшее пугало на одном из огородов — и мы выскочили к покосившемуся дому, когда-то добротному, а теперь осевшему в землю чуть не по окна.

Так, теперь главное — отдышаться... Пробежали вроде удачно, без лишнего шума. Вот бы и дальше так.

Я смотрел на девчонку — стоит, уперев руки в колени, жадно глотает воздух. Тоже не особо спортсменка... Да и я примерно так же — не экстремальная, но всё же серьёзная нагрузка.

Ну ладно. Всё верно, этот дом, как и другие, стоят вдоль улицы. Увижу отсюда что-нибудь?

Бывшая улица заросла ничуть не меньше, чем всё остальное вокруг, но всё же мне удалось найти более-менее удачную точку. И увиденное ну совсем не понравилось.

С того места, где я находился, я видел костёр и трёх человек, но вот котёл, висевший над костром, явно намекал, что это далеко не все — один помешивал варево, периодически его пробуя, и видно было, что котёл полон до краёв. На троих не будут варить настолько много — значит, их минимум вдвое больше.

Расположились они почти аккурат на перекрёстке, который мы проезжали утром — ничуть не прячутся. У того, что помешивает, за спиной винтовка — кажется, классическая «трёхлинейка». Ещё один сидит, к забору прислонено, похоже, охотничье ружьё. Третий разговаривает с кем-то — а, ну да, явно с тем, кого не видно, — и у него на плече небрежно висит АКСУ...

Но плохо не это — тут многие вооружены до зубов. А вот одеты они с бору по сосенке, и антураж, как бы это сказать... нехороший.

Вон у того, что помешивает в котле, на спине куртки виден намалёванный чем-то белым символ черепа. У того, что сидит, белым

вымазано лицо. У третьего, который с автоматом, на поясе болтается выбеленный череп без нижней челюсти.

Три из трёх — слишком много, чтобы быть совпадением. Это не Охотники и явно не просто изгои, а банда. И тут уже глубоко по барабану, есть ли у них вожделенный транспорт — надо делать ноги, и как можно быстрее. В одиночку я справлюсь максимум с двоими, и то если сильно повезёт. А если эти ещё и закинулись какой-нибудь алхимической дрянью — тогда и шансы сбежать могут стремиться к нулю...

Вот и слушай сводки об отсутствии активности. Утром датчик их не показал, навстречу нам они тоже не попались — значит, шли они позади нас. Вряд ли на нас охотились, хотя и это нельзя отрицать — могли идти со стороны Гидростроя или перейти с правого берега по бывшему железнодорожному мосту, мимо которого мы проезжали. А если на машинах — то только от Гидростроя, по мосту на машине не проехать. Что они тут делают? Да блин, что угодно. Может, у них логово в одной из заброшенных деревень. Правда, «караванных путей» тут нет, так что не так уж это практично — зато и патрули сюда редко забираются.

Бродят... Вон ещё один вышел, с «томми ганом», как у Юрки. Хорошая машинка, убойная до жути. У этого тоже лицо в белый разукрашено. Донёсся хохот. Да, надо валить, и неважно, есть у них машины или нет. В идеале и идти бы не по дороге, но без карты заблудимся, да и поля здесь не особо проходимые, болотин много — Ленинградская область, как-никак. Значит, надо обходить деревню по широкой дуге и идти навострив уши — чтобы в случае чего прятаться. Вдруг и правда вопреки всей логике к реке пойдут... Правда, если и у них окажется колдун — вычислят нас, спрятавшихся, в два счёта.

Стоило вспомнить о колдуне — и по спине пробежал холодок. Ну нет, сейчас до них метров триста, а то и больше — на таком расстоянии ни один колдун не почует. Главное, чтобы в эту сторону не сунулись...

— Ну, что там? — прошептала Маша, увидев, что я опустил бинокль. Стараясь лишний раз не шевелить ветки, я выбрался к ней:

— Плохо, Маша. Бандиты. Я видел четверых, их скорее всего больше.

— Это опасно?

— Очень. Это не просто изгои, это могут быть полные отморозки. Отморозки из Морозково...

— И?..

— И выбираемся отсюда, радость ты наша. Прямо сейчас.

— У тебя же ружьё есть!

Я медленно вдохнул. Мысленно досчитал до десяти.

— А у них минимум два автомата и два ружья. Так что давай ты не будешь давать умных советов?

Маша насупилась.

— Нафига мне тогда два пистолета, — пробурчала она.

Вот только не хватало, чтобы она сейчас завелась!

— Маш, давай разбираться будем потом. А сейчас — идём воооон туда, где кусты погуще. Там переходим улицу и выходим на поле...

В этот раз мы не бежали. Наоборот — крались так, чтобы ни одна веточка не дрогнула. Бережёного Бог бережёт, в конце концов. По улице пришлось отмахать ещё метров двести (а длинная деревенька-то!), и только после этого я рискнул перейти на другую сторону. Уже тут, выйдя за дома, мы вышли на очередное поле — впереди, где-то в полукилометре, маячили те самые заросшие кирпичные строения, мимо которых мы ехали... всего лишь сегодня утром, а кажется, что давным-давно.

В бинокль я, кажется, все глаза проглядел, но наблюдателя не увидел. Он, кстати, вполне может и быть — но смотрит скорее всего на дорогу, а на неё мы выходить не будем, нет — разве что за постройками, когда она делает поворот и уже не просматривается из деревни...

По полю шли добрых полчаса — всё, никакой беготни. Тут кустов нет, прятаться не за чем, остаётся лишь уповать, что у возможного наблюдателя нет бинокля.

А вот у построек, в гуще кустов, ждал сюрприз.

ГАЗ-69, изрешёченный от и до, стоял покосившись — видимо, криво съехал с дороги, проломив кусты. Стекло выбито, прострелено три колеса из четырёх, кузов, включая две запаски — как решето. Такое ощущение, что долбили по нему из десяти стволов. Интересно, когда?

Раскат грома, который мы слышали мельком, когда шли по лесу. Скорее всего, это и была далёкая массовая пальба...

Эту машину я узнаю из десяти, благо видел её не далее как сегодня утром. Разве что кругляшей-датчиков на передней панели нет. Видно, что и Маша узнала — побледнела.

Чего не хватает?

Не хватает самого Юрки.

Я подошёл к машине, заглянул внутрь — крови нет. И вокруг не видно. Возможно, он успел выскочить, спрятался... «Томми гана» тоже нет, а вот бензином даже не пахнет — воняет.

А не Юркин ли автомат я видел у бандита? Вполне может быть. Скорее всего и Юрка у них — и с этим, увы, ничего не поделаешь, как бы ни хотелось мне допросить бывшего приятеля... Банда нам с Машей не по силам. Жаль, очень жаль.

— Он — у них? — полуутвердительно спросила Маша.

— Почти наверняка...

— Но... как так получилось?

— А чёрт его знает. Скорее всего, ехал по дороге, заметил их слишком поздно. Датчик на сколько берёт, на сто метров? Тут это зона видимости. Сдал назад, убрался в кусты... — Я почесал затылок. — Они подъехали, заметили, расстреляли машину. Потом забрали всё ценное.

— Подъехали? То есть, были на машинах? Откуда ты узнал?

— Маш, ну какой нормальный человек расстрелял бы внедорожник, будь он пешком? — вздохнул я. — А бензин слит, скорее всего дыру в баке проделали. Может, вдобавок были под наркотой, или под алхимией какой... Это та ещё братия.

— Крови нет, — заметила девчонка.

— Потому я и предполагаю, что Юрка жив... Но вытащить мы его не сможем.

— Они его убьют?

— Скорее всего. А может, и уже убили — там, в деревне.

— Ну и правильно, — неожиданно зло резюмировала Маша. — Собаке — собачья смерть.

Точно, он же её изнасиловать хотел. Маше любить его совершенно незачем. Странно, но я сейчас не испытывал вообще никаких эмоций — одна безмерная усталость.

— Так-то оно так... Но поговорил бы я с ним с удовольствием.

Ну что толку о несбыточном мечтать...

На всякий случай ещё раз осмотрев несчастный «козелок» и, естественно, ничего не найдя, мы обошли постройки и, стараясь укрываться за кромкой дороги, нырнули в небольшую рощицу, надёжно отрезавшую нас от деревни...

Глава 16

Если в одном месте прибудет — в другом обязательно убудет...

Гениальная фраза, на самом деле. На все случаи жизни.

По дороге нам никто не встретился, а вот следы видели — там, где асфальт окончательно уступал место грязи. Минимум две колеи, сравнительно свежие — значит, бандиты действительно были на машинах и ехали с этой стороны. М-да, на машине тут гораздо комфортнее, что ни говори... До Вокзального около десяти километров, но пройти их — задача нетривиальная.

К четырём часам с небольшим мы без особых приключений вышли к железнодорожному переезду — тому самому, от которого начался наш путь от реки, и как раз тут небо, уже давно хмурившееся, разродилось дождём. Только этого нам не хватало!

Ничего не оставалось, как спрятаться в будке переезда. Правда, идея оказалась не из лучших — крыша откровенно прохудилась, ни единого стекла в трёх окнах не было, потому стояла холодрыга, вдобавок дождь поливал с потолка минимум в три струи.

Маша съёжилась в углу, забившись на чудом уцелевший стол. В десятый, наверное, раз передвинувшись после того, как за воротник залилась очередная струя, я выглянул в окно, выходившее как раз на ржавый поезд. Собственно, а почему бы и нет? Там конструкция железная и многослойная — шансы есть.

— Маш, пока не вымокли окончательно — давай в вагон!

Хорошо, что хоть двери открыты и выдвижные лесенки опущены... Насыпь, конечно, заросла, но выше от этого не стала — пришлось подтягиваться. Забравшись, втащил наверх Машу.

М-да... Ненамного лучше домика, но хоть с потолка не льёт — и то хлеб.

Обе двери переднего тамбура были открыты. Попробовал было закрыть — да щас, приржавело всё намертво. Оставив Машу в тамбуре, я, взяв наизготовку «беретту», прошёлся по вагону. Окна оказались большей частью выбиты — или стёкла вынуты, деревянные сиденья где рассохлись, где выломаны, столиков нет. Обычный

плацкартник, из тех, что называли «жёсткий» — видимо, тут их гоняли на пригородные направления, потому и поезд всего на два вагона.

Переход во второй вагон — резина рассохлась, двери перехода тоже давно распахнуты. Пустой тамбур, тоже открытый настежь... Опять разруха и развал.

Впрочем, во втором вагоне нашлось условно приличное купе — стекло с трещинами наискось и целая скамья. Ну что ж, дождь переждать хватит... Хотя место так себе — видимости почти ноль, рядом куча входов, ну разве что звери не заберутся. Ну нам тут долго сидеть и не с руки.

Махнул Маше и, пока она шлёпала сюда по захламлённому полу, перетащил из соседнего купе ещё одну скамью, пусть и треснутую. Ну... не купе, конечно, но дождь пересидеть хватит. Только вот терзают меня смутные сомнения, что нам и ночевать здесь придётся. Уже пятый час, пройдёт совсем немного времени — и начнёт темнеть, а в темноте по этим местам лучше не ходить. И даже не ездить. Даже при условии, что ни одного человека не встретишь — освещения тут нет, любой свет фонаря, факела или костра сразу привлечёт зверьё... и хорошо если только зверьё. Я после сегодняшнего человечка, рассыпавшегося в пыль, во многом засомневался — да и бандитов встретить не ожидал. Бытует мнение, что их в этих местах нет — а вот поди ж ты...

— Сто лет в поезде не была, — с кривой улыбкой сказала Маша, залезая с ногами на скамью.

— Аналогично. Всё машиной или самолётом... Шлёпки свои сними, пусть хоть ноги просохнут.

Девчонка послушно стянула мокрые кроссовки, поставила их рядышком на пол. Эх, костёр бы... но не здесь же. Днём дым будет видно за километр, ночью — свет. А вообще, к таким поездкам нужно готовиться по принципу «Едешь на день — вещей бери на неделю». И, кстати, стоит, когда вернёмся, ознакомиться с такой услугой Колледжа, как «охранный круг». Есть мнение, что реально помогает — деньги Колледж просит немалые, и хватает всего на один раз, но зато можно спокойно переночевать хоть на голой земле — уверяют, дескать, ни одна тварь внутрь круга не пройдёт. Раньше повода воспользоваться не было — выезжали всегда либо в составе колонны, либо как минимум

вдвоём и вооружённые до зубов, причём так, чтобы обернуться одним днём. А тут... неувязочка вышла.

Посмотрел на Машу — та сидела, натянув Юркин дождевик чуть не на пятки. Подняла на меня глаза:

— А я ни разу не летала... И, кажется, не полетаю.

Еле удержавшись от банальной и совершенно неуместной фразы «Полетаешь, какие твои годы», я дежурно поинтересовался:

— Даже в Турцию?

— Да никуда! Мать боится летать, отцу пофиг. Поездом ездили в Крым и в Анапу... я ещё маленькая совсем была. А ты куда летал?

— По стране, да в Европу. В основном по делам.

— Мажооор! — протянула Маша — впрочем, больше уважительно, чем иронично. — Своё дело?

— Вроде того, — я расстегнул куртку, но снимать не рискнул. — Торговали с приятелем на пару.

— Значит, своё дело приятелю оставил, когда сюда попал, — резюмировала девчонка.

— Нет. Он умер. Мы вместе попали сюда.

— Упс. Извини.

— Да ничего...

Действительно, попади я сюда без Женьки — мои кости уж год как сгрызли бы.

— А откуда стрелять научился?

— Маш, ну чем заняться мужику после рабочей недели? — вздохнул я. — Особенно на природе... Не всё ж бухать. Брали ружьишко, стреляли по тарелкам, на охоту иногда выбирались... И в тир ходил одно время регулярно. Как видишь, пригодилось.

Слово за слово — разговорились. Маша более-менее оживилась, рассказывала истории из студенческой жизни, я вспомнил свои, из почти забытых девяностых, присовокупил несколько охотничьих баек, поведал пару местных историй, которых успел наслушаться за год...

Дождь утих, но стало смеркаться. Ну да, никакой дороги — придётся ночевать в вагоне. Зверью сюда хода нет, и то плюс, даже оборотень не заберётся — проходы для него узковаты. Я бы с большим удовольствием устроился в кабине тепловоза, но там по сути оказываешься в западне — в случае чего и не выбраться. И это даже если двери не заржавели.

Так что пришлось повозиться, загромождая полностью выбитые окна тем, что есть под рукой, в основном расщепленными полками — удержать это никого не удержит, но рухнет, если что, с грохотом... Повезло — одну из дверей в тамбур тоже удалось закрыть и заблокировать. Не крепость, но хоть так...

Сняв куртку и оставшись в рубахе, отдал Маше свой свитер:

— Надевай, а то вообще околеешь.

— А ты?

— У меня куртка более-менее. И если что — я твой должник... Спасибо за зелье.

— Слушай, ну если бы я тебе зелье не влила, нас обоих могли убить. Не так?

Следует признать, что девчонка права. И кстати... вот, она та мысль, что вертелась в голове!

— Так... А скажи-ка вот что, раз уж вспомнили. Там, в доме, ты крикнула «Ложись!». Почему?

Маша так и застыла с моим свитером в руках — похоже, вопрос застал её врасплох. Напряжённо почесала лоб...

— Взрыв же был? В комнате, где ты сидел? — сказала неуверенно.

— Маш. Взрыв был ПОСЛЕ того, как ты крикнула. Была вспышка, но... ты не могла её видеть — ты же не смотрела в окно!

У Маши на лице, такое ощущение, остались одни только глаза.

— Эээээто как? — промямлила она.

— А вот так, — и, сказав это, я вспомнил.

Старая Дорога вдоль болота. Густой туман. Испуганная Маша говорит что-то вроде «что это там?» и показывает мне за спину. Я оборачиваюсь... и появляется прыгун.

Маша не могла его видеть заранее.

КАК она его почувствовала?

— Что я о тебе ещё не знаю, дорогая моя? — поинтересовался я и только потом понял, насколько зловещей получилась фраза. Особенно сейчас, в этом разбитом вагоне, в сумерках.

Даже при этом слабом свете угасающего дня было видно, что глаза девчонки наполнились слезами.

— Я не знаю, — прошептала она, и мне ничего не оставалось, как себя выругать.

Она ведь и правда скорее всего не знает. Но следует признать, что при каких-то обстоятельствах Маша умеет видеть на несколько секунд вперёд.

Ага, а ещё становиться невидимой, — услужливо подсказал внутренний голос.

Невидимой. Мать её, так вот как она уцелела на Болоте! Она же рассказывала, что вокруг ходил какой-то зверь. Он её просто не почувствовал! Точно так же, как не смог найти её Юрка, напуганный и озверевший!

Почему?

По кочану. Чёрт его знает, как оно работает. Маша вполне попадает по возрасту в рамки того поколения, которое в этом мире получило паранормальные способности. Где гарантия, что на её организм не подействовал пробой? Мы ж вообще не знаем, как оно работает. Мне-то по возрасту подобное не грозит, а вот девчонка...

— Успокойся, Маш, — я постарался сказать это как можно мягче. — Разберёмся. Просто, чувствую, ты умеешь то, чего многие не понимают...

Девчонка всхлипнула.

— Одевай свитер и ложись спать. Утро вечера мудренее.

— А... ты?

— А я подежурю.

Я осёкся. Маша протягивала мне зелёную пробирку.

— Бери, бери, — сказала она, шмыгая носом. — Мне кажется, если ты уснёшь, утром мы не проснёмся вдвоём...

Глава 17

Сама Маша засопела сразу, даром что на жёсткой полке и без подушки. Ещё бы, после такого дня... Я же сидел напротив, держа в руке «серебряный» ТТ, смотрел в грязное и покоцанное окно и размышлял.

Что мы имеем, если отбросить все домыслы?

Первое — с Юркой что-то произошло, раз он затащил меня в засаду. После тех переделок, в каких мы с ним были, в предательство «по идейным соображениям» я верил с трудом. Подкуп? Вряд ли. Шантаж? Скорее всего, хоть и ума не приложу, на чём Юрку можно зацепить. Ни семьи, ни детей, работа и только. Может, приволок что запрещённое? Ну... вот это может быть. Тогда следующий вопрос: кто его шантажировал и для чего?

Ответ очевиден: тот, кому зачем-то нужен я, причём нужен живьём.

И мы опять упираемся в тупик. Я ведь нафиг никому не нужен — ни ключевого поста, ни денег, ни ценностей. Таких, как я, тут сотни.

Ответ мог бы дать Юрка — но увы, если он у бандитов, то на нём можно ставить крест.

Так, погоди-ка...

Соколов. Соколов сказал, что моя аура отличается от обычных — он приписал это тому, что я из «провалившихся». Но блин, это не так — я это выяснил там же, на месте, пока ждали цистерны. Значит...

Значит, не всё так просто. Даже откладывая вопрос, почему пацан увидел то, что не видели другие. Но это получается... получается, что со мной что-то не так. А что именно — можно понять, лишь поговорив с Соколовым. Выходит, что встреча с молодым колдуном — первое, что мне следует сделать по возвращении в Вокзальный. И невзирая на то, что по этому поводу думает Бурденко и его банда — боюсь, мимо него пройти не удастся.

Таааак! А если тут и Бурденко замешан?

Меня аж холодом обдало. И версия-то, мать вашу, логичная... особенно при наличии у Юрки странных колдовских датчиков, о каких я и слыхом не слыхивал. Соколов — Бурденко — Юрка... чем не

цепочка? Но ведь, зараза, ничего не проверить, пока не вернусь в Вокзальный. Круг замкнулся.

Второе... Второе — Маша. Что она в реальности умеет? Даже опуская вопрос «почему». И снова засада — мы ничего не узнаем без Соколова, раз уж он что-то чувствует. Исследовательский отдел Управы с Мащей работал, там был Каращук, который на непонятках собаку съел, и Шнайдер, который тоже явно не пальцем деланный — но они никаких выводов не сделали...

Или сделали, но не подали виду?

Нет. Не сделали — иначе они Марусю чёрта с два выпустили бы из Вокзального. Да за ней наблюдали бы день и ночь, и ко мне ей прийти бы не дали! Так что этот вариант отпадает.

Соколов, Соколов... Пацан, ты нам нужен до зарезу! Вот уж не подумал, что будет столько вопросов к этому сопляку... Машу спрашивать бесполезно, я видел её лицо — она и сама ничего не понимает.

Глаза уже привыкли к сумраку, и я не сразу понял, что света стало больше. Ну точно, взошла луна — вон она, висит над горизонтом полукругляшом, мутным и расплывчатым сквозь не мытое тридцать лет стекло. Выпить пробирку? Пожалуй, не стоит, лучше чуток позже, когда совсем вышибать начнёт — а у меня ещё побулькивают в крови остатки сегодняшнего адреналина. Несмотря на усталость...

Покашливание было совсем негромким и даже интеллигентным, но я аж подпрыгнул, долбанувшись головой о верхнюю полку. Пистолет уже смотрел на фигуру в проходе плацкартного вагона — я и сам не понял, как не пальнул. Действительно — нервы...

До фигуры было метра три, не больше, и она не двигалась — видимо, предполагала подобную реакцию. Мужчина в форменной куртке с петлицами и фуражке с железнодорожной кокардой. Пожилой, лет под шестьдесят. Усталое лицо с резкими складками кожи — типичный человек, проработавший всю жизнь и явно связанный с железной дорогой. И ещё что-то неуловимое...

Да уловимое, чего уж там. Фигура была полупрозрачной, сквозь неё откровенно просвечивала рама окна за спиной и рукоять на простенке между «купе».

— Не хотел вас напугать, — негромко сказал мужчина. — Девочка устала, поди...

Призрак же. Явный призрак. Да ещё и начинающий разговор...

Не опуская пистолета и не отводя глаз, я поднял пробирку, зубами вытащил пробку и выплюнул её на столик, глотнул как можно меньше. Словно двинули по голове — в глазах прояснилось, будто стояла не тёмная ночь, а так, сумерки, мозг стал абсолютно ясным.

«Железнодорожник» никуда не исчез — наоборот, грустно кивнул:

— Всё правильно... Так вам будет спокойнее. Чтобы не уснуть?

Так. Что я знаю о местных призраках? Да почти ничего — только из инструктажей. Предполагается, что мы их не должны встречать — они появляются только в ночи убывающей луны в необитаемой местности, а мы мало того что не выбираемся за стены по ночам, так и распорядок выездов подбирается для того, чтобы не попадать вообще на крайние фазы луны. Но тут убывающая луна, а она длится не пару дней. Ошибочка...

Что ещё? Могут быть агрессивными, могут — нет. Статистика, что называется, почти отсутствует, даже за прошедшие 30 лет оставшись на уровне сказок — ну какой нормальный человек попрётся ночью за город? В городах-то призраков нет. И да, они никогда не уходят далеко от того места, где умерли. Значит...

Значит, это скорее всего кто-то из этого поезда. Машинист, проводник...

— Чтобы не уснуть, — негромко повторил я. Перехватив пробирку, нащупал на столе пробку, заткнул, убрал в карман. — А вам-то что не спится?

Серебром их не взять — они бестелесные. Вроде говорили, что помогает огонь, да и то просто чтобы отогнать. Так что — пан или пропал... Попробуем поговорить.

Призрак посмотрел куда-то вбок:

— Я присяду?

— Садитесь. Вы ж, нутром чую, у себя дома.

— Дома, — эхом повторил старик. Грузно опустился на скамью бокового места напротив. Посмотрел в полувыбитое окно со своей стороны.

— Дома, — добавил он, подумав. — Какой сейчас год?

— Две тыщи семнадцатый.

— А месяц?

— Сентябрь.

— Значит, скоро юбилей революции, — подытожил призрак. — Никто не знал, что он пройдёт... так.

Так и хотелось сказать — эх, отец, какой уж тут юбилей? Удержался. А ведь и правда, он скорее всего погиб как раз тогда, во время Удара. Тогда такие праздники отмечали ярко...

— А вы не помните времени? — почему-то спросил я вместо этого.

— Я не знаю его, — просто сказал железнодорожник. — Знаю только старую луну на чистом небе. А сколько раз — кто его знает... Вы первые, кто пришёл сюда... с того времени.

— А что случилось?

— Взрыв, — сказал призрак. — Ядерный взрыв. Как в книжках рисуют. Гриб, огромный, во всё небо. И очень далеко — где-то там, — указал он в окно.

Ну верно, в стороне Питера.

— Поезд встал, — негромко продолжал старик. — Люди сразу все к окнам... Потом крики, паника. Все побежали. Я же проводник, побежал открывать дверь в тамбуре. Только открыл — меня толкнули... Больше не помню ничего.

Он замолчал.

Так вот оно что... Он не жертва взрыва — тут их, наверное, не было вообще. Его, скорее всего, просто вытолкнули на насыпь, и он неудачно упал. Глупая смерть. Глупая и грустная. Нет ничего страшнее обезумевшей толпы.

Таааак... Так вот оно что. Призрак, выходит — неупокоенный дух. Так вот почему их нет в жилых местах — всех, кто умирает там, хоронят по всем правилам!

— Значит, людей тут не бывает? — невпопад спросил я. Боже, что за чушь я несу...

Старик мельком взглянул на меня и отвернулся к окну.

— Не бывает, — эхом повторил он. — Только звери шастают... Странные звери. Не бывает таких.

Ну ещё бы. Интересно, кого он видел... Может, спросить?

— Что за звери?

Проводник долго молчал.

— Волки, огромные, — наконец сказал он. — Большие птицы. Лошади с человеческими головами. Люди со змеиными хвостами.

Разве ж это люди? Звери это... Что ж тут у нас случилось? Али мне мерещится?

Вот что ему ответить? И, кстати, ни о чём из того, что он перечислил, я и не слышал. Может, врёт? Может. Но зачем врать духу человека, который умер три десятка лет назад?

— Случилось, отец, — вздохнул я, причём вздохнул совершенно не наигранно. Проводника было откровенно жалко. — Дрянь какая-то случилась. Нечисть по земле бродит. А откуда — кто знает. Из других миров пришла.

— Значит, есть Господь, — безразлично резюмировал старик. — Это кара нам за всё сделанное...

Я смотрел на этот полупрозрачный белёсый силуэт и думал: а ведь он прав. Кара и есть... Не ядерный огонь и не радиация — а такая вот жизнь.

— А что, люди все сейчас так светятся? — совершенно не меняя тона, поинтересовался проводник, и я, слушая не столько его голос, сколько интонации, даже не сразу понял, о чем он говорит. А вот потом дошло... и я очень надеялся, что мой голос прозвучит безразлично:

— Светятся? Даже не знаю... Я не вижу. А как?

— Ну... так, — помялся проводник. — Как вода искрится при луне, знаешь? Вот и ты такой, твоя голова и плечи. А дочка твоя... — он помолчал, — ...она вся светится. Неужто не чуешь?

— Она мне не дочка, — только и смог пробормотать я. Мозг же тем временем лихорадочно работал. По сути, старик почти подтвердил то, о чем я думал перед его появлением. Это не может быть совпадением! Выходит, призрак что-то видит... но что?

— Мне говорить не хочешь — себе не лги, — внимательно посмотрел на меня призрак, и от прозрачного взгляда мне стало не по себе. — Близка она тебе, по-родному близка, я же вижу. Я вижу...

Потемнело — видимо, тучи закрыли луну, и в то же мгновение старик исчез без следа.

Ах ты ж...

С досады хотелось завыть. Вот уж никогда бы не подумал, что буду жалеть о том, что сорвалось общение с призраком.

Впрочем, есть хотя бы один плюс из всего сказанного — железнодорожник подтвердил мои догадки. И со мной, и с Машей действительно что-то не так...

Луна выглядывала ещё несколько раз, но старик так больше и не появился.

Глава 18

В ночи несколько раз где-то далеко кричала птица. Ну, наверное, птица — долго, заунывно, так, что кровь в жилах стыла. Даже в присутствии призрака такого не было. Прав старик, прав — чего только не встречается здесь... Главное, не встретить. Как же мы вчера прошли по лесу, почти спокойно? Ох, не верю я в подобное везение.

Но самое, что неприятно удивило меня в неторопливо-жутковатых словах старика — упоминание о птицах. Если кентавров и змеелюдей я готов переварить — мы и правда многого не знаем, то... птицы всё ставят с ног на голову.

Дело в том, что против летучих тварей не помогут стены — но, тем не менее, города огорожены исключительно стенами, пусть и с оберегами. ПВО тут нет в принципе — по крайней мере, отдельного. И о необычных птицах я слышу впервые — ни разу, ни на инструктажах, ни с чьих-то слов летучие твари не упоминались. С другой стороны — и старику не верить как-то не с руки... Преувеличил? Ну, может быть, кто его знает...

Часа в четыре появилось ощущение, будто дрожит земля. Отчего? А кто его знает. Я вовсю всматривался в темень за окном, но даже всё ещё действующее зелье не помогло. Только темнота и муть стекла.

Маша проснулась перед рассветом — ещё не было и 6 часов утра. Явно от холода — перед этим она куталась в юркину куртку и, наконец, села на скамье — заспанная и взъерошенная. Я к этому времени был не то чтобы как огурчик, но пробирка ещё действовала. Впрочем, у этого зелья есть плюс — отходняк отсутствует. Наверное, ещё и поэтому оно такое ценное... Отвары, усиливающие на время внимательность и отгоняющие сон, в лабораториях готовят далеко не первый год, но вот сделать так, чтобы после них человека не вышибало напрочь, пока не могут. Потому и берут их службы вроде нашей только под конкретное дело.

— Замёрзла? — дежурно поинтересовался я, раскладывая на столе остатки сухого пайка, ополовиненного вчера. Девчонка молча кивнула, опустила на пол ноги, нащупывая кроссовки.

— Иди в туалет, — махнул я рукой в конец вагона. — Он больмень живой. Потом из фляги тебе полью.

Всё же армейская фляга — отличная вещь. Такое ощущение, что внутри она больше, чем снаружи. Мы за вчерашний день и треть не выпили. Хотя нежарко — может, поэтому.

Постоял в коридоре на всякий случай, чтобы видеть вход в туалет и, когда Маша вернулась, поплескал ей воды на руки. Про себя подумал — хорошо, что девчонка не накрашена, а то сейчас бы видок был — аккурат для разгона призраков...

Вспомнив про призрака, я закашлялся.

— Постучать по спине? — поинтересовалась Маша, вертя в руках фруктово-злаковый батончик из сухого пайка.

— Не, не надо. Ешь давай, я уже поел. И надо бы одно дело сделать.

— Какое?

— Увидишь... Как спалось?

— Фигня какая-то снилась, — девчонка откусила батончик, пожевала. — Будто я бежала от кого-то по разрушенному городу...

— Нормально. Адаптируешься, — не удержался я. — Мне первый месяц что только не снилось. Потом стал спать нормально. Жуй давай. Нам сегодня надо кровь из носу добраться до Вокзального.

— Пешком?

— Пешком, Маша... Я не думаю, что тут есть попутки.

— А как же Пороги?

Как Пороги... Чёрт его знает. Посмотрим ближе к делу.

— Ешь. Разберёмся...

Копать могилу пришлось угольным совком, найденным в купе проводника. Маленький и неудобный, но что поделаешь, это всяко лучше, чем ничего. Выкопал за будкой переезда — судя по всему, раньше там был огород или что-то похожее. Хорошо хоть, много копать и не пришлось — на гравии под правой лестницей по ходу поезда было всего несколько костей, давно уже голых и высохших, и череп. Сложили их на обломок доски от полки и вдвоём с Машей перенесли к импровизированной могиле.

Девчонка фыркала и морщилась, но не сказала ни слова, и лишь когда я заваливал могилу землёй, спросила:

— Кто это был?

— Один хороший человек, Маш. Которому по работе не повезло оказаться именно здесь...

— А ты откуда его знаешь? Кости старые.

— Давай я потом расскажу, ладно? — Вот что-что, а рассказывать Маше о сегодняшней ночной беседе мне совершенно не хотелось.

Была даже мысль оставить кости как есть и выбраться сюда на очередной убывающей луше — расспросить призрака подробнее... но понял, что не могу. Не по-человечески это.

— Покойся с миром, отец, — пробормотал я, кладя на могилу истлевшую фуражку с кокардой — её я ещё ночью обнаружил висящей на крючке в служебном купе. — Земля тебе пухом...

Постоял с минуту, взял у Маши карабин и ружьё:

— Ну что, двинулись?

На дорогу мы вышли уже к половине восьмого и не торопясь зашагали на север по раздолбанным и заросшим остаткам асфальта. Именно не торопясь — не хватало ещё ногу подвернуть.

Справа, параллельно дороге, неторопливо катила воды река. Эх, лодку бы... Увы, это мечты — лодки тут если и есть, то давно утащены или сгнили. Вон, впереди деревенька Бор, она как раз занимает полосу меж дорогой и рекой, немало домов выходит к воде — были лодки, были... А, что травить душу. Теоретически, можно найти сарай, где лодка может быть под крышей — но овчинка выделки не стоит, потратишь уйму времени, а на выходе скорее всего получишь пшик.

До деревеньки от переезда оказалось всего ничего. Дорога плавно забрала вправо, ближе к реке, слева меж разросшимися деревьями и бурьяном торчали покосившиеся кресты кладбища. Оптимистичненько...

Чёрный зверь выскочил на дорогу неожиданно, причём выскочил справа, от домов — хорошо хоть, довольно далеко, шагах в пятидесяти. Тело отреагировало моментально — карабин у плеча, тут это на рефлексе. Ойкнула за спиной Маша.

Мощное, мускулистое тело размером с небольшую львицу и примерно тех же пропорций, только вот ног не четыре, а шесть. Ноги, кажется, состоящие из одних жил и мышц, увенчиваются четырёхпалыми когтистыми лапами — не кошка, ничуть не кошка... Морда плоская, могла бы быть похожа на львиную, но какая-то

искажённая, словно перекошенная. Прижатые округлые уши, шерсть короткая и лоснящаяся.

— Маша, спокойно, — я и сам старался говорить как можно спокойнее, но не уверен, что мне это удавалось. — Не делай резких движений. Медленно вытащи наган, осмотрись. Сзади особенно.

Боковым зрением я видел, что движения нет — но это спереди. А сзади что? Вот влипли... Зверь незнакомый, я понятия не имею, что от него ждать!

— Хорошо, — просипела Маша севшим голосом. Ну... не завизжала — и то ладно.

Зверюга стояла, расставив лапы. Голова наклонена, глаза, посаженные не слишком широко, смотрят на нас — хищник, явный хищник. Хвоста не видно — может, его и совсем нет. А это что?

На шее зверя вздыбилась кожа — словно ящерица разворачивает «воротник» вокруг шеи... и тотчас же навалилась вялость, апатия, подкатило желание всё бросить. Твою мать! Боковым зрением я увидел, как Маша осела на землю, откинув в сторону руку с наганом. Только этого не хватало!

Я нажал курок раз, другой, третий... пальцы слушались с трудом. Зверь бесшумно метнулся в сторону с молниеносной быстротой, сразу сократив дистанцию чуть не на четверть, потом в другую...

Достал я его лишь седьмой пулей, и то удивительно, что попал, перед глазами уже вовсю плыло — зверюга сбилась с прыжка, тут же пропал дурман, и ещё две пули я всадил уже прицельно. Когда зверь повалился на заросшую дорогу, тяжело вздымая бока — кровь была почти неразличима на тёмной блестящей шкуре — до него было не больше пяти метров.

Перекинув карабин в левую руку, я вырвал из кобуры ТТ и пальнул из него зверю в голову.

Никакого результата — зверь дёрнулся от попадания серебряной пули, но без каких-то видимых визуальных эффектов, даже глаза не остекленели, лапы ещё подёргивались. Обычный зверь, не нечисть. И живучий.

Ну ни фига себе обычный... Дурман взялся не просто так, он появился, когда зверь развернул «воротник». Значит, магическая зверюшка-то...

Быстро оглянувшись — слава Богу, чисто — я присел рядом с Машей, стараясь не упускать упавшего зверя из виду.

— Маруся, цела?

Маша уже поднималась, но по бледному лицу было видно, что ментальный удар даром не прошёл. Возможно, и я перенёс его легче лишь потому, что действие Машиной пробирки ещё не до конца выветрилось. А если бы я её не выпил? Сожрали бы нас прямо здесь.

— Чччто это было? — растерянно спросила девчонка, глядя на распростёртое чёрное тело.

— Если б я знал, — пробормотал я больше для себя, чем для неё. — Никогда о таком даже не слышал...

— Это... эта кошка сделала? У меня ощущение было, что засыпаю...

— Кошка... Упаси Бог от такой кошки. Маш, со мной то же самое сейчас было. Просто силы остались выстрелить. К счастью.

Осмотрелся вокруг ещё раз, уже внимательнее — правда, предварительно отойдя от зверя и оттащив почти не сопротивляющуюся Машу ещё шагов на десять — нет, вроде больше никого не видно. Пронесло.

«Тебя бы так пронесло», — съязвил злорадный внутренний голос фразой из старого анекдота. Нет, без этого обошлось. Но на будущее — если увижу ещё раз подобное, стрелять буду сразу, даже не раздумывая. Ибо кирпичей отложил — на особняк хватит.

Кстати. Стрелять. Сейчас, раз уж мы всё равно взбаламутили тишину, самое время попрактиковаться Маше.

— Очухалась? — поинтересовался я у неё. Получилось грубо, да и чёрт с ним.

— Да, — ответила Маша излишне молодцевато и с вызовом. Значит, не совсем очухалась, ну да ладно.

— Тогда вытаскивай второй пистолет. И достреливай эту, как ты выразилась, «кошку» шестиногую.

Девчонка попала в тушу зверя четырьмя пулями из семи. Но больше всего меня удивило даже не это, и не то, что с «макаром» она управилась почти без моей помощи — ах да, она ж стреляла раньше из пневматики... Удивила решимость и даже злость на её бледном лице, а ещё то, что она сделала это, не задавая лишних вопросов и вообще не распуская сопли.

Похоже, Маша поняла наконец-то, что с волками жить — по-волчьи выть.

Тьфу ты. Опять эти волки... Терпи, Волк.

— Ну как?

А интонации всё те же, но вызова уже меньше. Привыкает.

Я молча помог девчонке поменять магазин, показал, как ставить на предохранитель, и сунул пистолет ей в кобуру. Только после этого резюмировал:

— Молодец, Маша. Скоро можно будет тебя одну за город отпускать...

— Да?

— Нет, конечно. Но я перед собой вижу явно не ту испуганную девчонку, что мы на днях подобрали на Болоте.

— С кем поведёшься — так тебе и надо! — вот почему-то я совершенно не удивился, когда Маша после этой фразы показала мне язык.

— Ладно, пойдём... Но я не шучу — ты и правда молодец.

Зверь издох — вот теперь видно, глаза остекленели, не дёргается. Неслабо — три пули из СКС, одна серебряная из ТТ, и ещё четыре Машиных... Ближе пары метров я подойти не рискнул, да и то смотрел, наставив на сдохшего зверя ствол карабина.

Дальше шли, откровенно озираясь по сторонам. Впрочем, меньше чем через километр дорога стала изгибаться вправо, к реке, чтобы пройти под старым железнодорожным мостом.

— А если перейти по мосту на ту сторону, мы ведь попадём в этот... Гидрострой? — вдруг спросила Маша.

— Да, — не замедляя шага, согласился я. Впрочем, Маша же здешняя — она эти места должна знать лучше меня, хоть и немного в ином антураже.

— Там по дороге есть такие места, как Пороги?

Ах вот к чему она клонит... Умно, умно. Активных рассадников нечисти на той стороне вроде как не зарегистрировано — я там не бывал, но в инструктажах на Базе вроде это не упоминалось. Это направление, южное, с Гидростроя не освоено — деревеньки в основном находятся к востоку и к северо-востоку, но... но подойти к нему с этой стороны однозначно можно.

— Предлагаешь обойти Пороги и военчасть по тому берегу?

— Ну да, — кивнула девчонка. — Нам ведь только мост перейти, и мы уже в...в... Гидрострое.

Название-то ей явно непривычное, она скорее всего к старому названию города привыкла.

Вот, кстати, молодец Маша. Мысль здравая — по крайней мере, обойдём аномальные места. А из Гидростроя можно вполне найти оказию в Вокзальный — по-нормальному, с охраной. Завтра суббота, рынок будет, народ съедется... Правда, на работу я откровенно не успеваю, мне сегодня вечером на смену. Но если попадём в Гидрострой — как минимум я смогу связаться с Большаковым.

Значит, решено.

С одной оговоркой — если по мосту можно пройти.

Глава 19

Ненавидите ли вы старые ржавые мосты так же, как ненавижу их я?

Если живёте здесь — то вполне возможно...

Железнодорожный мост явно раньше был в том числе и пешеходным — ну неудивительно, тут точно другой переправы через реку поблизости нет. Пешеходная дорожка, когда-то покрытая рифлёными металлическими листами, шла с левой стороны — в былые времена вполне приличная и огороженная перилами. Вот только к настоящему времени количество листов на ней изрядно поубавилось — на самом деле, растащить их могли вскоре после катастрофы. Например, обшивать борта машин — вообще милое дело, зачарования-то далеко не сразу появились, да и бандитизм в этих местах, как я понимаю, поначалу был гораздо активнее, чем сейчас. В результате бывшая пешеходная дорожка превратилась в череду балок, по которым можно разве что прыгать через дыры чуть ли не метровой длины. Над землёй, которая в паре десятков метров внизу.

Жаль. Пришлось перебраться на железнодорожный путь — пару хорошо проржавевших рельсов, которые не сняли скорее всего из-за исключительной тяжести. Это не листы, их вывезти не так просто... Рельсы, которые уже хорошенько «повело», лежали на сомнительного вида шпалах, поставленных довольно-таки редко, в дырах между ними виднелась всё та же земля. Ну, по крайней мере, это лучше, чем идти пешком через Пороги и военчасть. Будем надеяться — выдержит.

Мост выдержал.

Я шёл впереди, местами вставая на четвереньки, когда голова начинала совсем уж откровенно кружиться: надо признать, высота, особенно над водой — откровенно «не моё». Маша следовала в паре метров, настрого проинструктированная орать, если что. Хотя, мне кажется, инструктаж был явно излишним. Верёвка меж нами дала б некоторую уверенность, но где её взять, эту верёвку?

Конечно, мост не ходил ходуном — как-никак конструкция монументальная, при советской власти строили качественно, построено-то точно не позже семидесятых. Но почти 40 лет без ухода...

Ржа сыпалась от каждого прикосновения, шпалы проседали под ногами, некая вибрация ощущалась нутром. Вдобавок временами подкатывало ирреальное чувство — мы тут ползём по путям, а ну как поезд, даже отскакивать некуда. Да какой, к чертям собачьим, поезд?

Вероятно, это были самые длинные триста метров в моей жизни. И очень порадовала Маша — пискнула всего один раз, когда поскользнулась на железяке и долбанулась коленом. Есть характер у девчонки, однозначно есть, даже без всяких колдовских штучек... А сам я, кажется, отбил себе всё. Лучше уж по грязище, чем по этим железякам.

Вот и добрались. Метров десять осталось.

— Стоять! Не шевелиться, мать вашу! Оружие держи, чтобы я видел!

Будь я на ровной земле — рухнул бы как подкошенный и откатился в сторону. Но тут, на мосту, да ещё и с Машей... вот зараза. Оглянулся на девчонку — та так и застыла, правда, с четверенек уже поднялась, как и я.

А вон они — слева от моста какие-то облезлые полуразрушенные постройки, до них метров сто, а может, и меньше. Блин, есть же бинокль с собой, следовало осмотреть их, ещё пока мы посреди моста были. Виден в окне только один, оружие вскинуто — не разобрать, какое. Грамотно окликнули — как раз тогда, когда особо не получится делать резкие движения. Скорее всего, засекли нас уже давно.

Кто?

Про бандитов тут особо не слышно... но и территория Морозково должна была быть чистой. Неужто влипли? Ладно, попробую, вариантов все равно немного:

— С кем разговариваю?

— Патруль Гидростроя, — донеслось из окна. — Кто такой деловой?

Хм... а может, пронесёт?

— Мы из Вокзального. Потеряли транспорт, обходим аномалию.

— Ауру вижу, — деловито сообщил невидимый допросчик. — Давайте медленно сюда, оружие не трогайте.

Ну да, вариантов не остаётся. Дождавшись Машу, я медленно двинулся в сторону здания. Когда до него оставалось не больше двадцати шагов, кто-то невидимый громко хмыкнул:

— Ну и рожа у тебя, Волк... Так и вижу — загрызть хочешь...

Твою ж мать.

— Коля, ты, что ли?

— Ну, — из-за дверного проёма, в котором давно уже не было двери, вышел, пригнув голову, плечистый парень лет тридцати, одетый в джинсы и куртку в камуфляже «берёзка» и кепку с «трезубцем» Гидростроя, с таким же СКСом, как у меня, казавшимся в его ручищах детским ружьишком. — Заехал бы пивка попить, что ли.

— Шутник, блин... Меня чуть кондратий не хватил.

Мы пожали друг другу руки и обнялись — крепко, с похлопыванием по спине. Коляна я не видел уж пару месяцев — никак не могли пересечься, разве что если специально ехать через Болото.

Из дома вышли ещё двое — один сильно постарше, в «берёзке» и с калашом, второй молодой, стриженый, в джинсовой куртке и с короткой палкой-жезлом — колдун, в Гидрострое предпочитают жезлы арбалетам.

— Вася, Лёха, — лаконично отрекомендовал их Колян. — Мужики, это Серёга Волков с Вокзального. А это?...

— Маша, — коротко сказал я, жестом подзывая девчонку. — Вы тут в засаде, что ли?

— Не, патрулём шли, — махнул рукой здоровяк, косясь явно на Машины зелёные волосы. — Остановились передохнуть, заодно осмотрелись, в бинокль заметили вас на мосту. Вообще с той стороны никто не ходит, решили проверить. Как мост?

— Чуть ноги не переломали, — ответила за меня Маша.

— Ну да, — согласился патрульный. — Мы туда и не ползаем... Что у вас случилось?

— Непредвиденные обстоятельства, — я решил подробно не рассказывать. — Вот теперь срочно нужно в город, а по тому берегу — швах.

— Дело, — сказал пожилой Вася. — Там ни за какие коврижки пешком не пойду.

— Что-то есть, что нам стоит знать? — деловито поинтересовался Коля. Вот сразу видно, кто тут главный.

— В Морозково банда, еле разошлись, — вот про что, а про банду рассказать надо. — Все с темой черепов. На машине, возможно на двух.

— Фигово, — отозвался колдун. Коля кивнул:

— Да, по вашему берегу, но могут и к нам заявиться. Ещё что?

— В Бору напала какая-то шестиногая магическая кошка.

— С воротником? — вклинился Лёха, изобразив руками поднимаемый воротник.

— Да. Еле отбились.

Колдун переглянулся взглядом с Коляном и, получив подтверждение в виде полуприкрытых глаз, кивнул:

— Мозгоед. Появились месяца два назад к югу от города. Трижды встречали. На большие группы не нападает.

Вот как. Выходит, в Гидростое про этих кошек знают, а мы до сих пор не в курсе... Что ещё? Рассказать про призрака и о том, что он наговорил про птиц? Нет, пока не стоит.

— В общем, если вы к нам в город — давайте по дороге, там вроде спокойно, — сказал Коля. — Мы пока на маршруте, провожать не будем. После семи появлюсь, можем посидеть в «Триаде», если ты с ночёвкой.

— Ох, не знаю, Коль, — покачал я головой. — С делами бы разобраться.

— Ну смотри сам, я по-любому там буду. Да, ещё — в садоводствах есть изгои. Но сидят тихо.

— Спасибо!

Кивнув Коле и его коллегам, мы разошлись — патруль пошёл в сторону заброшенного переезда на старой ветке, а мы пошагали в обратную сторону, к Гидрострою. Хватит с нас заброшенных переездов...

— Старый знакомый? — первой нарушила молчание Маша.

— Да, их ребята как-то помогли нам в промзоне, когда на нас изгои напали — мы как раз на выходных на рынок ехали... Хороший парень.

— А почему ты тогда про то, что было в Волково, не рассказал?

— Потому что Юрка — наш, с Вокзального, — вздохнул я. — Оттуда и плясать надо. А вот про джип тех гадов и про эти стволы, — я хлопнул ладонью по прикладу двустволки, — можно и здесь узнать. И даже нужно.

— И что дальше?

— А дальше посмотрим, Маш.

Мы шли по дороге — традиционной для этих мест, когда-то асфальтовой, но узкой и окончательно убитой. Если меж Вокзальным и Гидростроем было хоть какое-то регулярное движение, несмотря на Болото — тут его практически не было вообще. Куда ездить-то? Чуть южнее река-приток, мост через неё разрушен, деревни нежилые, а леса, насколько я знаю, кишат зверьём. И, кажется, не только...

До города было километров пять, наверное. Наконец вышли на «финишную прямую» — лес остался только слева, справа потянулись нескончаемые заброшенные садоводства с покосившимися домиками, когда-то обнесёнными сетчатыми заборами. Заборов почти нет — всё растащено, да и в домиках вряд ли осталось что-то ценное. А вон видны жиденькие дымки — значит, и правда тут живут изгои. Впрочем, они могут быть как агрессивными, так и тихими — например, те, кто накосячили где-то вне местной юрисдикции и теперь выжидают время, чтобы прибиться к какой-нибудь общине... Всё же малыми группами вне стен выжить проблематично. Особенно зимой.

Примерно через час ходьбы мы вышли к Стене.

Глава 20

Южный КПП в Гидрострое весьма своеобразен — обустроен между двуя огромными древними девятиэтажками, стоящими параллельно. Оба дома давно уже нежилые — скорее всего, никто и не пробовал реанимировать такие громады, благо жилья и без того хватает, и в пространстве между ними сделали традиционный «шлюз».

Под прицелом пулемётов со вторых этажей мы предъявили документы. Дежурный колдун, проверив, кивнул, и тут вступил в разговор хмурый здоровяк со шрамом, скорее всего старший:

— Так, у вас ещё два левых ствола. Это что?

— Трофеи, — я снял с плеча двустволку, показал жестом Маше, чтобы вынула «макар». — Обглоданный труп за переездом. Сами стреляли только по мишени, Маруся тренировалась. Так что узнать бы, «чистые» ли они — может, и человека опознать удастся.

Беспроигрышный ход. Проверять за город никто не попрётся, а колдун изменение ауры вряд ли заметит — главное, самому по максимуму верить в то, что говоришь. Тем более, если разобраться, откровенной неправды я и не сказал — даже труп наверняка обглодают уже на днях. А уж как мне хочется опознать человка, кто б знал. Реально, сука, хочется!

Старший повертел в руках пистолет, разрядил, ссыпал мне в пригоршню патроны, и колдун сноровисто поставил на пистолет «пломбу» — этакий широкий хомутик, не позволяющий нажимать на спуск. Потом проделал то же самое с ружьём.

— В мэрию зайдёте, если у нас эти стволы светились — скажут. Там же поставите на учёт. Или сдадите, смотрите сами.

А то я сам не знаю... Но для КПП фразы стандартные, ребята просто делают свою работу.

Мэрия — это так в Гидрострое называют управу, на западный манер. Почему — понятия не имею. Может, в своё время нашёлся шутник — то ли из «провалившихся», то ли из фанатов запада, вот название и прилепилось. А может, потому, что здесь, в отличие от Вокзального и его Совета, глава администрации Волочков рулит в одно лицо — потому и «мэр».

На самом деле, можно заплатить за стволы пошлину и поставить на учёт, а потом продать самому — подобные «левые» стволы управа обычно скупает за копейки, что наша, что Гидростроевская. Хотя в целом уклад на Гидрострое отличается от нашего — если в Вокзальном некий намёк на социализм, то тут изначально власть в руках бывшего криминалитета. Для непосвящённого человека разница почти незаметна, а вот если присмотреться — в Гидрострое гораздо более вольные нравы. Опять же, по сути «нефтяной порт».

А вот своего Колледжа у них нет, не сложилось — колдуны почти поголовно проходят обучение и практику в Вокзальном. Потому тут чуток побольше молодёжи без колдовских способностей. Не потому, что их нет — просто на их развитие изначально клали болт. Отличный пример — Колян Ильин. Он ведь молодой, 30 с небольшим, должен бы иметь колдовские способности — а нет. Потому что изначально забил на обучение, я уж не помню, по какой причине.

Потому и наблюдается некий баланс — в Вокзальном сильная колдовская школа, в Гидрострое — коммуникации. Избавиться бы от долбаного Болота, чтобы объединить город, хотя бы территориально... но что толку о несбыточном мечтать. Хорошо хоть, на Болоте такая развлекуха, как при крайнем рейсе, происходит далеко не всегда. А плохо то, что непредсказуемо всё это — то проезжаешь, лениво поплёвывая за борт, то кирпичи откладываешь.

— И что теперь? — спросила Маша. Мы как раз вышли на улицу Молодёжи, тянущуюся почти через весь город и застроенную серокирпичными хрущёвками, и девчонка вовсю озиралась — в этой части города она ещё не была... здесь.

— В мэрию, — пожал я плечами. — Это местная управа. Попробуем узнать по этим стволам и УАЗику, заодно свяжемся с Вокзальным, а то меня с работы выгонят. И узнаем про попутку.

— В мэрию — это куда?

— Площадь Ленина, бывший ДК.

— Аааааа, — протянула Маша. — Ясненько... А тут есть где поесть?

— Рядом столовка, туда и зайдём. Я тоже не в восторге от второго дня сухомятки.

Головой Маша уже не вертела. А что смотреть? Две вереницы серых хрущёвок? Рискну предположить, что они в той, покинутой

реальности точно такими же и остались.

— Вроде у себя в городе. Вроде и нет, — странным голосом сказала девчонка. Ну да, как раз об этом и думает — ничего удивительного. Она тут всего ничего. Ещё пока сравнивает...

Столовая занимала приземистое здание в скверике наискосок от мэрии и носила романтичное название «Сказка» — понятия не имею, новое или оставшееся с прежних времён. Из окон открывался вид на площадь с разбитым асфальтом и разросшимися деревьями, в центре которой стоял традиционный для советских городов Ленин, а с противоположной стороны — бывшая гостиница, Анклав провалившихся в Гидрострое, их тут побольше, чем у нас, около тысячи. На площади было пустынно, не считая редких прохожих. Рабочий день...

Дома-сталинки, окружавшие площадь, сейчас заселены местной элитой. Центр, как-никак.

В «Сказке» нынче малолюдно — по субботам у них аншлаг, а сейчас и до обеденного перерыва время ещё есть. Получив по тарелке жаркого с капустой и по паре кусков хлеба, мы с Машей устроились за столиком в уголке. Так и подмывало взять пива, а то и чего покрепче, но удержался — ещё в управу идти и, может, сегодня придётся добираться до Вокзального. Так что ограничились местным ягодным морсом.

Маша наворачивала еду молча и целенаправленно — два дня сухомятки сказывались, я же по привычке оглядывался по сторонам — потому и сел спиной к стене. Двое мужчин и женщина за столиком у противоположной стены, ещё двое мужчин в рабочей одежде рядом с окном раздачи, перед этими стоит пиво — явно с ночной смены. Хлопнула дверь входного тамбура — вошли ещё двое, молодые, лет по 25, один в джинсовой куртке и бандане, другой в косухе. Взяли по кружке пива, сели через столик от нас. Косятся в нашу сторону, но ведут себя тихо. Выпили, ушли — даже странно. От такой молодёжи никогда не знаешь, что ждать — особенно при гидростроевских нравах. Да и пиво с утра... в отличие от той парочки, что продолжают тянуть очередную кружку — эти явно не после работы.

Не люблю то, чего не понимаю. Особенно в последнее время.

— Ну что, Маруся, полегчало? — поинтересовался я, допив остатки морса.

— Даааа, — выдохнула Маша, откидываясь на спинку неудобного деревянного стула. — Никогда б не сказала, что сожру столько...

Да ладно. Порция была не маленькая, но и большой её не назвать.

— Кто хорошо ест, тот хорошо работает, — не удержался я от подначки. — Ну что, пошли докладываться?

— Пошли... Если встану.

У Гидростроевской управы-мэрии есть одно несомненное преимущество — тут всё в одном месте. Здание ДК даже на вид массивнее, чем бывший техникум в Вокзальном, а потому тут размещается и местная милиция, и безопасники, и патрульная служба, и узел связи. Даже умудрились бывший зал Дома Культуры перестроить в анфиладу кабинетов. В коридорах было многолюдно, пахло куревом и потом — ещё бы, столько мужиков в одном месте...

Увы, отдел оборота оружия ничем порадовать не смог — впрочем, на них я особо и не рассчитывал. И «макар», и ружьё оказались незарегистрированными, а учитывая, сколько такого барахла ходит по рукам — особых примет тоже нет. Жаль. Оставлять их себе нет никакого резона — даже Маше пистолет не сильно нужен, пока что и нагана хватит, благо у него и патрон поубойнее. Да и по оружейным магазинам бегать неохота. Так что я махнул рукой — забирайте. Правда, переписал себе номера — перепроверю ещё в нашей управе, «синхронизация» временами хреново работает из-за плохой связи.

Местный колдун быстро сдёрнул пломбы-хомутики, небрежно сбросив их в стоящую тут же картонную коробку, и подсобный рабочий унёс стволы в смежную комнату. Дежурный, полноватый небритый мужчина лет сорока в мятой полосатой рубашке, выписал квитанцию на получение компенсации — ну да, лишнего не дадут, стоимость хорошего ужина на двоих — при продаже получилось бы раза в три больше, даже с учётом регистрации. И чёрт с ним, не такие большие деньги, да и на халяву в общем-то.

Дальше зашли в отдел учёта транспорта, на который я рассчитывал гораздо больше. Но тут прямо сказали — оставляйте заявку и зайдите часа через три-четыре. Ну верно, компов тут нет, всё по картотекам и по проводной связи. М-да, раньше чем к вечеру вряд ли что-то выяснят — но заявку я всё равно оставил, заплатив положенный налог.

Потом состоялся телефонный разговор с Большаковым.

Трофимыч от известий о том, что я застрял в Гидрострое, дикого восторга явно не испытал — правда, и не матерился особо. Значит, как всегда, выскажет всё при личной встрече... ну да ладно, переживём. Договорились, что я выйду в ночь с субботы на воскресенье, то есть через сутки.

И то хлеб. Значит, пятница у нас свободна — то есть, можно спокойно дождаться результата по «Хантеру». Если он будет, конечно. И спокойно вернуться завтра в Вокзальный — на рынок народ точно съедется, если на Болоте спокойно будет. Ну а если оказии не будет... тогда и будем крутиться. Главное, что можно отдохнуть — после такой поездочки это очень кстати. Время первый час — почти весь день впереди. Другое дело, что делать в Гидрострое днём особо нечего — никакой «культурной программы», это вам не старые времена, ни кинотеатров, ни музеев тут нет, мест для неторопливых прогулок — тоже, бары откроются ближе к вечеру, да и то это не место для Маши — в пятницу вечером народ пьёт крепко. Хотя, с Коляном я с удовольствием бы посидел. А пока только и остаётся — снять комнату до завтра да завалиться спать. Всё же предыдущая ночь была, как бы помягче сказать, не сильно спокойной.

СКС пришлось сдать в дежурный отдел при «мэрии», небольшой укреплённый кабинет слева от входа — с длинностволом по городу расхаживать не принято, как и у нас в Вокзальном. Ну это ладно, это обычная практика — дежурка работает круглосуточно, хотя, конечно, ни один нормальный человек на ночь глядя за стены не полезет.

Вариантов с ночёвкой тут не так много. Если отбросить пафосные, вроде бывшей гостиницы (совершенно советского вида, но тут считается элитной — в основном из-за охраны из местных ЧОПовцев, выглядящих как бандосы из 90-х), остаётся лишь бывшая общага местного ПТУ — в принципе, тоже жильё, даже есть люксы с душем и санузлом, выйдет вдвое дешевле, чем в гостинице. Туда и пойдём.

Гостиница-эконом, она же общага, занимала здание примерно в километре от мэрии, стоя торцом к одной из улочек, застроенных типовыми серыми хрущёвками и не менее типовымиоблезлыми брежневками. Население у Гидростроя чуток побольше, чем у Вокзального — тыщ восемь наберётся, но всё равно слёзки в сравнении с лучшими временами этого городка, а потому с жильём

проблем нет. Как и у нас, ценятся дома со своей котельной, но таких тут кот наплакал — в основном всех отапливает бывший завод.

Немолодой усатый вахтёр в общаге без особого интереса просмотрел наши документы, неторопливо записал данные в журнал с серыми страницами — разумеется, перьевой ручкой, дал нам поставить автографы и, приняв деньги — я заодно сплавил и квитанцию из мэрии — выдал ключ со старорежимной деревянной грушей.

— Вода чуть тёплая, но есть, — сообщил он. — Много не тратьте.

Даже вода есть! Чудо.

Поднялись на второй этаж. Открыв дверь — ключ болтался в скважине, как кое-что в проруби, — пропустил Машу вперёд.

— М-да, ну и отель, — протянула девчонка.

— Общага, она и есть общага, — я запер дверь, по привычке оставив ключ полупровёрнутым. — Местный люкс.

Две панцирные кровати у противоположных стен — правда, застеленные стираным, хоть и ветхим бельём. Аккуратно сложенные шерстяные одеяла. Вафельные полотенца на спинках — вот он, признак люкса: персональные полотенца, такое мало где встречается. Пол из досок, крашеных, такое ощущение, ещё в пресловутом 83-м. Тюлевые занавески... Сторона не солнечная, но откровенно душно.

— Может, приличнее было бы поселить тебя в отдельную однушку? — вслух подумал я.

— Отвернёшься, если что, — невозмутимо сказала Маша. Открыла дверцу стоявшего у стены старенького шкафа, заглянула внутрь, закрыла. Подошла к окну, выглянула наружу. — С тобой спокойнее.

Вот ведь наглая девчонка. В принципе, старик-призрак правильно сказал — она мне в дочери годится. И могла бы у меня быть дочь такого возраста. Если бы... да неважно. Интересно, что ж он такое увидел, что однозначно наше с Машей родство указал? В том, что она мне никаким боком не родственница, я уверен однозначно. Значит — в аурах что-то схожее...

— Добрая ты, Маруся, — рассеянно сказал я, понимая, что тему аур надо как минимум обдумать. Сдёрнул полотенце со спинки кровати, повесил вместо него куртку — в шкаф неохота убирать. —

Располагайся, пойду хоть немного ополоснусь. Открой заодно форточку, а то задохнёмся тут.

Вода и правда была тёплой — роскошь. Напора особого нет, душ не примешь, но смыть двухдневный пот вполне можно. Заодно потрогал голову — не болит ничуть, даже шишки не чувствуется. Классная всё же штука это «зелье оборотня». Жаль, не купить впрок.

Когда я вернулся, Маша валялась на кровати, скинув давно уже потерявшие приличный вид кроссовки и бросив на тумбочку у изголовья Юркин дождевик и мой свитер, так и оставшийся у неё с ночёвки в вагоне.

— Жаль, смартфона нет, — с сожалением сказала она. — Сейчас бы в интернет...

— Интернета тоже нет, — в тон ей ответил я. — Увы...

— Слушай, — Маша, опершись на руку, легла набок. — А что тут вообще люди делают, когда у них время свободное?

— Бухают, — машинально ответил я, ставя свои берцы у кровати. Маша попала в больное место — на самом деле, большинство именно этим и занимается, и как я сам не докатился до того, чтобы пить — большой вопрос.

— И всё?

— Азартные игры. Карты, кости, рулетка. Бои, — я понял, что начинаю злиться. По инерции хотел ещё добавить «трахаются», но понял, что в сложившейся обстановке это будет не совсем прилично — особенно с учётом разницы в возрасте. — Авантюры устраивают...

По лицу Маши было не понять, как она относится к сказанному, и я внезапно успокоился — так же быстро, как стал заводиться.

— А ещё книги читают, — добавил уже более миролюбиво. — Многие поделками занимаются, учатся руками работать. Строительство. Многие вообще учатся, пытаются что-то новое узнать. Так что, Маша, тут и без интернета можно найти чем заняться. Тем более, и мир-то толком не изучен... Это тебе не две-тыщи-десятые «там».

Я сел на кровать поглубже, опёрся спиной о стену, оказавшись как раз напротив Маши.

— Вот так, Маруся... Так что думай, куда податься в свободное время, раз работу тебе уже пообещали. А бегать по лесам и стрелять нечисть — это... не для всех подходит.

— А мне почти понравилось, — криво улыбнулась девчонка.

— Да и мне понравилось, что живыми выбрались... Ладно, Маруся. Вздремну я немного, и тебе советую...

Глава 21

Что меня разбудило — я понял не сразу. Лишь потом уже сообразил — сквозняк. Форточка на окне находилась как раз с моей стороны и на одной линии с дверью комнаты.

Дверь была распахнута, и в проходе, узком коридорчике между ней и собственно комнатой, стоял человек, наполовину скрываясь за частично приоткрытой дверью санузла.

Адреналина плеснуло моментально, «беретта», убранная под подушку, оказалась в руке сама собой, и лишь потом я узнал усатого вахтёра — правда, поверх рубахи у него сейчас куртка накинута. Тьфу ты...

— Стучаться бы надо, отец, — недовольно буркнул я, косясь на безмятежно спящую Машу. — Чай, не нараспашку...

Так, стоп. Точно помню — ключ я оставил в замке и полупровернул, чтобы было его не вытолкнуть. У вахтёра, конечно, свой ключ есть, но... как он избавился от того, что в скважине? Ключ болтался, но не настолько!

Вахтёр что-то невнятно пробурчал — слов было не разобрать — и двинулся вперёд. Дверь санузла подалась, открывшись до упора, и мужчина опять остановился.

Фигня какая-то.

— Эй, отец, что случилось-то? — начал было я, вставая с кровати, но слова застряли у меня в горле. Я видел лишь часть лица вахтёра — остальное скрывала дверь, — но и без того было ясно, что мужик бледен, словно в лице нет ни кровинки, а его правый глаз — совершенно остекленевший.

Твою ж мать!

Я вскочил, как подброшенный пружиной, и в тот же момент мужчина нанёс по преграждавшей ему дорогу двери мощнейший удар. Дверь выбило из петель, она распахнулась и отлетела на середину комнаты, чуть не мне под ноги. Маша испуганно села на кровати, видимо, спросонья не понимая, где находится.

Вот это силища. Что с ним происходит? Чем-то обкачан? Вроде выглядел нормальным. Бледность, остекленевшие глаза, неимоверная

сила — явно под наркотой. Какой? Да какой угодно, тут всякое встречается, в том числе и колдовского изготовления... Надо было идти в гостиницу с охраной! Сэкономил, блин.

Угу, с охраной. Это, между прочим, как раз охранник.

Всё это пронеслось в голове за долю секунды.

— Отойди, выстрелю, — я старался говорить как можно чётче, но получалось с трудом. От меня до мужика было метра три максимум... Шкаф!

Шаг вперёд, рукой за верхушку — хлипкая, но в то же время громоздкая конструкция повалилась перед обкачанным. Тот сделал очередной шаг вперёд, упёрся коленями в полированную ДСП шкафа — и опять остановился. Точно нарк — мозги совсем не варят. Хорошо хоть, и в руках у него ничего нет, даже банального столового ножа. Хотя, при такой силище нож и не нужен — он, если что, просто в окно меня вышвырнет.

— Последний раз говорю!

Вахтёр, заурчав, изо всех сил пнул ногой поваленный шкаф, потом ещё и ещё раз — после первого удара тот сдвинулся с места, после второго треснул, и я спустил курок, целясь в плечо. Хватит миндальничать, хоть мы и в городе — вломись такой в мою квартиру в Вокзальном, я бы и предупреждать не стал.

Пуля ударила именно туда, куда я и целился — промазать на таком расстоянии просто нереально, но... не оказала никакого эффекта! По идее, пуля должна была бы пройти навылет, выхлестнув неслабый фонтан крови — слишком уж близко цель, но она словно увязла в теле мужика. Даже крови не видно.

От удивления я, видимо, потерял пару секунд, потому что вахтёр, ещё одним ударом ноги раздолбав шкаф, достаточно проворно приблизился и изо всех сил толкнул меня в грудь, совершенно игнорируя пистолет. Я успел выстрелить ещё раз куда-то в пузо — с тем же эффектом, то есть без такового, после чего меня словно приподняло в воздух и отшвырнуло к стене. Подоконник от всей души шарахнул в затылок.

Твою мать. Это не нарк. Это же...

ТТ. ТТ с серебряными пулями. Зараза, он остался под подушкой, я по привычке схватил «беретту», а не его. Попытался привстать, чтобы добраться до кровати, но ноги не слушались. Нажал ещё несколько раз

на спуск, видя, как пули одна за другой словно тонут в объёмном теле бывшего вахтёра...

Справа дважды гулко ударил наган, и висок мужика взорвался ошмётками — не кровавыми, а какой-то слизью. Он ещё успел сделать шаг... и повалился вперёд, почти уткнувшись головой мне в ноги.

— Зомбям надо стрелять в голову, — словно сквозь подушку услышал я совершенно бесцветный голос Маши.

Спасибо, девочка моя... У тебя не замылен взгляд. Ещё пока не замылен. Ведь я-то знаю, что зомби, ходячих мертвецов, в этом мире нет и никогда не было... по крайней мере, до этого момента.

Я попытался улыбнуться — улыбка вышла кривой. Потрогал свободной рукой затылок — шишка наливалась хорошая, крепкие тут подоконники.

Что дальше? Вон виден дверной проём — пусто. Он был в одиночку? Люди в гостинице скорее всего есть, но ни один нормальный человек не полезет выяснять, что была за стрельба — наоборот, прикинутся ветошью.

— Забыл, — виновато прошептал я.

Зомби. Откуда тут зомби? Эпидемию отметаем, это фуфло. Такие вахтёры обычно сидят в городе безвылазно, подцепить болезнь у них шансов нет. Любых входящих проверяют на заразу колдуны на КПП. Нет, это зародилось именно здесь...

Пошатываясь, я встал. Маша так и сидит на кровати, поджав под себя ноги, разве что на коленях у неё дождевик, из кармана которого она и вытащила револьвер. Из ствола нагана вьётся синеватый дымок. Хороший патрон, мощный.

— Тут есть зомби? — спросила девушка таким тоном, словно спрашивала, где находится туалет. Ну правильно, тему живых мертвецов мы с ней ни разу не поднимали.

— Уже есть, — ткнул я на распростёртое тело стволом «беретты». Доковыляв до кровати, взял из-под подушки ТТ. — Это первый.

— Как так?

— А вот так...

Это зародилось здесь.

Чтобы сделать зомби — нужен труп. Но кладбищ здесь по понятным причинам нет — просто негде, все трупы кремируются — и у нас, и в Гидрострое, и умершие, и убитые.

Вахтёра убили только что. И подняли как зомби — сильного, не рассуждающего, тупого. И направили его именно в нашу комнату.

Это не эпидемия и не случайность, это акция.

Настолько быстро, насколько позволяла едущая крыша, я метнулся к окну и успел увидеть, как от центрального входа общаги почти вдоль стены — еле заметил — промчались двое. Один в джинсовой куртки и бандане, второй в кожанке.

Лиц сверху не видно, но таких совпадений не бывает. Те двое молодых, что пили пиво в «Сказке».

— Одеваемся, Маш. Отдых отменяется.

— Понимаешь, Маруся, никто здесь никогда не слышал про зомби, — говорил я, торопливо шнуруя берцы. — Трупы утилизируются, мертвецов нет, которых можно, как это, «поднять». Да и вообще некромантию колдуны не практикуют. То, что мы сейчас увидели, произошло впервые...

Маша уже натянула кроссовки и свитер и теперь стояла у входа, поглядывая наружу.

— ...И с большой вероятностью направлено это против нас, — закончил я мысль. — Помнишь тех двоих с пивом в кафе? По-моему, именно их я видел сейчас под окнами.

— Нас хотят убить? — спросила Маша. Спросила с вызовом — надо же, не боится. Или как минимум держится.

— А ты не заметила? Со вчерашнего дня ещё. Ты уверена, что я — хорошая компания для тебя?

— Надо ж кому-то тебя прикрывать.

Уела, соплячка. А вообще, эта девчонка нравится мне всё больше и больше, несмотря на её характер. Натянув куртку и сунув пистолеты в кобуры, я наклонился над «дважды трупом». Откинул куртку — ну да, всё верно: вон она, рана на левой стороне спины. Точно в сердце, скорее всего — крови почти нет. А потом, выходит, из него сделали зомби... и мало того — направили куда надо! Выходит, ходячие мертвецы — не просто тупые твари, стремящиеся сожрать мозги. Скорее всего, им это и не нужно, и вряд ли их укус заразен — просто идеальные бойцы, которыми вдобавок можно хоть как-то управлять.

Сууууука... Нужно бегом в мэрию. Об этом обязана знать городская верхушка. В идеале бы вообще сразу в Вокзальный, чтобы нашим всё рассказать — но сейчас уже вряд ли.

Взглянул на часы — четвёртый час. Точно пора в мэрию, а вот пытаться прорваться домой уже поздновато, скоро стемнеет. Да и отдел безопасности нас затормозит часа на два минимум.

Ещё один сюрприз поджидал у двери — впрочем, он же дал ответ, как зомби вошёл в комнату. Замка попросту не было — вместо него зияла ровненькая дыра сантиметров в десять радиусом, словно выпиленная лобзиком. Самого выпиленного замка или ключа, что характерно, рядом не валялось — либо забрали с собой, либо то, чем резали дверь, его уничтожило. И, главное, бесшумно — однозначно колдовство, оно большей частью работает без шума и прочих спецэффектов. Ну... по крайней мере, ясно, откуда ноги растут. Выпускник Колледжа, без вариантов. Как минимум один.

Прикрыв изувеченную дверь, мы двинулись к выходу, и когда уже выходили на лестницу, в конце коридора из комнаты выглянул какой-то мужик:

— Эй, что за выстрелы были, не в курсе?

— Сиди, сейчас тут безопасников толпа будет, — отмахнулся я, и мужик моментально исчез. Что-то быстро — глядишь, сейчас смоется...

Дверь в вахтёрский закуток была распахнута. Следов борьбы почти нет — так, стул только опрокинут. Снял трубку телефона — сигнала нет. А, вон и оборванный телефонный шнур болтается...

Ладно. Бегом в мэрию!

Глава 22

В отдел учёта транспорта мы всё же заскочили, и правильно сделали — заплатив ещё немного за оформление, я получил бланк с вписанными от руки строчками. Есть у «Хантера» хозяин, есть! Первая хорошая новость за сегодня.

А потом завертелось.

Дежурный «мэрии» моментально вызвонил безопасников, здешнюю смесь вневедомственной охраны и полиции — их контора располагалась недалеко, в конце выходящего на площадь бульвара, — и те, почти сразу примчавшись на дежурной «буханке», без лишних разговоров впихнули нас внутрь и поехали в бывшую общагу. Распоряжался незнакомый мне мужчина лет сорока, представившийся как майор Тихонов. Не самая мелкая рыба здешнего пруда, учитывая звание — ну и ситуация не сильно обычная. Помимо него, в группе был паренёк-колдун и два опера, которых никто не представил.

Кратко суть дела я изложил за те несколько минут, что мы тряслись по ямам до места — дороги тут, конечно, периодически подсыпают щебёнкой, как и у нас в Вокзальном, но ходить по ним пешком комфортнее, чем ехать. Если луж нет.

В бывшей общаге светилось несколько окон — вероятно, часть жильцов выстрелам вообще значения не придала. Один из оперов остался внизу, в закутке вахтёра, второй вместе с нами и колдуном поднялся наверх. Увидев нас, шедший по этажу мужик в рабочей одежде с чайником — видимо, с общей кухни, — предпочёл поскорее юркнуть в свою комнату.

«Дважды труп» лежал там же, где мы его оставили — ну да, куда он денется...

Следственные мероприятия заняли часа два — мы с Машей несколько раз рассказали, где мы находились и как всё происходило. Колдун, наверное, при этом проверял нас на враньё, но и чёрт с ним — сейчас говорим чистую правду. Рассказал я и то, что, предположительно, это дело рук тех самых ребят, что утром были в «Сказке» — пусть проверяют, может, на окне раздачи их вспомнят. А на вопрос, что им нужно было от нас — развел руками. Сам бы узнал с

большим удовольствием... Одно ясно — это не попытка грабежа, ничего сильно ценного у нас с собой нет, взятых с собой денег по здешним меркам немного. То ли хотели убить, причём не своими руками — то ли кто-то опробовал новый вариант колдовства.

Учитывая, как матерился Тихонов — сам он склонялся именно ко второму варианту.

Одно хорошо — нас подозрениями не мурыжили. Это вам не наш родной мир — тут всё гораздо более практично, да и колдуны на подхвате. Голая самооборона. Разве что фоторобот ребят из бара составили — разумеется, по-местному, колдун набросал на бумаге по моим словам — Маша, как выяснилось, на соседей по «Сказке» внимания вообще не обратила.

Замок, кстати, по словам колдуна, вынесли именно колдовским способом — правда, конкретно он сказать ничего не смог, но однозначно утверждал — следы колдовства остались. Вот такой вот «лобзик», оказывается, у кого-то есть в хозяйстве. А вот появление зомби поставило всех в тупик — даже после того, как Тихонов по рации вызвал ещё людей. Ну что ж, с почином... Ещё пара дней — и Колледж будет гудеть как растревоженный улей: хвосты-то явно туда потянутся, самоучек такого уровня нет и не было, насколько я понимаю.

Хотя, может, уже и есть. Вопрос только — откуда. Но вот думать после сегодняшнего (а заодно и вчерашнего) денька не сильно получается.

Освободились в начале восьмого — уже смеркалось. Когда выходили, в закутке вахтёра сидел новый человек — гораздо моложе и широкоплечий, перед ним на столе почти демонстративно лежал обрез двустволки. Видимо, руководство гостиницы сделало выводы... жаль, что поздновато.

Ну что ж, ночёвка накрылась медным тазом. Тихонов, конечно, дал бугаю директиву, чтобы нас двоих бесплатно поселили до утра — но вот не уверен, что теперь я готов провести ночь в этом милом заведении.

— Ну что, ночевать, или пойдёте куда? — поинтересовался майор, видя, что мы вместе с ним вышли на улицу. Протянул руку: — Меня Александром зовут. Не хотите здесь — давайте к нам в дежурку, до утра перекантуетесь, топчаны есть.

Я пожал жёсткую, крепкую ладонь:

— Спасибо... Может, и придём.

Покосился на Машу — ей бы нормально выспаться, конечно, я-то уже привык спать в любых условиях. Майор перехватил мой взгляд:

— Да не тронет её никто. Может, даже подушку нормальную найдём. Так что решайте, — и, помолчав, добавил: — Я б с тобой ещё поговорил, без протокола. Не нравятся мне такие дела, особенно ни с того ни с сего.

«Буханка» укатила, и мы остались вдвоём с Машей перед бывшей общагой. Напротив тускло светились окна старой пятиэтажки, справа раскинулся обширный пустырь, на котором завтра соберётся рынок.

— Что будем делать? — первой подала голос девушка. — Пойдём к ним в дежурку?

— В этой гостинице ночевать не хочешь? — не удержался я.

— Нееее... небось и не усну.

— Согласен. Тогда давай так. Зайдём сейчас в «Триаду», я хоть с Коляном поболтаю. А потом — к безопасникам. Идёт?

— Идёт...

На самом деле, тащить Машу в «Триаду» не сильно хотелось, но с Колей поговорить надо — особенно по самым свежим событиям, а одну её не оставишь. Даже если отвести к безопасникам — всё равно стрёмно, пока не разобрались, что происходит. Хотя, следует признать, что Маша вытаскивает меня из проблем не хуже, чем я её.

Ладно, народу в этой забегаловке обычно много, и народу самого разного, но территория там считается нейтральной, так что беспредела не бывает. И не курят. Не самое плохое место, да и вышибалы там есть. Да и не будь их — к Коле Ильину или к тем, кто с ним, может начать заводиться только тупой или отмороженный.

До «Триады» было рукой подать — около полукилометра, на одной из соседних улиц. Колян, кажется, и жил где-то в одной из окрестных хрущёвок, потому и предпочитал этот бар — тем более, что и готовили тут неплохо, хотя народ сюда приходил в основном пить.

Когда мы вошли, Ильин был уже на месте. Даже не вставая, махнул рукой остановившему нас на входе вышибале:

— Гарик, это наши, со мной!

Предполагаю, что «фейс-контроль» могучего бородатого Гарика не прошла Маша — женщин тут почти нет, а молодых девчонок, вроде

Маши, не бывает вообще. Когда столько мужиков в одном месте — девушкам делать нечего. Без соответствующего сопровождения.

Колян расположился за столом у стены и был один, хотя стульев вокруг стола стояло четыре.

— Кого ждёшь, или только нас? — поинтересовался я, садясь сбоку от Коляна, чтобы тоже видеть зал. Привычка — вторая натура... Маша присела на стул напротив

— А как получится, — жизнерадостно улыбнулся патрульный. Как я погляжу — Колян всегда жизнерадостный, ни разу не видел его хмурым. Всё в той же камуфлированной куртке, кепка засунута под погон. В зале нежарко, никто не раздевается — не исключено, что и куртки у многих усиленные, как моя.

Смотрю, и Маша не стала дождевик снимать — ну правильно, там наган в кармане, уже дозаряженный. Уже дважды мою шкуру спасал. Надо будет переписать его на Машу, как в Вокзальный вернёмся. Можно было бы и здесь, но лучше дома.

Появилась официантка, высокая и нескладная, но, более чем уверен, из тех, кто к вышибалам обращаться не будет — сама отоварит, если что, так, что мало не покажется. Поставила на стол перед Коляном огромную кружку пива, вопросительно посмотрела на нас.

— Спасибо, Оль! — кивнул Колян. — Так, ребята... и девчата, я пока только пиво себе заказал. Вы есть будете? Ольга говорит — пельмени сегодня классные, — подмигнул он официантке.

Пельмени, конечно, лучше под водочку — для тех, кто её пьёт, конечно. Я вот не пью, но от пельменей не откажусь, даже под пиво — тем более, раз Колян рекомендует. Вопросительно посмотрел на Машу — та кивнула. Ну да, ели мы больше восьми часов назад.

— Давайте тогда пельмени на всех, — распорядился Колян. — Волку пива, как мне. А вам, мадемуазель?

Надо же, словечко вставил... Не иначе, начитался чего. Французский язык тут небось ещё с рождения Коляна не слышали, если не больше.

— Коктейли не спрашивать? — артистично приподняла бровь Маша, обращаясь к Ильину практически в тон. Впрочем, Колян не смутился — с «провалившимися» ему дело иметь приходилось, нюансы худо-бедно знал.

— Неа. Оль, давай сидра, того, что послабее — для нашей дамы будет в самый раз.

Ольга принесла пиво и бокал сидра почти сразу, и мы стукнулись за встречу.

— Слышал, что творится? — спросил Колян, отпив примерно четверть. — Ходячего мертвеца сегодня привалили. Правда, подробности не знаю, в дежурке сказали после смены.

Вот сразу видно, что здешний. Любой из «провалившихся» сказал бы «зомби». А вообще, молодец Колян, сразу нужную тему поднял.

Маша хмыкнула, заслонившись бокалом.

— Не слышали. Видели. Мария его и привалила.

— Да? — оживился патрульный. — Ну-ка, рассказывайте!

Пока мы с Машей на два голоса пересказывали сенсационную новость «из первых уст», подоспели тарелки с пельменями и две плошки — с уксусом и со сметаной.

— М-да, сумасшедший дом, — задумчиво протянул Колян, придвигая к себе одну из тарелок. Даже не пробуя, полил пельмени уксусом. — Ходячий мертвец — это что-то новое. Совсем новое. Нутром чую, будет новый циркуляр по уничтожению мёртвых тел...

— Коль, ты понимаешь, что дело даже не в мёртвых телах? Дело в том, что кто-то освоил заклинания для управления телом!

— Да понимаю... Значит, сейчас начнут шерстить колдунов. Патрули скорее всего удвоят — чтобы колдуны на людях следили друг за другом... Вот блин, так спокойно было! С чего же это...

Я-то предполагал, с чего. Маша, глядя на меня, задумчиво клала в свою тарелку сметану.

— Коль, есть предположение, что мертвеца целенаправленно выпустили на нас, — наконец сдался я.

— С чего?

— Нас пытались убить. Вчера, за городом. Потому мы и машину потеряли. Или не убить, а похитить, — и, видя, как меняется лицо Коляна, добавил: — Причём организовал это человек, которого я чуть не год как знаю. Другом считал.

Ильин замолчал. Отпил пива. Бросил в рот горячий пельмешек. И только потом заговорил:

— Вот умеешь ты, Волк, вляпаться... Тогда ведь в промзоне вы тоже на ровном месте влипли. Ты уверен, что именно он организовал?

— Не уверен. Но явно он был одним из исполнителей. Коль, давай пока без подробностей, ладно? Мне бы самому разобраться.

— Ладно, давай... Предполагаю, что шарахаешься от каждого куста. Так?

— Блин, Колян. Если шарахаться — я свихнусь. Тебе верю. Хотя бы потому, что ты тут, а они — там. Но ни-че-го не понимаю...

Коля хлебнул ещё пива:

— Ты, Волк, горячку не пори. Больше наблюдай. Этот твой «друг»... где сейчас?

— Сбежал. Скорее всего попался бандитам, о которых я говорил тебе там, у моста.

— Плохо. А его контакты?

— Так пол-города знакомых. Он почти что из нашей службы.

— Не это, Волк, не это... Те, с кем он контактировал буквально последние полгода. Или даже последний месяц. Будешь у себя — начинай отрабатывать. И желательно без лишнего шума, он явно был не один. Тут, в Гидрострое, у него были знакомые?

— Не знаю. Он не из Патруля, потому к вам регулярно не катался.

— Тогда одно из двух — либо эпизоды не связаны, либо тутошние знакомые у него всё же есть, — побарабанил пальцами по столу Колян.

— А кто сказал, что Юра вообще в центре? — вдруг спросила Маша, до этого тихонько ковырявшаяся в пельменях. — Он может быть шестёркой. Вдобавок трусливой — я ж слышала, как он орал в мобильник.

Колян и рот раскрыл. Интересно, отчего — от того, что девчонка нагло вклинилась во «взрослый» разговор, или от упоминания «мобильника»? Слово не местное, но значение его понятно очень многим, явно и Коляну.

— Мобильник? — ожидаемо переспросил Ильин.

— Не факт. Маша видела у него какое-то компактное средство связи. Не рацию.

— Тогда в центре колдуны, — подытожил Колян, и лицо его мне не понравилось. — Кроме них, такое сделать некому. Безопасникам докладывали?

— Нет. Самим бы разобраться.

— Правильно. У них сейчас и так работы выше крыши... Плясать надо от вашего Колледжа.

Угу. На Бурденко где сядешь — там и слезешь. А на Власова скорее всего вообще не сядешь...

Я приложился к пиву. Хорошее, холодное — понемногу и сегодняшний нервяк отпускать начинает.

— Знаешь, Коль, меня гораздо больше интересует — почему он струсил. Точнее, почему струсил настолько, что аж до истерики, — я покосился на Машу.

Сам я знал, почему — если принимать за истину Машин рассказ. Но, кажется, здоровяк понял меня правильно:

— Знаешь, Волк, — протянул он задумчиво. — Характер человека моментально не поменяется. Если всегда он был спокоен, как в танке — в одночасье истерить не будет. Ты... уверен, что это был именно он?

— А кто? Ладно внешность — но знания и манеру речи не подделаешь.

— Понимаешь... Довелось мне с полгода назад читать один доклад. Старый, десятилетней давности, если не старше...

Дальше пришёл наш с Машей черёд ронять на стол челюсть.

По словам Коляна, доклад описывал встречу за городом. Ничего особенного — патруль встретил одиночного человека. Проверили документы — всё в порядке, колдун ничего нехорошего не увидел, на расспросы человек отвечал уверенно, но старшего смутило, что он откровенно боязливо косился на ножи — это как раз был период, когда патрульные ходили с посеребрёнными кинжалами. В общем, старший вытащил кинжал, просто для проверки — и человек бросился наутёк.

Рефлекс сработал — ему пальнули вслед, причём ничуть не серебром. Попали несколькими пулями, человек упал... но когда подошли — увидели, что вместо человека на земле лежит совершенно голая тварь, как принято говорить — гуманоидных форм. С тремя дырками в спине, разумеется. И рядом валяются документы. Ауры, соответственно, уже нет. Никакого оружия — тоже.

Подивились, с собой не поволокли, только документ взяли. Уже в Гидрострое выяснили — человек пропал за городом три месяца назад.

И... собственно, всё. Никакого расследования почему-то не было — может, потому, что тогда других проблем хватало. А документ к Коляну попал банально — в дежурке лежала папка с документами, у которых истёк срок давности, и их попросту использовали для растопки.

— Офигеть, — протянула Маша. — Оборотень?

— А я откуда знаю, — сокрушённо развёл руками Ильин. — Больше в докладе ничего не было. Я и на документ обратил внимание только потому, что там были размашистые такие подчёркивания и восклицательные знаки. На сожжение — значит, повторов не было, перспектив не выявлено. Бросил в печку, и делов.

— Коль... а сейчас ты почему именно про это вспомнил? — спросил я.

— Да потому что к теме разговора. Вроде и человек. Вроде и не он... Только вот поди пойми — это реально было, или ребята что-то намутили?

Колян прав. Прошло больше десяти лет — концов уже не найти. Это не интернет, где найдётся всё. Но если сейчас это не включено во все циркуляры и инструктажи — значит, действительно разовый случай... если он вообще был.

И мы вернулись к пиву, сидру и пельменям.

Глава 23

К безопасникам мы в итоге не пошли — Колян сказал, чтобы не морочили голову и переночевали у него. В результате просидели в «Триаде» почти до полуночи, а потом отправились в его хрущёвку — она действительно оказалась одной из тех, что окружали бар. Казённая квартира, как и у меня — правда, двушка, так что Машу сразу отправили на диван во вторую комнату, а мы ещё с час проболтали, после чего Колян выдал мне пошарпанный матрас и драный, но вполне функциональный спальник, а сам завалился на тахту.

Несмотря на выпитое пиво, уснуть сразу не получилось. Из головы не лез описанный приятелем случай десятилетней давности.

Что это было? Реально какой-то оборотень? Не совсем — оборотнями тут именуют зверей, способных принимать человеческий облик. А вот чтобы двурукий-двуногий превращался во вполне конкретного человека — о таком слышать не доводилось. Единичный случай или вообще морок? Надо будет обязательно выяснить у исследовательского отдела нашей управы. Думаю, они и сами мне уйму вопросов зададут — как свидетелю появления ходячего мертвеца.

С этими мыслями я и уснул и, как ни странно, проспал ночь спокойно — видимо, «дошла» наконец-то двухдневная бессонница.

Проснулись с Коляном почти одновременно — в десятом часу. Растолкали Машу и сели пить чай — как и можно было предположить, из съестного у приятеля оказалось только печенье. Ну да неважно, сегодня рынок, будет где перекусить.

Тут я наконец-то вспомнил, что добыча за вчерашний день всё же есть — хозяин «Хантера». Держа одной рукой кружку с чаем, вытащил из кармана и развернул листок. Опаньки... Анклав. Не наш, здешний. Некий Лаврешов Владимир Андреевич, 1962 года рождения — 55 лет, значит... Провалился семь лет назад. И, что характерно — машина до сих пор числится за ним, хотя фактически она где? Правильно, сгоревшая торчит напротив церкви в Волково.

— Что там? — поинтересовался Колян, хрустя печенькой. Маша молча пила чай — правда, замученной не выглядела. В идеале купить

бы ей на рынке приличную обувь вместо расползающихся кроссовок... Ладно, посмотрим.

— Машина, — я передал Коляну бланк. — Причём люди из этой машины пытались позавчера нас... — я помялся, — ...сделать нам гадость, так скажем.

— Анклав, — буркнул приятель. — Так о чём вопрос? Сейчас пожуём, да сходим туда. За спрос денег не берут... с сил самообороны уж точно, — хохотнул он.

А вот это очень кстати — предложение, от которого не отказываются. Меня в Анклаве запросто могут послать — я никто, а Анклав, хоть и подчиняется законам города, по сути представляет собой «государство в государстве». А вот местный силовик, пусть и не из правоохранителей — совсем другое дело. Да и внешность у Коляна не та, чтобы ему отказывать.

— Ну что, Мария, посидишь здесь? — дежурно поинтересовался Ильин, когда мы одевались. Впрочем, Маша зыркнула на него — как ножом резанула:

— Ну уж нет, я с вами! А то опять мертвец какой набросится.

Так и хотелось сказать в ответ что-то вроде «Шлёпнешь, тебе не впервой», но сдержался. Не думаю, что девчонка тащится от вчерашнего инцидента. Да ладно, город, день... Что может случиться. Хотя, если разобраться, мертвец на нас вылез тоже практически днём.

На улицу мы выбрались после десяти. Погода стояла на удивление хорошая, было достаточно тепло — это плюс. А вообще, хочется уже домой и под душ. А лучше на Базу, там титан топить не надо. Три дня не мылся, не считая вчерашнего. Представляю, каково Маше...

Впрочем, девчонка вышагивала рядом с нами достаточно бодро. Если присмотреться, было видно, как болтается пола куртки с наганом. Нехорошо, надо кобуру найти.

До площади от Колиного дома — не больше километра. Возит метлой по раздолбанному асфальту дворник. Перед мэрией, как всегда, торчит несколько машин и — надо же! — знакомый УАЗ. Явно наш, с Базы, только пулемёт снят и рядом никого нет — машины тут не угоняют, куда с ней денешься? А может, и колдовская противоугонка стоит. На машинах с Базы она точно есть. Машина — ещё один плюс: возможно, будет попутка. Не исключено, что кто-то из наших прикатил на рынок, а заодно и в мэрию зашёл.

Вот и Анклав — угрюмое трёхэтажное здание-стена, стиль которого даже не припишешь «сталинскому ампиру», слишком уж... монотонное, что ли? На стоянке — всего две машины, пошарпанная «Нива» и «буханка». Окна первого этажа заложены кирпичами — этаж скорее всего превращён в технический. Вход, как и положено бывшей гостинице, посерединке — хотя явно есть и чёрный ход, и не один. Правда, в отличие от гостиницы, вход перекрыт металлической дверью с окошечком. Рядом — кнопка звонка.

Окошечко в двери открылось почти сразу — в нём показалось лицо женщины лет сорока, которую можно было бы назвать и красивой, не будь она так ярко накрашена. Вот в чём смысл для человека, сидящего вахтёром?

— Чего надо?

— Человечек здешний нужен, пообщаться, — опередив меня, улыбнулся во все 33 зуба Ильин.

— С фига ли? Кто спрашивает?

— Силы самообороны, — Колян продемонстрировал свой жетон-медальон, и в тот же момент улыбку с его лица как стёрло. — Так что будьте любезны, — а вот эта фраза прозвучала хоть и вежливо, но весьма угрожающе.

Женщина задумчиво обвела нас взглядом, насколько позволяло окошечко. Потом лязгнул засов:

— Проходите.

Вот те на. Никакого холла — металлический тамбур, вторая дверь закрыта, в боковой стене — смотровая щель. Блиндаж прямо. Под потолком тускло горит лампа. Кстати, Гидрострой использует большей частью электричество с гидростанции — тут с этим проще, даже холодильники не колдовские, а электрические... у кого они есть.

Накрашенная стражница оказалась одета в строгое платье, ещё и на каблуках вдобавок. Анклав-с. Многие не принимают тутошние практичные «правила игры», вот он — пример.

— Кто нужен-то? — не особо ласково поинтересовалась женщина.

— Лаврешов Владимир Андреевич, за полтинник ему, — вступил в разговор я. Женщина вздохнула, обернулась к щели-бойнице:

— Лен, глянь по журналу, кто такой этот Лаврешов?

— Наташ, Андреич же, — отозвался оттуда девичий голос. — Ну этот, с общаги. Наш коллега.

У меня в груди аж сжалось всё. Да не может быть...

— Точно, — разбила мои надежды накрашенная Лена. — Он на смене, в пэтэушной общаге... тьфу ты, в гостинице-эконом. Хотя странно, у них до восьми смена. Болтается где-то, а мож рынка ждёт где в кафе.

Я уже видел, как побледнела Маша. И видел, как посерьёзнел Колян.

— Не ошиблись? — спросил приятель, но скорее для проформы.

— Он и есть, — кивнула «стражница». — Он самый, иногда на чай заходит. Я и не знала, что он Лаврешов — Андреич и Андреич...

— А машина у него есть? — ухватился я за последнюю соломинку.

— Неее, какая машина? Я здесь три года, сколько видела — он всё пешком...

Облом.

Дежурно улыбнувшись — мышцы лица у меня словно свело, — мы вышли на улицу. Мерно шаркал метлой дворник.

— Вечер перестаёт быть томным, — только и выдавил я. Настроение было отвратительным.

— То есть, он на нас и напал? — полуутвердительно спросила Маша.

— Очень похоже, — вздохнул Колян, выглядевший ничуть не менее ошарашенно, чем я. — Интересно узелок завязывается, Волк.

— Машину он скорее всего продал, — подумав, резюмировал я. — Больше трёх лет назад. Причём, возможно, не здесь — машину без хозяина могли не выпустить из Гидростроя. А перерегистрация попросту сюда не дошла.

— Легко, — кивнул Ильин. — Из Ладоги, например. С ними связь хреновая.

— А транспортный налог он сам платил? — неуверенно спросила Маша.

— Эх, Мария, транспортный налог — это у них «там»... — пожал плечами здоровяк. — Тут никаких налогов за машины не берут и не брали никогда.

Ну да. Чего-чего, а транспортного налога тут нет. Машины учитывает город, и не всегда этот учёт работает — в чём мы сейчас почти убедились.

— Как же так получилось, что именно он... — начала было Маша.

— Может быть простое совпадение, — предположил я. Хотя весь опыт говорил, что таких совпадений не бывает. — Шли по нашу душу, увидели его на вахте, решили совместить полезное с полезным. И он в минус, и нас чужими руками.

— А может, — согласился Колян. — Притянуто за уши, но может. Вот ведь суки... Не люблю, когда меня так в дерьмо носом тыкают.

Судя по интонациям, здоровяк начал заводиться.

— Ткнули, Коль, не тебя, а меня, — примирительно сказал я. — Говорю же, самим надо разбираться и плясать от печки — от Вокзального... А ты сможешь это дело отследить здесь? Хотя бы так, по верхам?

— Сделаю, — скрипнул зубами Ильин. — За мной не заржавеет, Волк.

— Ты ж мне не должен ничего.

— Они, суки, мне теперь должны. Ненавижу, когда непонятки творятся у меня под носом.

— Спасибо. Вот, реально, спасибо.

— Да забей ты, Волк. Ты дальше куда?

— На рынок. Надо Марии обувь посмотреть, — угу, если денег хватит. Хорошая обувка тут недёшева, но попытаться можно. Проигнорировав открывшую было рот Машу, показал глазами на знакомый УАЗик: — Только сначала сюда вот заскочим, ребята явно наши — надо узнать, что они тут делают. Может, обратно с ними подскочим.

С Коляном мы распрощались и не торопясь пошли к входу в мэрию.

— Какая ещё обувь? — поинтересовалась Маша.

— Какая... Любая. Ты долго в этих шлёпках не проходишь. А на рынке можно что-то дельное ухватить — особенно если с ребятами на обратный путь договоримся, тогда и деньги, считай, есть.

— Ты и так на меня потратил...

— Маш, ну замолчи, а? Ты уже сколько раз спасла мою шкуру за эти два дня? Обувь — это минимальное, что я могу для тебя сделать...

Вот и УАЗ — точно, наш, с Базы. Интересно, кто и зачем приехал?

Дальше холла мы и не ушли. Стоило войти в коридор, как от дежурки крикнули:

— Волк! Ну ты молодец, мы уж думали, день прождать придётся.

Андрюха Семёнов, с которым мы катались в рейд два дня назад. А кажется, в прошлой жизни. И с ним...

— Здравствуйте, Сергей Михайлович.

Глава 24

Соколов. Вот так сюрприз! Одет всё в ту же потёртую кожаную куртку, разве что сейчас без арбалета — наверное, тоже сдал в дежурку.

Я одёрнул себя, едва успев подумать, что на ловца и зверь бежит. Крайняя пара дней практически полностью отучила верить в совпадения.

— Привет, тёзка. А ты какими судьбами?

— А я... — начал было Соколов, но Андрюха оборвал его довольно-таки бесцеремонно:

— Волк, ноги в руки — и на Базу. Вся Управа и Колледж на ушах стоят с твоим мертвяком, мы спецом за тобой приехали.

За мной. Специально. Прислали. Машину.

Офигеть.

Маша ошарашенно переводила взгляд то на Семёнова, то на колдуна, то на меня.

— Погоди, Андрюх... Как вы меня нашли вообще?

— Как, как, — пожал плечами водитель. — Сообщили, что ты В Гидрострое. В гостиницах тебя нет. Безопасники сказали, что звали тебя ночевать — ты не пришёл. В дежурке твой карабин — значит, точно сюда явишься. Вопрос — когда. Ну ты молодец, пришёл с утречка, — ухмыльнулся он. — Мы с шести утра здесь.

М-да, всё логично... Стоп. С шести утра? То есть, выехали они минимум в пять, а то и раньше, и в этой предрассветной мути ехали по Болоту? Значит, точно что-то серьёзное произошло... Плюс, колдун здесь. И не просто колдун! А тот, кого я за эти два дня вспоминал не раз.

— Давай, давай, давай, Волк! Бери карабин, в машину — и поехали!

— Так, Андрюх, не суетись, — прервал я Семёнова. — Сергей! Ну-ка скажи, почему послали именно тебя?

— Бурденко вызвал, — неуверенно сказал пацан. — Поднял меня в четыре часа утра, я четвертый день уже на казарменном, в Колледже. И сказал — ехать с водителем. Сказал сразу, что за вами.

— Это понятно! — Да ни фига не понятно, и про казарменное положение очень интересно — колдуны ж живут в городе, как все. — Он не уточнил, почему именно ты?

— Да нет... просто сказал — для тебя есть срочная работа...

«Для тебя». Точно, пацана прислали целенаправленно. Ладно, разберёмся — а пока надо пользоваться случаем. Жаль, Колян ушёл...

— Андрюха, давай в машину. Маша — ты тоже, само собой. Тёзка, сначала скатаемся в одно место.

Водитель попытался было протестовать, но я отмахнулся:

— Давай дело доделаем. Домой успеем, полчаса на скорость не влияет.

— Куда едем? — поинтересовался Семёнов, заведя УАЗ. Я сел рядом с ним, молодёжь разместилась на заднем сиденье.

— В гостиницу-эконом.

— Нафига? Забыл что?

— Не я забыл. Он, — ткнул я пальцем назад. — Двигай!

Когда мы затормозили напротив бывшей общаги, на площади уже вовсю собирался рынок. Эх, похоже, пролетели мы с обувью... Я обернулся к Соколову:

— В общем, тёзка. Сейчас заходим, я покажу, и смотри ауры. Внимательно смотри. Дело было вчера днём, но что-то могло сохраниться. Понял?

— Проверяли же уже со здешними?

— Проверяли. Я хочу, чтобы посмотрел именно ты.

— Почему?

— Студееееент... Ну-ка, опиши, что ты сейчас на нас видишь? — при Андрюхе неохота, но что делать, если Соколов тупит...

— Ваша аура искрит, как и тогда, — начал Сергей. — У девушки так же, как будто пылью серебристой обсыпано. У Андрея обыкновенная. Так всё правильно, вы же с ней из другого мира.

— Сергей, — я пытался говорить мягче, хотя внутри аж булькало. — Это не признак другого мира. В той колонне я был не единственным чужаком. Но увидел ты только меня. Ты видишь что-то, что не видят другие колдуны, понял? Давай, работай! Возможно, тебя Бурденко именно за этим и послал. И именно потому держал тебя безвылазно в Колледже, пока разбор идёт. Ты ж доложил после того рейда, что именно видел у меня?

— Доложил...

— Вот и славненько. Работаем, ребята! Андрюх, посиди в машине, мы быстро. — Я, подавая пример, вылез из машины, чуть не расхохотавшись от ошалелого лица Андрюхи. Одна лишь Маша выглядела уверенно — видимо, вспомнила наш вечерний разговор в вагоне. Наговорил я лишнего, да и чёрт с ним. Надо как-то подхлестнуть это дело.

На вахте гостиницы сидел уже другой — но тоже бугай. Привстал было, но я решил действовать внаглую:

— Патрульная служба, по поводу вчерашнего! Дверь починили?

— Нет ещё. Плотник будет к полудню.

— Хорошо... мы на пять минут.

И «сквозанул» к лестнице, Сергей и Маша — за мной. Верно говорят — наглость города берёт. Патрульной службе подчиняться вообще никто не обязан, она действует преимущественно за городом. Причем с Гидростроем вообще связана постольку-поскольку. Зато правду сказал.

— Вот, смотри, — показал я колдуну на дверь. — Этот номер. Проверь, видно ли что.

Вот так, без конкретики. Чувствую себя по-идиотски, чуть ли не как ведущим какого-нибудь шоу экстрасенсов... а что поделаешь.

Пацан сосредоточился... и вдруг сморщился:

— Тьфу ты, гадость какая-то... как будто чёрный дымок висит вдоль пола, и воняет.

Я повёл носом — не воняет, конечно. Это только колдун чувствует. Скорее всего он чует след мертвяка.

Соколов толкнул ногой дверь — та подалась. Сделал шаг в комнату, заслонился рукавом:

— Точно, воняет... по комнате...

— Сергей, а дверь? — спросила Маша. Молодой колдун нервно обернулся, словно видел Машу впервые:

— Сейчас... Похоже на «стук», который позволяет открывать замки, но... тут замок вообще вышибло. Я не знаю, что это. И тоже чёрная дымка, слабая уже.

Он торопливо выскочил в коридор, в котором оставались мы с Машей.

— Вот тут след, — задумчиво сказал пацан. — Снизу идёт...

На первом этаже, напротив закутка вахтёра, Соколова чуть не вывернуло — он закашлялся и пулей вылетел на улицу, провожаемый удивлённым взглядом бугая. Потом долго стоял, уперевшись руками в колени и пытаясь отдышаться. Когда распрямился — был бледен как простыня:

— Сергей Михалыч... Что это было?

— Раньше не видел такого? — ответил я вопросом на вопрос.

— Н-нет...

— И тут, на улице, не чувствуешь?

Парень поморщился, но, помолчав несколько секунд, помотал головой.

— Вот и никто не видел... И те колдуны, что проверяли это место до тебя — тоже. Просёк фишку? Садись, поехали. Прости, Маш — обещанный шопинг отменяется...

Видно было, что и Семёнова распирает от любопытства, но он сдерживается. Соколов, всё такой же бледный, залез на заднее сиденье рядом с Машей, которая смотрела на него очень заинтересованно.

Заехали в мэрию, забрали в дежурке мой СКС и арбалет Соколова. Семёнов, как оказалось, вообще без длинноствола — и как они на Болото выехали... Торопились, не иначе.

Уже когда мы тряслись по Речному проспекту в сторону КПП у Водоканала, колдун подал голос:

— Сергей Михалыч... Так всё-таки, что такое я видел?

— Просто Сергей, тёзка... Тебе Бурденко вообще вводных не дал?

— Нет. Задание было — просто найти вас и сопроводить в Вокзальный.

— Тему с мертвяком знаешь?

— Только по дороге от Андрея услышал.

М-да... Парня кинули непонятно куда. Причём кинул Бурденко. Интересно, что именно известно нашему дорогому ректору? Он однозначно знает, что Соколов видит не только обычные ауры, но и что-то ещё. Почему видит — вот вопрос... и не исключено, что ректор знает на него ответ.

— Так вот, тёзка... Походу кто-то научился поднимать мёртвое тело и делать из него ходячего мертвеца. Больше того — натравливать на людей. А то место, где тебя чуть не стошнило — там это, скорее

всего, и делалось. И, заметь, такая бурная реакция была только у тебя. Колдун безопасников почувствовал след колдовства, и только.

— Ошалеть история, — прокомментировал Семёнов, крутя руль, чтобы избежать совсем уж откровенных ям. — Волк, тебе везёт. То-то за тобой нас послали... Первоисточник. Теперь из Управы неделю не вылезешь, и колдуны будут мозг полоскать.

— А у меня ты что увидел, расскажи? — заинтересованно обернулась к Соколову Маша.

— Понимаете, у вас... — начал было колдун, но Маша бесцеремонно ткнула его кулаком в бок:

— На «ты» давай, мы не старые пердуны!

Ну обласкала Маша... Хотя, у меня после этой поездки седины явно прибавилось. Посмотрелся у Коляна дома в зеркало — слишком уж заметно, цитируя Соколова — словно серебристой пылью волосы обсыпало. Я хоть и не брюнет, но волосы у меня тёмные, седину хорошо видно.

Соколов почти один в один повторил Маше то, что говорил мне тогда, при приёмке бензовозов. Забавно... Парень явно видит какие-то другие ауры помимо обычных. Почему? Он скорее всего не знает сам, просто наверняка до поездки со мной этот вопрос не поднимался. Выходит, вдобавок у него повышенная чувствительность к той тёмной дряни, которой поднимали мертвеца — и, скорее всего, это два аспекта одного и того же умения. Или, скорее, свойства — вряд ли этому можно научиться, Колледж давно бы практиковал.

Что нам это даёт? Нам — особо ничего, кроме того, что Соколов подтвердил то, что говорил призрак в поезде. Что и требовалось доказать. Хотя остался и ещё один вопрос — наше с Машей «родство», но вот не уверен, что Соколов тут сможет помочь.

А если Маша — моя дочка из параллельного мира? Мысль была настолько интересной, что я даже обернулся, посмотрел на девушку. Нет, это отпадает — Маша о своём отце рассказывала, пусть и вскользь. Будь это я — она бы меня узнала. А так забавно — ни одной родной души, а тут нате — взрослая дочь...

Проехали КПП, где на нас толком и не взглянули — рутина. Машина продолжала трястись по бывшему проспекту, теперь уже вне стены.

Ладно, речь сейчас о Соколове. Суть в том, что он со своим умением-свойством автоматически становится особо ценным кадром. Видеть то, чего не видят другие — это дорогого стоит. Бурденко за него порвёт.

И мы переходим к следущему нюансу. Кто стоит за попыткой похищения меня? Бурденко? Но тогда он не послал бы своего орла за мной. Точнее, послал бы — но не этого юного новичка, пусть и с интересными свойствами, а прожжённого мордоворота лет тридцати с лишним, который прихлопнул бы и меня, и Андрюху где-нибудь на Болоте, не задавая лишних вопросов. Значит, либо не ректор, либо ректор слишком хитёр. Власов? Неприятный тип, но вряд ли пойдёт против Бурденко — потому что ректор, как-никак, самый опытный колдун. Да, он не умеет того, что умеет Соколов, но зато зачительно превосходит его и опытом, и влиянием в обществе.

Но есть один нюанс... Внезапно появившееся тёмное колдовство. Тот, кто его освоит, сможет заткнуть за пояс и Бурденко, и Власова, и ещё половину Колледжа — просто потому, что будет уметь то, что не умеют они. Поэтому Соколов нужен Бурденке как воздух — хотя бы для «раннего обнаружения».

Выстрела я даже не услышал. Андрюха как раз тормознул перед крупной колдобиной, выжал сцепление... Зыкнуло перед глазами, в лобовом стекле появилась дыра, сбоку брызнуло кровью, и водитель, качнувшись назад, повалился лицом на руль.

Глава 25

Мать вашу!

Судя по дыре, стреляли откуда-то спереди, чуть правее. Либо заброшенная трёхэтажка на противоположном конце промзоны, либо стрелок вообще на железнодорожной насыпи. Далеко, метров четыреста, а то и все шестьсот — значит, снайперка. Пуля пробила зачарованное стекло враз, и на таком расстоянии — то есть патрон мощный, наверняка 7.62×54. Что угодно — СВД, СВТ, да даже банальная трёхлинейка... Чёрт.

Это всё пронеслось в мозгу за секунду, а я уже держал руль — лишь бы в канаву не съехать, со стороны промзоны кювет знатный. Удалось — ногу с газа Андрюха снял, когда сцепление выжимал, но вот бросил его, конечно, резко — двигатель заглох почти сразу. А стрелок не дурак — выстрелил как раз когда машина замедлила ход.

Но такое никогда не делают в одиночку. Выстрелил он один раз — значит, либо и правда трёхлинейка, либо суть была в том, чтобы лишить нас водителя, а то и машины... Либо просто задержать.

Кто-то должен быть вблизи, на подхвате. И скорее всего в промзоне — слева река, до неё метров двести поля, густо заросшего кустами. Но смысл не в кустах — эта территория отлично просматривается с гидростанции, а тамошние ребята очень не любят, когда кто-то ныкается рядом с их ограждением. Валить, срочно валить из машины!

— Маша, тёзка, валим, к реке, быстро! — открыв дверцу, я вывалился из машины, стараясь как можно сильнее прижиматься к земле. Долбанулся изо всей силы коленом — да и ладно... Ребята молодцы — выкатились на дорогу молниеносно. Соколов — их-то учат, да и Маша умница. Впрочем, с кем поведёшься — так тебе и надо.

Так, спрятаться за машину — благо корпус у УАЗика высокий... Верхний этаж здания уже не видно — хоть какая-то, но гарантия. Лучше бы в кювет, но это слишком близко к промзоне, а метаться не стоит. Насыпь, на которой может быть стрелок, отсюда видно хорошо,

но теперь мы будем двигаться поперёк, а спасительные кусты — вот они, шагов тридцать.

— Тёзка, к кустам, пошёл!

Соколов рванул как хороший спринтер — грамотно, пригнувшись. Выстрела нет. Действительно хотели только остановить?

— Маша, бегом!

Сам я рванул третьим. Удалось — все встретились в полосе кустарника, тяжело дыша.

— Не стоим, ребята! За кусты, смотрим промзону!

Так. Уже легче. Время работает на нас — сегодня суббота, на дороге могут появиться машины. Более того — мы отлично видны с гидростанции, а у них посты, насколько я знаю, есть всегда — не исключено, что и сейчас они с интересом наблюдают за происходящим. Но вмешиваться вряд ли будут, скорее всего сообщат по телефону о перестрелке — и только.

Почему тихо? Стрелок отработал отлично, успех надо закреплять. Где те, кто должны были наброситься на остановившуюся машину? И, что немаловажно — кто они такие вообще? Изгои, как в прошлый раз? Может быть, стрелки хорошие среди них есть, сегодня суббота, мы едем со стороны рынка... но любой нормальный человек понимает, что со шмотом или деньгами люди поедут не утром, а вечером.

Или — я почувствовал, как взмокла спина — охотились целенаправленно на нас?

— Сергей Михалыч, ауру вижу! — оторвал меня от размышлений громкий шёпот Соколова.

— Где, тёзка?

— Вон там, то жёлтое здание... В окне сейчас мелькнула...

В окне. Ну да, ауры чётко привязаны к человеку, сквозь стену их не увидишь, как я понимаю — но они яркие для колдунов с их паранормальным зрением, а потому бросаются в глаза.

Жёлтое здание... мать вашу!

Приземистое полуразрушенное здание, когда-то выкрашенное в жёлтый цвет, а сейчас скорее уж серое и ободранное, стояло справа от дороги, на стороне промзоны. Бывшая баня, кажется. Но, так его за ногу, мы по всем правилам должны были рвануть именно к нему — оно укрыто от линии стрельбы, рядом с ним кювет, и машина встала чуть ли не напротив него!

И рванули бы, если бы не моя нелюбовь к промзоне после прошлого нападения. Любой нормальный человек именно туда бы и рванул. А я, сука, постоянно жду от промзоны подлянки — вплоть до того, что махнул укрываться в чистом поле, пусть и заросшем кустами!

— Следи, тёзка, следи... Движение видеть умеешь?

— Нет...

— Жаль. Маша, ложись. Не высовывайся, — я осёкся, увидев, что девчонка уже вынула наган. — Не вздумай стрелять! Есть шанс, что они нас потеряли...

Стрелок нас скорее всего не видит. И сейчас он либо «пасёт» нас, чтобы не дать уехать на машине, либо меняет позицию. Есть ли у него связь с теми, кто напротив нас, в бывшей бане? А в том, что они заодно, я уже почти не сомневался.

— Второго вижу, Сергей Михалыч, — прошептал Соколов. — Слева, у стены.

Этого и я уже увидел. Типичный изгой — одежда обтрёпана дальше некуда, небритый, загорелое лицо человека, проводящего на воздухе, что называется, «24 на 7». В руках видна двустволка. Осторожный — стоит, прижавшись к стене, высматривает... Хоть бы ребята мои не шевельнулись. Маша-то нет, а вот колдун... Хотя мы за кустами, оба в тёмном, до изгоя метров двести — не должен заметить.

Вопрос — сколько они смогут ждать? Но даже если они смогут ждать долго — это не дадут машины, которые рано или поздно пойдут на Гидрострой как раз по этой дороге.

А вон и одна из них — вдали, под мостом, появился грузовик. Приближается — обычный бортовой ЗИЛ, когда-то синий, сейчас выглядящий как лоскутое одеяло из-за многочисленных подкрасок. Борта традиционно для этих мест надставлены. Скорее всего, из деревни вниз по течению, на рынок едет.

Грузовик поравнялся с нашим УАЗиком, тормознул... и дал по газам так, словно за ним черти гонятся. Над дорогой повис клуб сизого дыма от плохо прогоревшего топлива.

Дым! Точно!

— Тёзка... Ты можешь поставить дымзавесу? — поинтересовался я шёпотом, не отрывая взгляда от загорелого у стены.

— Это, то есть, полосу густого дыма? — моментально понял меня парень. — Смогу.

— Так, чтобы она перекрыла вид на машину от моста — дотянешься?

— Ну да. Тут недалеко, и ста метров не будет.

— Так... От пуль защитить нас, конечно, не сможешь?

— Нет, — стараясь не шевелиться, покрутил головой Соколов. — Это вообще только старшие умеют. И то ненадолго.

— А дать дым, перемещающийся вместе с машиной?

— Это можно. Чуть сложнее, чем просто полосу.

— Времени много займёт?

— Если всё нормально — минута, две.

Вот так. Знать бы раньше — можно было бы даже остаться в машине... наверное. Учи матчасть смежников, Волк. Пригодится. А вообще — ситуация, конечно, критическая. Потому что непонятно — вдруг к изгоям подтянется кто-то на помощь? Может, и цель их — не пришлёпнуть, сунься мы в «баню», а как раз продержать нас в кустах как можно дольше? На нас ли работает время?

— Тогда давай так...

Маша слушала нас и чем дальше, тем больше на её лице читалось: «Ну вы и психи...»

Я не знаю, что подумал изгой, когда поперёк дороги стала подниматься стена клубящегося серого дыма, но мне было не по себе — и это при том, что я знал, откуда оно появилось. А они — нет.

Соколов был чуть левее меня — как он пояснил, ему надо иметь на нужное место линию видимости, а уж то, что её преграждают ветки — неважно. Это не огненный удар, который в виде шарика летит по прямой — это направление энергии в нужное место...

Выглядело жутковато и красиво — особенно при том, что дым иногда прошибало серебристыми маленькими молниями.

Изгои не выдержали — тот, что был у стены, откровенно высунулся, сделал какой-то жест, и из бани появился второй. Правда, оба держатся на корточках — прицельно почти не выстрелить, я не настолько снайпер, чтобы попасть в голову, а не в тело. Ну и ладно. Это вам первое действие...

Стена ещё поднималась, а паренёк уже перекатывал в руках яркий оранжевый шарик — точно такой, как я видел тогда со второго этажа заброшенного дома. Правда, сейчас я не отрывался от прицела — не

дай Бог кто из изгоев глянет в эту сторону, палить буду так, чтобы голову боялись поднять.

Соколов успел — готовя огненный удар, он уже переместился к краю кустов. В последний момент один из изгоев повернулся, увидел, вскрикнул — но пацан уже рухнул на землю, и секунды через две шарик рванул.

Так вот как эта зараза работает... Надо сказать, когда наблюдаешь со стороны — гораздо красивее, чем когда оно летит в тебя. А на болоте я вообще видел лишь вспышку в тумане.

Шарик со звуком глухого удара полыхнул ярким пламенем, площадью квадратов в девять, наверное — три на три метра. Раздались вопли, а мы уже неслись обратно к машине, укрытые полосой дыма от снайпера. Вон они, двое, корчатся, на одном горит одежда — две быстрых «двойки» из карабина, цацкаться я с ними не собираюсь.

— Тёзка, Маша, оттащите Андрюху с кресла, заберём с собой!

Вести машину придётся мне — Маша, даже если умеет водить, вряд ли справится с утяжелённым УАЗиком, Соколов со своей колдовской энергетикой с машиной не справится, она будет постоянно глохнуть. Блин, мы остаёмся без огневой мощи... Ладно, хоть так.

— Маша, если получится — заводи!

Быстро, по сторонам. Вроде только двое, больше не видно... Оба с двустволками — один с вертикалкой, второй с горизонталкой. Есть в бане третий?

По словам Соколова, стена дыма продержится минуты три. Он за это время должен сделать новую, «привязав» её к бамперу машины. Конечно, дым будет сдувать потоком воздуха, но брони один фиг нет. Возвращаться в Гидрострой — не вариант, застрянем надолго, особенно с разбором нападения. Так что будем прорываться к мосту под прикрытием «дымовой шашки». Тем более, если я что-то в этом понимаю, снайпер с позиции скорее всего снялся — дело сделано.

Подобрать ружья? Да хрен с ними, лучше смотреть внимательнее. Как там дела у ребят?

— Сергей Михалыч, готово!

Задом, задом, не оборачиваясь... Хотя вроде у бани всё чисто. Машина не заведена, Маша с растерянным видом на заднем сиденье, рядом с ней полулежит Андрюха, на куртке на груди растеклось тёмное пятно. Может, жив? — мелькнула мысль. Вряд ли... Соколов

сидит на переднем пассажирском, где-то на бампере начинает дымить — всё гуще.

— Я машину водить не умею, — пискнула девчонка.

Да и фиг с ним, заведу сам... Прыжком взлетел на переднее сиденье, привычно бросил СКС в держатель на передней панели напротив Соколова. Поворот ключа — двигатель фыркнул и заурчал. Хорошо, что машина служебная, ухоженная.

— Ну что, ребят, перекрестясь? — попытался улыбнуться я, но улыбка получилась кривой. Выжал сцепление, дёрнул передачу... — Держитесь!

УАЗ, набирая скорость, прорвал полосу дыма. Тот дым, что на бампере, раскочегаривался всё сильнее, воздухом его сносило назад, размазывало по лобовухе, но основная масса всё же укрывала машину справа серой пеленой. У нас около трёх минут, чтобы прорваться к мосту.

Вторая передача, третья... Скорость уже около сорока. Блин, видимость на дорогу тоже дымом перекрывает, справа вообще ни фига не видно...

Выстрел! Справа, судя по звуку. Свистнуло где-то позади машины. Пауза — второй выстрел, зыкнуло, такое ощущение, вообще над ухом. Скорее всего трёхлинейка, паузы между выстрелами. Справа — значит, палит с верхних этажей здания. Ну, ещё немного... стрелку, если он один, нужно будет перебежать на другую сторону дома, чтобы пальнуть нам вслед, а это быстро не сделать.

Ревя мотором, машина нырнула под путепровод моста. Неужто проскочили?

— Ребят, все целы?

Ветер переменился, машину накрыло вонючим серым куполом дыма, и я закашлялся. Сбросил скорость, чтобы не свалиться с дороги.

— Цела, — просипела Маша. Соколов ощупывал правое плечо.

— У тебя куртка сзади порвана, но крови нет, — сообщила ему девчонка.

М-да, хороший стрелок. Реально хороший, по невидимой движущейся цели умудрился почти попасть... но в нашем деле «почти» не считается. Хорошо, что у него была обычная магазинка, а не самозарядка!

— Щас сдохну, — прохрипел... Андрюха.

Твою мать!

Я обернулся — ну правильно, он полулежит чуть не на коленях у Маши, в руках у неё — пустая пробирка. Половину она тогда влила в меня — выходит, теперь и Андрюха её должник, половинки как раз хватило, как и мне после контузии — раз уж целая способна вернуть к жизни полутруп... Вот ведь девчонка, а? Люблю её и ненавижу одновременно.

— Уже не сдохнешь, не надейся, — не выдержал я. — Давай лежи, очухивайся, потом СКС возьмёшь...

Машина, дымя как паровоз остатками прогоревшей «шашки», неторопливо катила к повороту на мост. Похоже, прорвались.

Глава 26

— Волк, у тебя прям стильное мелирование, — заметила Маша, когда мы уже тряслись по мосту. «Шашка» почти прогорела, но пост у поворота к мосту смотрел на нас с откровенным удивлением.

Я не сразу понял, о чём она. Ну да, то же, о чём я думал практически только что — седина попёрла вовсю. Блин, одно серебро вокруг — воспоминания о той серебряной пуле, серебряный патрон для Маши, чёртов горшочек серебра, теперь вот серебро в волосах... Серебряная нынче осень выдалась. И, учитывая тенденцию — то ли ещё будет.

— Не завидуй, все там будем, — машинально то ли отшутился, то ли огрызнулся я. Немного подумав, добавил: — Маша, радость наша, а ты сама перекраситься не думала, пока тебя кто-нибудь сгоряча не пристрелил?

— Неа, — легкомысленно отозвалась девчонка. — Отрастут — тогда подумаю.

Не, не понять мне нынешнюю «тамошнюю» молодёжь. Вероятно, я этот, как он там называется... ретроград, во.

— Не надо перекрашивать, здорово смотрится, — сказал вдруг Соколов. Я от удивления аж повернулся — ух ты, а студент-то наш во все глаза на Машу смотрит... Таааак. Похоже, пропал паренёк. А вообще, если эти двое скорефанятся — чую, Вокзальный треснет... Понять бы ещё, что умеет Маша — кстати, Соколов-то об этом и понятия не имеет, — и как этим управлять?

На левобережном выезде с моста проторчали чуть дольше — в отличие от дозора на противоположном берегу, здесь заинтересовались Андрюхиной окровавленной курткой. Впрочем, без долгих разговоров обошлось — состав был уже не тот, что пропускал ребят на рассвете, но об УАЗике патруля по смене явно передали.

— Вы утром как проехали болото? — спросил я, меняясь местами с Андрюхой. Водитель заявил, что уже очухался и потребовал место за баранкой — дескать, там уютнее.

— Само болото — на скорости, — ответил Семёнов, разминая ладони. — В жилом районе было тихо, только в окнах пятиэтажки свет

видели.

Хм. Повезло. Вообще свет — это интересно. Неужто изгои настолько осмелели, что даже на Расстанке оседают? Но вообще, свет может быть от чего угодно. Хоть грибы какие завелись, хоть новая нечисть появилась. Вот этого не хотелось бы, дикой деревни под боком хватает.

— Ну давай по главной, — я привычно проверил СКС. — Тёзка, утром видел что?

— Я и света никакого не видел, — удивлённо протянул Соколов. — На Болоте туман висел, но проехали как-то...

— Ладно. Смотри ауры, как всегда...

На самом деле, как у колдунов работает обнаружение нечисти — понятия не имею. Ауры — они как-то более на слуху.

УАЗ миновал площадку у моста и на небольшой скорости пополз по дороге, разбитой бензовозами. Вообще, хоть сегодня и пасмурно, но достаточно тепло и сухо. А может, того дождя, что загнал нас с Машей в вагон, тут вообще не было... Природа пробоями покалечена неслабо, вот те же туманы на отдельных площадях — поди пойми, они вообще природные или их натаскивает оттуда же, откуда нечисть набегает? Да и о ливнях, которые пройдут по одну сторону реки, а другую и не заденут, тоже слышать доводилось.

Когда вывернули на главную, объехав ржавый парк аттракционов, навстречу попался УАЗ-«головастик». Тормознули, перекинулись парой слов — водила смутно знакомый, наверняка виделись мельком в Вокзальном. Он и его пассажир сказали, что на Болоте тихо. Повезло? Или затишье перед бурей? Вообще, хочется надеяться на лучшее — в конце концов, бывают же и спокойные периоды. Скорее всего, Расстанка оказалась заброшена не столько из-за Болота, сколько из-за отсутствия инфраструктуры — в конце концов, тут ничего и нет, кроме жилых домов и адинистративных зданий. Одна лишь котельная, ну школы ещё — но этого и в Вокзальном хватает.

Самое удивительное, что до Болота мы доехали абсолютно спокойно — ну, с поправкой на хреновую дорогу. А ещё удивительнее — моя многострадальная голова, которая обычно раскалывается в этих местах, вела себя очень прилично. Привыкаю, наверое — а скорее всего, после крайних трёх дней организм вышел на новую ступень просветления и уже не разменивается по пустякам.

Над Болотом висел туман. Ну да, как всегда — не такой густой и толстый слой, как четыре дня назад, но и не такой, как лежит по утрам в низинах. Проехали как по маслу — вот от чего зависит активность Болота? От фазы Луны? Как я понимаю, исследоваельский отдел за прошедшие годы голову сломал. Впрочем, нам это сейчас только на руку — и без того приключений хватило.

Так что, когда из тумана выступили обветшалые деревянные дома на подходах к стене Вокзального — все вздохнули с облегчением.

Перед воротами уже стоял конвой — два ЗиЛка, «буханка» и «жигули», кустарно поставленные на большие колёса. Явно на рынок собрались — народу много. Сегодня грех и не съездить, учитывая затишье. Редко затишье совпадает с субботой, примерно раз в месяц, вряд ли чаще.

Сообщили на головную машину, что нас обстреляли в районе промзоны, и въехали в шлюз.

— Андрюх, каке у вас цэ-у? — Спросил я, когда мы наконец оказались внутри стен. — На Базу?

— Не, в Управу, всем вместе, — сообщил Семёнов. — Там у них все заседают со вчерашнего дня.

— И колдуны?

— Власов точно там был.

Хм, дело действительно закипело, раз уж первый зам лично припёрся в Управу. Обычно «смежники» не жалуют городское руководство — кого-то помимо дежурных колдунов туда калачом не заманишь.

— Ну давай к Управе. Только Машу высадим.

— Не, ни фига, — отреагировал Семёнов ещё до возмущённого взгляда Маши. — Сказали — везти всех причастных.

— Ладно, валяй.

Перед Управой мы затормозили ровно в два. Надо же, ещё такая рань, а кажется, что мы с Коляном в Анклав ходили чуть не на той неделе...

Я на секунду задержался перед входом и шепнул Соколову:

— Тёзка... Огромная просьба — говори только то, о чём тебя спросят. Лады?

— Ну... хорошо. А почему? — парень явно смутился. Вроде и со мной сегодня воевал бок о бок, вроде и начальство у него своё.

— Я тебе прямо скажу — меня скорее всего хотят грохнуть. Я не знаю, кто. Но предполагаю, что он в Вокзальном... Смотри сам, я тебя просто прошу.

Надеюсь на парня. Интересно, только Бурденко знает о его способностях, или Власов тоже? Должен бы, первый зам, как-никак. А вот и увидим — в общем-то, я именно для этого и попросил Соколова помалкивать.

Народ собрался в помещении на втором этаже, которое громко именовалось «залом заседаний», хотя явно это когда-то была аудитория, оставшаяся не «порезанной» перегородками на кабинеты. Было на удивление не накурено — а вот это явно заслуга Власова, он наверняка высказал своё «фи» по этому поводу, кого иного вряд ли послушали бы. Во все предыдущие разы курили в этом зале чуть не все присутствовавшие — правда, я на такие сборища попадал всего трижды, при авралах.

Из знакомых увидел Большакова, Каращука, Шнайдера, который встречал Машу — видимо, дежурные колдуны тут тоже пашут сутки через трое. Двое из Совета — Григорьев и Дунаева. Вон и Власов — рослый, уверенный в себе, с короткой стрижкой, на пальцах видны массивные перстни — не исключено, что заряженные какими-нибудь колдовскими свойствами. По меркам колдунов немолодой — ему за тридцатник. Арбалета или жезла с собой нет, только устрашающего вида кинжал на поясе. Двое с ним рядом, судя по сосредоточенным лицам — тоже из Колледжа. Петрович, фамилию не знаю, из исследовательского отдела, и ещё один — судя по очкам и залысинам, оттуда же. Длинный стол, за которым скорее всего обычно проводятся планёрки, завален бумагами.

Нас взяли в оборот моментально — причём первым делом внимание привлекла Андрюхина куртка с кровавым пятном на половину груди. Пришлось рассказывать и о засаде, и о дымовухе, и о двух подпалённых изгоях. Раскололись и про Машину пробирку — а как не расколешься при таком количестве колдунов... Каращук продемонстрировал классический фейспалм — ну да, он-то не знает, куда и при каких обстоятельствах ушла первая половина дозы зелья, про неё никто не спрашивал — и ни Маша, ни я не рассказали, конечно. Но на лице безопасника явно читалось что-то на тему бестолковой молодёжи. Власов, напротив, явно оказался доволен,

когда Соколов отчитывался о действиях в промзоне — ещё бы, тёзка же из тех, кто висит на доске почёта...

Вопрос о том, как мы с Машей оказались в Гидрострое, никто не поднимал. В конце концов, у неё стандартный отпуск перед практикой, у меня выходные... А вот про зомби расспрашивали очень подробно. Конечно, такой паники, как описал Андрюха тогда, в «мэрии», не было и в помине, но исследовательский отдел возбудился не на шутку. Колдуны, судя по лицам, тоже — ещё бы, совершенно новый и неизвестный вид колдовства!

Про то, что все вместе заезжали в бывшую общагу, мы умолчали. Ну Андрюха туда и не заходил, Маша промолчала — понятно, но ведь и Соколов не ляпнул ничего! Молодец парень.

Маше (точнее, мне) в итоге погрозили пальцем за наган в чужих руках, но я клятвенно пообещал, что перепишу его на Машу, а она пройдёт курсы стрельбы, и от нас отстали.

Но больше всего меня удивило то, что Власов, похоже, совершенно не в курсе о способностях Соколова! Ну а как ещё объяснить тот факт, что он даже не задавал наводящих вопросов? Да и расспросы зама в адрес тёзки касались именно маршрута. То есть, он даже не увидел, что Соколов что-то недоговаривает? Хотя, на эту тему я уже не раз размышлял — враньё обнаруживается влёгкую именно тогда, когда человек врёт в ответ на вопрос. Нет вопроса — нет и вранья.

Итак, что мы имеем?

Бурденко послал за мной именно Соколова, и это вряд ли совпадение. Власов, похоже, считает Соколова обычным колдуном — если, конечно, первый зам не шикарный актёр. Мораль? Скорее всего, тёзку Бурденко будет трясти сам, причём не здесь. Значит? Значит, его заинтересованность гораздо выше, чем заинтересованность Управы.

А не говорит ли это как раз о том, что именно из-за него все мои неприятности?

Вполне может быть. Но как проверить, при этом не подставляясь? А теперь добавим ещё и Машу — через меня Бурденко выйдет на неё. А может, он уже о ней всё знает — где гарантия, что то, что Юрка кричал у церкви в «мобильник», не было передано ректору? Добавим, что если Бурденко тряхнёт Соколова — тот расскажет о Машиной необычной ауре.

Блин. Засада...

Я продолжал отвечать на вопросы, хотя слушал вполуха — мысль в голове засела. Ну правда, не валить же из города! Да и куда? В Гидрострое нашли, и где подальше найдут, а тут вроде прижился уже.

Объявили перерыв, и я отошёл к окну. Голова гудела от переизбытка разговоров — всё же я больше тишину люблю.

Подошёл Большаков, опёрся руками на подоконник, глядя, как падают листья с деревьев напротив.

— Умеешь ты, Волк, вляпываться, — наконец сказал он. — Второй день из-за тебя на ногах.

— Я-то причём, Сан Трофимыч, — пожал я плечами. Подобные разговоры Большаков периодически вёл, причём всегда в этих случаях говорил именно «Волк».

— Да ты всегда не при чём, — ворчливо отмахнулся шеф. — Что ты, что твой приятель Дьяченко. Он вон тоже этот день закосил...

— А он-то что? — автоматически спросил я, и только потом до меня дошло.

Как сквозь вату я слышал голос Большакова:

— Так тоже, как и ты, просил поставить его в смену на день позже... Как раз перед твоим звонком и он звонил с южного КПП. Вы что, вместе вляпываетесь? Как по расписанию...

Глава 27

— Волков! Ты в обмороке, что ли?

Я тряхнул головой. Ну ни хрена ж себе...

Юрка жив. Значит, от бандитов он так или иначе ушёл. И мало того — припёрся в Вокзальный!

А впрочем, что не так? Нас с Машей он оставил «на растерзание» ударной группе из трёх человек. Была ли у него связь с кем-то ещё? Неизвестно. Вероятность того, что мы оттуда выберемся — ноль целых хрен десятых, о пробирках он не знал, да и не мог знать. Связаны ли с ним ликвидаторы из Гидростроя? Опять же, не факт. А Юрка, кто бы он ни был на самом деле, сидит на достаточно тёплом месте. Бросать такое местечко — грех.

Вот к кому мне сейчас надо. Вот с кем необходимо побеседовать.

Но, опять же, засада. Один раз он меня уже вырубил, так что идти одному — чревато. Нужно...

— Волк, твою мать, я со стеной разговариваю?

— Извините, Сан Трофимыч. Голова едет. А Юрец говорил, где он будет?

— Так дома, наверное, — пожал плечами шеф. — Сказал, что отлежаться надо.

Нужен не только помощник, но и свидетель. Причём солидный. И Большаков годится просто отлично.

Вопрос лишь один — раскрывать мою проблему или нет? А смысл в том, что если раскрывать, то именно сейчас. Когда я в центре внимания и вокруг уйма начальства. Даже если предположить, что среди них есть злопыхатель, в чём лично я бы усомнился — в курсе будет огромное количество народа, и втихаря убрать меня будет уже сложновато.

— Александр Трофимович... — я специально говорил чётко и ясно. Махнул Маше, подзывая. — А если я скажу, что мы были за городом вдвоём с Дьяченко и он пытался меня убить?

— Волков, я сам периодически хочу тебя убить... — вздохнул Большаков. Взбил рукой коротко стриженые волосы. — Что у вас там произошло?

— Мародёрский рейд. В Волково. Там он меня оглушил и сбежал. Потом приехали трое. Мы с Марией отбились, — я сделал паузу. — Они приехали на машине, которая раньше принадлежала нашему ходячему трупу. Я уже пробил через Гидростроевскую мэрию.

Глаза Большакова, поначалу безразличные, стали злыми.

— Так фигли ты тут лапшу всем вешаешь, если у тебя ещё информация есть? Дьяченко сюда давай, рысью! — и, уже немного спокойнее: — Волк, мне насрать, что у вас там произошло, но сука ходячий мертвец — это серьёзно! С остальным будем разбираться потом.

Мы не сразу заметили, что гомон в зале стих.

— Машина этого мертвяка? — заинтересованно протянул Каращук. — Почему раньше не сказал?

— Сам хотел разобраться, — буркнул я.

— Разобрались, — съязвил кто-то.

Растолкав пару человек, к нам вышел Власов:

— Где этого Дьяченко найти — кто знает?

— Волк вон знает, — кивнул на меня Большаков, как отмахнулся.

— Колтырин, Соколов, со мной, — отчеканил Власов. — Волков, за руль сядешь?

— Сядет, — поморщился Трофимыч. — Вчетвером справитесь?

Власов в ответ лишь хищно улыбнулся, развёл руки чуть в стороны, и между ними с треском проскочила ветвистая молния. Пахнуло озоном.

— Эй, а я? — удивлённо спросила Маша.

— Сиди здесь, — не без удовольствия сказал я. — Реально, Маруся, будь тут. Мы... справимся.

Сели в служебный УАЗ, на котором мы и приехали — Власов со мной рядом, тёзка и второй колдун, тоже совсем молодой — сзади. Арбалет, кстати, только у Соколова — но я-то уже знаю, что пацан и без него может доставить неприятности. На самом деле, ехать к Юрке с колдунами — вообще хороший расклад. Главное, чтобы среди них не оказалось шпиона Бурденки... но ковать железо надо, пока горячо, то есть вот-прям-щас.

— Куда едем? — поинтересовался Власов, держась за рукоять.

— Для начала к нему домой, на Коммунаров, — я вывернул со двора Управы. — Если его там нет — будем искать...

— Что у вас произошло-то?

— Сам не могу пока понять... Не договорили. Вот надеюсь сейчас побеседовать...

Я старался вести аккуратно, но нервишки давали себя знать — УАЗ то и дело кидало на колдобинах.

Ехать-то недалеко — поворот на Профсоюзную, потом на Коммунаров, потом во двор — чёрт с ней, с дорогой, но подъехать лучше так, чтобы Дьяченко, если он и правда там, не увидел нас из окна. У Юркиного дома сбросил газ, чтобы не реветь мотором.

На третий этаж... Сколько я здесь не был? Такое ощущение, что полгода.

Вот и Юркина дверь — ничуточки не изменилась, всё та же деревяшка с филенками, как и у меня. А я вдруг, стоя перед дверью, понял, что совершенно не знаю, что делать дальше. Сколько обыгрывал в голове встречу с бывшим другом — а вот теперь пустота.

— Погоди-ка, — шёпотом вдруг сказал Власов. — Стой как стоишь...

Он сложил ладони крестом, как при непрямом массаже сердца, сосредоточился — и я увидел, как воздух меж мной и дверью плывёт, колеблется. Почти сразу ощущение исчезло.

— Защита, если вдруг пальнёт, — пояснил колдун. — На всякий случай. Но ненадолго. Стучи, представься. Дальше наше дело. Если что не так — сразу всё поймём.

Соколов и второй молодой колдун встали слева от двери, Власов — справа, а я вдруг почувствовал себя голым.

— Стучи! — шёпотом прикрикнул замректора, сделав страшные глаза, и я стуканул в дверь — правда, не своим привычным стуком «для своих», а обыкновенно — тук, тук.

Молчание. Я постучал ещё раз — громче и настойчивее. Шаги!

— Кто там? — послышалось за дверью.

Юркин голос!

— Волк. Открывай, поговорить надо.

Голос не сел — надо же... видно, злости хватает.

За дверью охнули, и я рванул в сторону — видимо, рефлекс сработал. Почти сразу громыхнул выстрел — судя по звуку, двустволка. Крупная дробь пробила дверь, превратив её в решето, и застыла в воздухе сантиметрах в двадцати от неё, уже

деформированная — сработал власовский щит. Секунда — и со звуком осыпалась на бетонный пол.

Дальше всё происходило очень быстро. Власов изо всех сил саданул ногой по двери в районе замка — и та распахнулась. Всё же силища у этого здоровяка... Впрочем, и дверь треснула, попорченная дробью. Замректора ворвался в квартиру первым, послышались удары и злое «Я тебе, сука, в людей стрелять...»

Когда я вбежал внутрь, дело было по сути сделано — Юрка сжался, оттеснённый в центр комнаты, к столу, Власов стоял над ним, держа прикладом вперёд двустволку, видимо, вырванную у ОМОНовца из рук. Бывший приятель был в штанах и майке — точно в том же виде, как тогда, когда я к нему заходил три дня назад. Словно этих дней и не было.

Сзади шумно дышали молодые колдуны.

Я обернулся на мгновение — и увидел вытаращенные глаза тёзки. Парень испуган, однозначно! Что он такое увидел?

Власов возвышался над ОМОНовцем, как гора — тот будто стал меньше ростом. Повертел ружьё и с силой отшвырнул его в сторону, от Юрки подальше.

— Ну что, жопа с ушами, допрыгался? Стрелять в замректора Колледжа? Сопротивление при задержании?

— Я всё расскажу! — истерично завизжал Юрка, сжимаясь. — Всё расскажу!

Истерично... Так вот про что рассказывала Маша. Это...

— Расскажешь, сука, всё расскажешь! — Власов одной рукой сгрёб Юрку за грудки, а другой от души врезал ему в скулу. — Всё и до капельки!

Дьяченко, сломав стол, отлетел, на левой скуле темнел след от удара — перстни Власова сработали как хороший кастет. След темнел, чернел, расширялся... Юрка не заорал — заверещал.

Твою мать!

Тело бывшего приятеля чернело и рассыпалось, нарыв, идущий со щеки, сжирал тело вместе с одеждой. Секунда, две, три — и мы вчетвером ошалело смотрели на располовиненный стол, засыпанный серым прахом.

Власов застыл, словно соляной столб.

— Доппель, — прошептал он. — Настоящий...

Мне хотелось завыть. Наверное, волк где-то внутри у меня всё же есть, иначе откуда это поганое чувство!

Всё. Ниточка оборвана. Юрка он или кто, но он отправился в небытие — как и тот, в доме в Волково.

— Чччччто? — заикаясь, переспросил Соколов.

— Доппель. Доппельгангер. Двойник, — бесцветным голосом пояснил Власов. — Я про них только в отчётах читал, их живьём давным-давно не видели...

— Но... Сан Саныч, у него ж аура нормальная была, я видел, — пробормотал второй пацан — кажется, Колтырин.

А я смотрел в это время на Соколова. Парень открыл было рот...

Блин, так вот оно что! Соколов явно что-то увидел в Юркиной ауре, с его-то способностью! Я молча показал кулак — кажется, ни Власов, ни Колтырин этого не заметили, всё их внимание было устремлено на останки двойника. Соколов осёкся.

— А писали ведь, что доппель копирует человека полностью. Вплоть до знаний. Вплоть до ауры... — Власов тяжело вздохнул. Всплеснул руками, словно что-то с них отряхивая. — Это ж надо так, а... Кто ж знал...

Вот оно.

Рассказ Коляна.

Судя по всему, те ребята из гидростроевского патруля столкнулись как раз с двойником. И испугался он именно серебра — понимал, что это неминуемая смерть.

Стоп. Фигня. Юрка легко обращался с серебряными пулями, а нечисть корёжит от одного прикосновения к серебру.

Угу. Но есть два нюанса.

Во-первых, я не знаю, когда на место моего друга встал доппель. А во-вторых — оба раза, которые я видел своими глазами, доппель получил травму серебром. Может, серебро на них так действует, только если попадёт в кровь, или что там у них вместо неё... Даже — скорее всего именно так.

Надо было догадаться!

Да невозможно было догадаться...

Но теперь у меня есть свой счёт к тому, кто это затеял. За Юрку.

Власов подтащил стул, грузно опустился на него. Он словно сразу постарел.

— Соколов, давай на узел связи, вызывай бригаду, — распорядился он. — Ждём, мужики...

Тёзка умчался. Власов, помолчав, поднял на меня взгляд:

— Вот так, Волков... Бывает же такая ерунда... Что там у вас произошло?

— Потом расскажу, — отмахнулся я. — Не бередите душу, сейчас всё равно все набросятся.

— Да, крепко я лажанулся, — кивнул Власов. Сжав кулак, провёл пальцем по перстням. — Раз в кои-то веки решил простой силой справиться...

— Откуда они взялись, эти доппельгангеры?

— А кто знает! — развёл руками замректора. — Дело старое. Были, потом исчезли. Сейчас вот думаю — либо исчезли, либо воспользовались тем, что их не обнаружить. Мирно жили...

— А как они сами выглядят?

— Ты думаешь, я видел? — фыркнул Власов. — Читал только. Две руки, две ноги, голова, тело без волос...

Да, в принципе, совпадает с рассказанным Коляном.

— Ты, Волков, только не рассказывай об этом направо и налево, лады? — примирительно сказал здоровяк. — Нам только паники в городе не хватало. Пусть пока в верхушке останется. Сейчас у нас в Колледже пойдёт, будем искать способы поиска...

М-да, пожалуй, плюс Власова — говорит нормально. Не цедит через губу, как Бурденко. Как бы ещё Соколова выцепить без посторонних, чтобы расспросить. Но и так ясно, что увидел он там не обычную ауру.

— Испугался, Юр? — спросил замректора у пацана.

— Да, Сан Саныч, — признался Колтырин. — От неожиданности.

— Зря. Сами по себе они неопасны. Плохи не они, а те, кто может их использовать...

— А ружьё?

— Ну что ружьё... Ружьё у кого угодно в руках может оказаться.

Получается, вот как работает щит, о котором упоминал Соколов. Выходит, использовать подобное могут только мэтры типа Власова. И, скорее всего...

— А колдовской щит винтовочную пулю удержит? — поинтересовался я.

— Нет, — пожал плечами замректора. — Мощность слишком высокая. Пистолет, дробовик — удержит.

— Значит, если бы у него оказался карабин...

— Ну не оказался ведь, — ухмыльнулся колдун, и я вновь увидел обычного Власова — расчётливого и циничного.

Ну да. Чего и следовало ожидать. Опасный тип, однозначно.

Вернулся запыхавшийся Соколов, с порога выпалил: «Бригада сейчас будет». Замректора встал:

— Ребятки, давайте-ка в Управу. Волков, довези их, и заодно там всё расскажете. Я остаюсь с группой.

— Может, мы с вами? — попытался было я, но Власов сказал, как отрезал:

— Нечего вам тут делать. Всё, что найдём, будет в отчёте. Двигайте!

Ничего не оставалось, как топать к машине.

— Сергей Михалыч, отвезите меня к Колледжу, — сразу попросил Соколов, едва я завёл двигатель.

— Не в Управу? — удивился я.

— Да что там сейчас делать, — замялся пацан. — Вон, Юра всё расскажет, и вы тоже. А меня Павел Олегыч послал, мне перед ним и отчитаться бы надо...

Оп-па. Ну, я что-то похожее и предполагал... Вопрос лишь в том, на чьей стороне Бурденко? И второй вопрос — это Соколов проговорился сейчас, или он, наоборот, сказал именно то, что должен был?

— Поехали. Ты только, тёзка... смотри сам, береги себя, хорошо?

С каким бы удовольствием я не пустил бы Соколова к Бурденке! Но, увы, это не в моей власти.

Глава 28

Когда мы с Колтыриным вернулись, дурдом на совещании уже перешёл на новый уровень — ещё бы, нечисть в центре города... Всерьёз говорили о том, что Вокзальный надо закрывать на карантин, на повышенных тонах рассуждали, как распознавать нечисть, которая не выявляется по ауре, заговорили об усилении патрулей и тотальных проверках...

Вовремя сбежал Соколов. Чувствую, в Колледже сейчас тоже начнётся.

Власов, на вид усталый и разбитый, вернулся часа через два. Сообщил, что в доме Дьяченко не найдено ничего, что пролило бы свет на произошедшее. Вот, кстати, интересный момент: про датчики, которые были у фальшивого Юрки, тоже не сказал ни слова. Интересно, их стырили бандиты тогда, у Морозково, или они канули в небытие где-то ещё? Теперь, в общем-то, становится понятно, как двойнику удалось уйти от бандитов — со способностью превращения и изменения ауры он скорее всего мог перекинуться во что угодно ещё до того, как бандиты приблизились к съехавшей в заросли машине. Хоть в волка — а почему нет? А вот автомат бросил, да. И до города ему было добраться не так сложно — что нечисти другая нечисть?

Потом нас с Машей уволокли в исследовательский отдел, где и продержали чуть не до десяти вечера, наказав прийти ещё и в понедельник. Правда, там колдуны не присутствовали — этот отдел их недолюбливает, а потому мы, успев перекинуться парой слов, умолчали о подробностях боя в заброшенном доме. Если сейчас выяснится, что в этой истории замешаны уже два доппеля — точно у всех крышу снесёт. Про пробирки, конечно, рассказали, как и про нападение мозгоеда — а вот историю общения с призраком я благополучно оставил при себе.

В десять мы вернулись в «зал заседаний» — правда, предварительно заскочили в отдел оборота оружия. По субботам он не работает вообще, но в связи с ЧП половина Управы была на рабочих местах. Переписали наган на Машу, хоть дежурная и пыталась послать нас подальше.

Судя по отрывочным услышанным сведениям, Управа постановила довооружить все городские патрули посеребрёнными кинжалами, а в проверку подозрительных лиц включить укол таким кинжалом. Восторга идея не вызвала — многие считали, что это вызовет непонимание, — но её утвердили.

Самое поганое во всём этом — слухи по городу всё равно пойдут. М-да, круто мы замутили...

Большаков, уже больше похожий на обморок, сказал, что рабочую смену за сегодняшний день мне поставит, а потому я должен катиться с глаз долой на следующие трое суток, но из города без согласования крайне желательно не выезжать, даже в Гидрострой.

Потом я чуть не насильно оттащил упирающуюся Машу в общагу. Уж не знаю, что подействовало — моё красноречие, вооружённые дежурные на вахте, наличие в общаге тёплой воды или девушки, клятвенно пообещавшие, что с Машей всё будет нормально — но девчонка наконец согласилась, что стоит сделать передышку. Договорились, что в понедельник в 10 встречаемся в исследовательском отделе Управы.

Лишь выйдя на улицу, я вспомнил, что девчонка так и осталась без приличной одежды и обуви. Ладно, завтра решим — рынок у нас в Вокзальном собирается по воскресеньям, и, хоть и сильно уступает Гидростроевскому по размаху, отличается от него ассортиментом — в основном оттого, что из других деревень люди едут. В общем, кое-что найти можно.

По правде говоря, без девчонки я почувствовал себя одиноко. Сколько её не ругай, а прикипели друг к другу за эти три дня. Глянул на часы — одиннадцать. В принципе, в это время ночная жизнь в самом разгаре, суббота же — но не на улицах, а в кабаках. Денег, правда, с собой нет — мы ж прямо с колёс в Управу, домой я и не заходил. Сходить, что ли, в «Турист»? Там меня знают, накормят и напоят в долг, если что.

Не, ну его нафиг. Домой, ополоснуться под душем, съесть что-то несложное вроде яичницы, а то уже живот сводит, и спать. Спать!

От общаги до моего дома и полукилометра не будет. Всё рядом... Только пересечь жилую зону между Космонавтов и Кирова — две вереницы двухэтажных древних деревяшек и линию двухэтажных дровяных сараев меж ними, и вот он, мой двор. Я уже перешёл

пустынную Космонавтов, достал из сумки фонарик и собирался шагнуть в темноту — освещения на этой «сарайной полосе» не было никогда, — как виски стиснуло словно стальным обручем. Стиснуло — и отпустило, секунду длилось, не больше.

Я аж споткнулся, словно на стену налетел. Огляделся вокруг — темно, тихо, еле слышны отголоски музыки — скорее всего, из «Туриста».

В городе у меня такого с головой никогда не случалось — разве что рядом с Колледжем, из-за их энергетических полей.

А полей ли?

У меня с сосудами вроде как всё нормально, мигрени — это не моё. Врачи ещё «там» говорили, что здоров как бык. А потом — пробой сюда и боль в голове, постоянные боли на Болоте, и перед тем, как Маша появилась — если судить по времени, которое она назала... и я абсолютно как огурчик в этот раз, сегодня днём, когда на болоте тихо!

Твою ж мать.

А не может ли мой организм реагировать на пробои?

Как? Да хоть как, жопой об косяк. Я ж не знаю, как Маша умудряется становиться невидимой или смотреть на несколько секунд вперёд! В этом мире слишком многое встало с ног на голову, чтобы пытаться объяснить всё привычными мне законами природы...

Стараясь не шуметь и не делать резких движений, я перекинул карабин через плечо и вытащил ТТ, дослал патрон с серебряной пулей. Никогда не хожу с ТТ по городу — незачем, разве что с работы и на работу, но вот сейчас почувствовал себя намного увереннее. Фонарик показался спасительным.

Что дальше? Меж домами я теперь не пойду однозначно — лучше сделаю крюк по Чапаева. Вопрос всего один — реально что-то происходит или мне мерещится после всего произошедшего?

Буду параноиком. Лучше перебдеть, чем недобдеть, никогда не устану это повторять. Конечно, если встречу патруль — нарвусь на неприятности, потому что с пистолетом наголо, но... это меньшая из проблем. Я б вообще обнялся бы с патрулём, встреть я их сейчас.

Я тихонько двинулся вдоль домов в сторону Чапаева — Космонавтов улица центральная и худо-бедно освещена. Правда, именно что «худо-бедно» — не знаю, на каком расстоянии тут стояли

уличные фонари в лучшие времена, а сейчас хорошо если один на сто метров.

Тихо, темно — ну в этом есть плюс, любой звук хорошо слышно. Наверное, днём, за фоновым шумом, я не обратил бы внимания, а сейчас мало того что тихо, так ещё и я на взводе, хоть и устал как лошадь....

Шх-шх-шх-шх-шхххххх...

Звук очень тихий и ни на что не похожий. Глаза уже привыкли к полумраку, и я покрылся мурашками, уловив взглядом движение на неосвещённом торце очередной из деревянных двухэтажек — причём почти под коньком, на уровне чердака. Словно часть стены в темноте шевелится. Это не глюк точно...

Пальнуть? Знали б вы, как хочется!

Нет, сначала фонарик.

А если это стрелок в слуховом окне? Волк, решай давай.

Нет, для стрелка я как на ладони и без того, всё же более-менее на свету стою. Да ну, какой нафиг стрелок? И правда паранойя...

Я включил фонарик, поводил неярким лучом — у меня ничуть не прожектор, так, карманный вариант, подсветить что-нибудь вблизи. Но стоило поднять луч, как от стены отделилось нечто и рвануло на меня. Свет фонарика выхватил что-то лохматое с крыльями, похожее на мотылька, но огромных размеров — полметра в поперечнике, а то и больше.

Шх-шх-шх-шх!

Взмахи крыльев, вот это что!

Я выстрелил дважды — не знаю, свет ослепил «мотылька» или он, наоборот, и летел к свету моего фонарика, но двигался он по прямой, а потому первая же пуля попала в цель. Тварь отбросило, луч моего фонарика метнулся, но я уже видел, что пуля практически разорвала «мотылька» пополам.

Сука, вот что это было? Никогда подобного не видел, да ещё и в городе!

Он один?

Я крутанулся вокруг своей оси, луч фонарика описал дугу — и на меня рванули сразу две тени. Я выстрелил навскидку раз, другой, промазал, ещё раз промазал — твари летели с разных направлений, попал, опять промазал... Вторую тварь снял лишь последним

выстрелом, затвор встал на задержку. Ё-моё, никогда столько серебра зараз не улетало. Серебряная, мать её, осень.

Фонарик!

Прижавшись спиной к стене дома прямо под чьими-то окнами (зарешёченными, конечно), чтобы ограничить сектор, я выключил свет. Блин. А напали бы они, не включи я фонарик? Фиг знает. И что это такое вообще? Ни разу не встречал и даже не слышал.

Наощупь вытащил из ТТ магазин, вставил новый. А вообще, почему я схватился именно за ТТ с серебром? Рефлекс, наверное: где пробой, там и нечисть. Хотя... не всегда. Может, и зря я восемь патронов извёл, причём половину впустую. А ведь я пошёл бы через полосу темноты, подсвечивая фонариком, и ствол бы точно не вынимал — всегда так хожу. Если бы не этот внезапный приступ головной боли.

Но вот зуб даю — пробой, реально пробой. Ни одна непонятная тварь не может появиться внезапно, её первый же патруль заметит по ауре — как тогда на болоте Соколов влёт обнаружил ауру зверя. Посветить бы, посмотреть, что это такое было... Интересно, остались ещё? Тихо, шелеста крыльев не слышно. И на уличный фонарь ничего не летит. Почему?

А вон видно в скупом свете уличных фонарей — бегут по улице со стороны Профсоюзной: патруль, однозначно, трое, подсвечивают фонариком, луч света прыгает. На выстрелы, конечно же. Ребята, как я рад вас видеть, кто б знал!

— Ребята, осторожно, тут какие-то твари! — заорал я, ничуть не заботясь о том, что демаскирован. В конце концов, нас уже четверо.

Шх-шх-шх-шх!

Мотылёк спикировал на того, что с фонариком, откуда-то сверху — похоже, из кроны дерева. Вот оно что — они, заразы, похоже, летят на движущийся источник света! Уличный фонарь тоже в поле зрения, но тварь на него не среагировала. Значит — точно хищники, или, точнее, охотники. Патрульный среагировать не успел — тварь вцепилась в него, приподняла в воздух на добрый метр и бросила. Второй открыл огонь из пистолета — мимо. Нет, не мимо — вон видно, как тварь дёрнулась, но продолжила кружить. Ах ты ж, так на них реально только серебро действует?

— Мужики, это нечисть! — я отлип от стены дома и, не включая фонарика, рванул навстречу патрулю, чтобы сократить расстояние до твари — иначе всё в молоко уйдёт. Ага, отреагировали или сообразили — с негромким хлопком колдун повесил над землёй «люстру», шар не сильно яркого, но всё же света, диаметром метра четыре, и пойманная в шаре тварь заметалась.

Ещё два выстрела, звук уже другой, значит, сменили оружие — и мотылёк кувырком полетел вниз.

Я остановился, тяжело дыша.

— Цел? — спросил колдун, разминая руки.

— Цел... Вы как?

— Нормально, — а голос-то женский. Над тем, которого бросила тварь, склонилась женщина — стрижена коротко, сразу и в глаза не бросается. Помогла упавшему подняться. — Маршев, какого фига? Ауры кто смотреть будет?

— Да не видно было ауры, Елена Санна, — развёл руками колдун. — Я ж смотрел, как всегда. Только вблизи проявилась.

— Глаза разуй, — буркнула женщина беззлобно, но явно неодобрительно. — В следующий раз тебя с фонарём пустим... Сейчас что?

— Других не вижу.

— На меня три напали. Хорошо, пистолет с собой был с серебром, — отдышавшись, вставил я. — Летели на фонарик.

— Охренеть просто, — покачала головой женщина. Явно старшая патруля — на вид моего возраста, крепко сложенная, выше меня ростом, незнакомая — впрочем, я большинство городских патрульных и не знаю, они к милиции относятся, а не к нашей Базе. — Судя по инструктажам, ночные охотники. Реально нечисть. Откуда они в городе?

Вопрос был явно риторическим, и я промолчал, хотя варианты ответа у меня были. Тушку «мотылька» можно было рассмотреть, пока висела «люстра» — пухлое вытянутое тело, покрытое серым мехом, белёсо-зеленоватые глаза навыкате, пасть с мелкими острыми зубами, усики-антенны, прозрачные крылья размахом почти под метр (ого!). Всё в нарывах — серебром досталось.

Проверив документы и записав мои данные, старшая достала рацию и вызвала наряд.

— Дойдёшь, куда шёл? — поинтересовалась она.

— Стрёмно, — честно признался я. — Хотя мне на Кирова.

— Чуток не дошёл, — констатировала женщина. Осмотрела меня с ног до головы, задержав взгляд на СКС. — И вооружён до зубов.

— Из рейда, — пояснил я. — В Управе задержался.

— Ищенко, проводи его, заодно очухаешься, — распорядилась старшая. — Потом пулей сюда.

До дома дошли без приключений, и почему-то я не удивился — но выдохнул, лишь закрыв и заперев дверь. Потом, подумав, подпёр её табуретом — не ахти какая защита, детский сад, но даст дополнительный шум, если что. И да, нужно будет подумать всерьёз об «охранном круге» — именно для таких вот случаев.

Если, конечно, против меня работает не Колледж...

Глава 29

Есть практически расхотелось, так что, ополоснувшись под холодным душем, я соорудил лишь пару бутербродов и согрел чайник. Сидел на кухне, жевал и думал.

Это не совпадение. Слишком много для совпадений. Меня пытаются похитить или убить, причём вне города, зомби врывается ко мне в комнату, засада на дороге, случайный пробой с нечистью в центре города на моём пути... Не бывает таких совпадений.

А за день до всего этого меня вызывает к себе Бурденко, с которым до этого я пересекался лишь мельком. Тоже совпадение? Сейчас, анализируя происходящее, предполагаю, что ректор хотел на меня взглянуть сам. Возможно — как раз для того, чтобы оценить мою ауру.

Видимо, Соколов увидел тогда, в первый день знакомства, как раз то, как моя аура отреагировала на открывшийся пробой — возможно, тот самый, что пропустил сюда Машу. А ведь аура — штука хитрая, как я понимаю, и при тщательном её анализе можно скорее всего найти уйму интересного.

То есть...

То есть, мы получаем возможность отслеживать пробои. И та мысль, что периодически приходит в голову — что невозможно знать, где и когда откроется очередной пробой — уже не кажется несомненной истиной...

Или у меня фантазия разыгралась?

Но вопрос очень серьёзный. И именно в него упирается следующий — кому это нужно? Потому что после него идёт очередной — кто по ту сторону тьмы? Кто играет против меня? Колледж? Управа? Гидрострой? Местный «неформальный актив»? Вообще кто-то со стороны? Говоря проще — на кого можно положиться?

Да на себя, Волк, на себя. А ещё на Машу. Ну, на Коляна Ильина. На Соколова — и то нельзя, скорее всего он работает на Бурденко... Может, Власов? Нет, не стоит — он не задумываясь подставил меня у Юркиной двери. Трофимыч? Ну, может быть, но он должностное лицо

и ему не до заморочек с подчинёнными. И вообще — я доверял Юрке, а он оказался доппелем.

Короче, человек человеку — волк. Пора бы уже привыкнуть...

Крутилась в голове ещё какая-то мысль, но, видимо, сказывалась усталость — ухватить её я так и не смог. Так ни к чему и не придя, завалился спать, и, несмотря на то, что спал нервно, проснулся почти в 10 и вполне отдохнувшим.

Зато утром, уже жуя яичницу с колбасой, вдруг понял то, что не мог сообразить вчера. Если предположить, что это не совпадение и все покушения были именно на меня, то дома и, например, на Базе можно чувствовать себя более-менее в безопасности: и в гостинице, и в промзоне, и вчера вечером меня хотели грохнуть так, чтобы это никак не связывалось персонально со мной. Ходячий мертвец? Мог влезть в любой номер (опустим тему выбитого замка, хотя и грабитель, предположительно использовавший зомби, мог не знать, кто именно в номере). Обстрел? Изгои. Ночной инцидент? Случайный пробой... Мой противник, кто бы он ни был, после осечки в Волково никоим образом не хочет, чтобы его связали со мной. Вопрос — почему?

Возможно — потому, что это слишком явно выведет на него самого. Или... или слишком явно укажет ещё на что-то.

А вот если предположить, что «чувство пробоев» — не мои домыслы, а реальность... тогда почему бы и нет? Хотели втёмную похитить меня для каких-то экспериментов? Вполне может быть. Не удалось, поднялся шум — хотят ликвидировать, не привлекая чрезмерного внимания. Правда, поздно — уже привлекли.

Но зачем Бурденке такие хитросплетения? Предложи он сотрудничество — я бы скорее всего согласился. Но сотрудничество — это официоз, который надо пропускать через Большакова и, возможно, через Управу. Может Бурденко работать сам на себя? Однозначно да, он и так работает только на себя. Но он лицо известное, постоянно на виду — ему слишком уж легко спалиться.

Или в центре всего этого вообще не Бурденко.

М-да. Чёрт ногу сломит. Надо отвлечься, а то рехнусь. На рынок сходить, что ли, пока погода приличная? По времени — в самый раз.

Старомодный градусник за окном — вероятно, оставшийся ещё с 83-го года — показывал всего пять градусов. Прохладно для середины сентября... Впрочем, солнечно и сухо, так что прогуляться можно. Тем

более, надо бы серебряных пуль прикупить — слишком уж я вчера потратился.

Собираясь, взял с собой, помимо традиционного кольта, и «серебряный» ТТ. Ну его нафиг, бережёного Бог бережёт... даже днём.

Рынок располагался сразу за Колледжем, вытянувшись вдоль Советской напротив стадиона. Скорее всего, он тоже был довоенным, причём специально выстроенным — очень уж характерный кирпичный зал-павильон, так и напрашиваются внутри длинные столы с разложенным колхозным мясом и овощами-фруктами... Сейчас тут именно это и творилось, территория вокруг была заставлена прилавками и машинами — конечно, не настолько, как я привык «у себя», но всё равно немало. Везли на рынок в основном то же самое — мясо, овощи, ну и продукцию частников — куртки, кожаные изделия, обувь... Само собой, дешёвого барахла почти нет — ибо нет китайских товаров. В основном всё сделано на совесть. В Гидрострое рынок вдвое больше из-за выхода на другие территории — через Болото торговцы хоть и ездят, но редко. В основном на рынках что тут, что там собираются те, кому не надо проезжать «аномальные зоны».

Производство патронов в Вокзальном своё, у оружейников есть свой «офис» в помещении рынка — разумеется, солидный, с отдельным входом, обвешанный колдовскими оберегами-антивзломами, и работает всю неделю — но самая бойкая торговля идёт, конечно, по воскресеньям. Иногда люди сдают оружие, так что периодически проскальзывает что-нибудь новенькое. Мне так-то ничего не надо, но посмотреть интересно — иногда появляются интересные экземпляры.

В этот раз «хитом сезона» оказались два пистолета-пулемёта — на стене за спиной продавца, Лёхи Марышева, гордо висели МП-40 и ППС. Стоили оба как чугунный мост — хотя, если разобраться, штука универсальная, под пистолетный патрон, значит — можно заряжать и серебром. Если, конечно, денег навалом — на деле лично я ни разу не слышал, чтобы кто-то покупал патроны с серебряными пулями под автоматику. Особенно под такую, в которой нет режима одиночного огня. А вот под длинноствол серебряных патронов не делают в принципе — только те казённые под СКС, номерные, что мы получаем на Базе. Даже тыренными никто не приторговывает — по вполне понятной причине.

— Привет, Лёш. Дай серебряных 7.62×25 на пару магазинов.

— Магазинов под ППС? — ехидно уточнил Лёха, мотнув головой назад, в сторону вывешенных на стенке стволов.

— Я что, мажор? На ТТшные, конечно.

Марышев открыл сейф, достал коробку и, отсчитывая патроны, уточнил:

— С сегодняшнего дня подорожали на 10 процентов.

На десять процентов? Сильно.

— С фига ли?

— Ходит слух, что нечисть в городе появилась.

Вот и нате. Интересно, утечка из Управы, про доппелей, или от городского патруля, про мотыльков? Да без разницы, важно то, что цены на серебро сейчас рванут вверх.

Я мысленно прикинул наличие денег при себе, время до выплаты зарплаты... Прослезился.

— Тогда давай ещё столько же.

— Выбор профессионала, — деловито кивнул Лёха, продолжая выставлять на стол блестящие «бутылочки». — Предполагаю, что к следующим выходным могут взлететь на все 50 от вчерашнего.

Издевается, зараза... Хотя на деле — просто предупреждает, конечно. Я к нему часто захаживаю, с нашими-то выездами. База обеспечивает патронами только казённые стволы, за использование своих просто даёт кое-какую компенсацию, так что патроны каждый покупает сам, кроме разве что пулемётчиков.

— Серебряная осень, — пробормотал я сквозь зубы, убирая патроны в прихваченную из дома коробку.

— Ага, — легко согласился Марышев. — Ты, кстати, сегодня не первый за серебром. Человек пять уже было с утра, выгребают и под ТТ, и парабеллум.

Я решил попытаться:

— А откуда слухи?

— Ну сегодняшний ажиотажный спрос лучше любых слухов, — разочаровал меня Лёха. — Из Охотников заходил человек, из милиции, с вашей базы был...

Ну да, неясно, откуда... Хуже то, что подобный слух разносится со скоростью лесного пожара, а так и до паники недалеко.

Что-то ещё... А, вот!

— А под наган серебряные так и не освоили?

— Нет, — помотал головой Лёха. — Ребята сказали, сборка нестабильная получается почему-то. Тебе-то зачем, у тебя ТТ есть.

— Знакомый интересовался... Ну ладно, бывай.

Я вышел под нежаркое осеннее солнышко. Похолодало, правда что — так и до заморозков недалеко. Пахло дымком, шашлыком и вообще едой — от многочисленных лотков, а может, от «Зеркал», рыночной кафешки, обычно плотно оккупированной Колледжем. Эх, сегодня бы самому выбраться на шашлычок... но к такому надо заранее готовиться, а у меня не вышло со всем этим дурдомом. И Машу опять подставил, второй раз уже — надо было зайти за ней да побродить, поискать обувь. Но теперь поздно — потратил почти всё, по крайней мере из того, что было с собой. Хотя, на перекусить-то хватит.

Я шёл вдоль рядов и почему-то почти не удивился, увидев Машу. Удивился скорее оттого, что она была с Андрюхой Семёновым и... с Соколовым. Маша была уже в новых ботинках, и парни, судя по всему, отчаянно пытались торговаться за утеплённую осеннюю куртку с капюшоном, которая уже была на Маше — штуку откровенно армейского пошива, но, по моему (и не только моему) опыту, весьма практичную. Я не приближался, наблюдая, и увидел, как продавец, полноватый и лысоватый дядька, сдался и, кивнув, взял у Соколова деньги.

Ну вот — я опять опоздал. Ну ладно Андрюха — он жив благодаря Маше (я, кстати, тоже), а Соколов-то с чего? Впрочем, вспоминая, как он смотрел на девчонку тогда, на мосту — тут явно не праздный интерес.

— Привет, братцы кролики. Гуляете от рубля и выше? — поинтересовался я, подходя.

— Ну от тебя ж не дождёшься, — съязвила девчонка. — Ты больше жизни спасаешь, а не бедную девушку от холода.

На да, Марусе палец в рот не клади — откусит по самое плечо.

— Можно поздравить с обновками? — не повёлся я.

— Ага, — Маша, разведя руки, крутанулась на каблуке. Куртка и ботинки и правда сидели как на неё шитые — такое иногда можно подобрать не под заказ. Шмот, конечно, не «девочковый», но зато практичный, ну а «танцевальное» со временем тоже подберёт. — Спасибо ребятам!

Семёнов и бровью не повёл, а вот молодой колдун аж запунцовел. Вот как к нему относиться, а? Откровенно же шпион Бурденки, а смущается, как мальчишка — такое сыграть нереально.

— Андрей ко мне прямо в общагу с утра пришёл и потащил на рынок, — продолжала Маша. — А тут и Серёжу встретили.

Во, он уже «Серёжа». Прогресс! Ребята вовсю действуют, пока я рефлексирую после вчерашнего... Рассказать им про ночное нападение? Да ну. Опять же, будет выглядеть, будто оправдываюсь, а я этого не люблю.

— Какие планы? — спросил я вместо этого.

— Серёжа меня в кафе пригласил, — отчиталась Маша. Опять было ощущение, что она вот-вот покажет язык.

— Я ещё по рынку поболтаюсь, — сообщил Семёнов.

Ну вот, я опять побоку. Третий лишний, чо уж там. Впрочем, не скажу, что сильно расстроюсь по этому поводу — пойду домой, спокойно почищу стволы, поем и, пожалуй что, буду отсыпаться.

Попрощавшись, я ушёл.

Глава 30

Поспать не удалось.

Только я не торопясь вычистил СКС и пистолеты, собрал принадлежности и уже раздумывал, куда бы сходить перекусить, как раздался стук в дверь.

И кого это несёт? Мало того что у меня выходной, так и вообще воскресенье.

Оказался курьер с Базы — вихрастый мальчишка лет 15-ти, кажется, чей-то сын — вроде мельком его у нас встречал. Он, запинаясь, сообщил, что Сергея Михалыча Волкова ищет Большаков и просит его срочно прибыть на Базу.

Вот те нате. Большаков в выходной на работе? Это что-то новенькое, вообще-то он, как и положено начальнику, работает «пять на два». Да ещё и вызывает курьером! Обычно выходные для нас — святое. Или он вспомнил, что меня сутки на работе как бы и не было? А может быть, Трофимыч вполне способен припомнить. Человек он хороший, а как начальник - тот ещё фрукт.

Курьер умчался, а я стал собираться. Впрочем, «собираться» — сильно сказано. Та же одежда, что и утром на рынок - чай, не на парад, и те же два пистолета. Без «серебряного» я, пожалуй, больше на улицу не выйду — по крайней мере пока не закончатся непонятки.

Большаков был в своём кабинете, и я почему-то почти не удивился, когда увидел, что на одном из стульев перед его столом сидит Андрюха Семёнов. Трофимыч был непривычно хмурым.

— Прочитал? — спросил он у Андрюхи. Тот кивнул, и Большаков, ткнув мне пальцем на свободный стул, взял от Семёнова листок и перекинул мне. — Теперь ты читай.

Я взял плотный бланк. Официальное письмо Колледжа, надо же! Всего второй раз в жизни вижу. Вензель в углу, он же защищённая метка подлинности, рядом цифры «1 (3)» — значит, номерной экземпляр, всего три, этот первый. Заполнено каллиграфическим почерком — даже не знаю, пишут они от руки или наносят текст колдовством?

Прошу содействия в организации рейда... квадрат... метка... не менее одного грузового или двух лёгких автомобилей внедорожного класса... станковый пулемёт с боезапасом... обеспечение серебром не требуется. Дата рейда — понедельник, 17 сентября... завтра, в общем. Длительность — один световой день.

Копия номер 2 — в Управу, копия номер 3 — Колледж.

Состав выезда... От Базы, получается, я, Андрюха, Тищенко, Королёв. От Управы — некая М.А.Латошина, понятия не имею, кто это. Знал я, конечно, одну Латошину, но это было давным-давно... и не здесь. Совсем не здесь, в прошлой жизни. От Колледжа... ого — сам А.А.Власов, С.С.Соколов — ну точно же наш студент, вряд ли там есть ещё один с такими же инициалами, и какой-то О.Е.Ярышев. Оборудование — два места, общий вес 40 кэгэ. Подпись — Бурденко.

Нехило так. Восемь человек, включая кого-то из Управы и трёх смежников, в том числе аж замректора, пулемёт — полноценный рейд, почти как за топливом. Плюс ещё и с барахлом.

Терзают меня смутные сомнения, что это ничуть не пикник. Теперь ясно, с чего Трофимыч такой хмурый. «Прошу содействия» от Колледжа, да ещё и с привлечением Управы — это практически приказ.

— Ты что-нибудь понял? — неприязненно спросил Большаков. Я пожал плечами, и он толкнул ко мне журнал: — Распишись за ознакомление.

Блин, опять чернила... Хорошо хоть, авторучка, а не перо. Вообще Большаков — фигура в городе не последняя, мог бы себе шариковую ручку раздобыть. Хотя бы для гостей, сам-то он и этой нормально пишет.

— Вот и никто ни хрена не понимает, — подытожил шеф. — Плюс ещё Управа в деле. Ты-то ладно, день баклуши бил, а других я после смены должен в новую смену дёргать...

Ну да. Это предложение, от которого невозможно отказаться. Тем более странно, что указаны конкретные имена — если я правильно понимаю, «по заявкам» База выводит в рейд обычно тех, кто свободен.

Мы с Андрюхой переглянулись — тот тоже пожал плечами. Он, кстати, вообще после ранения, ему бы отлежаться... но увы — мероприятий по лечению не было, пробирка Маши же нигде не

прописана. Значит, и ранения не было — он ведь жив-здоров. Бюрократия-с...

— А что за место? — поинтересовался Семёнов. — Квадрат незнакомый.

Большаков встал, отдёрнул занавеску с карты, почти не глядя ткнул в неё линейкой — смотрел при этом на меня:

— Вот тут.

Твою ж мать.

Нет, это не так далеко. И дорога туда есть — правда, уболтанная. И по расстоянию меньше, чем до Волково. И аномальных зон по дороге нет.

Но это то самое место, откуда меня вытащили Охотники год с лишним назад...

Теперь ясно, с чего Трофимыч так на меня окрысился. Приключения продолжаются.

— Волк, ничего не хочешь мне рассказать? — нарочито склочным голосом спросил шеф.

— Сам бы не против узнать, — буркнул я. Настроение, и без того не блестящее, испортилось. — А что за тётка от Управы?

— Я откуда знаю... кто б меня в известность ставил. Я даже не знаю, мать их, на что людей отправляю, — Большаков швырнул линейку на стол, промахнулся, и та, подпрыгнув на грани столешницы, свалилась на пол.

Шеф, кажется, понял, что перегнул — негоже проявлять эмоции перед подчинёнными. Нагнулся, поднял линейку, и я вдруг подумал, что он же лет на 20 с лишним меня старше. Ему под 60, скорее всего, а то и больше. Не тот возраст, когда хочется быть на побегушках, особенно у Колледжа.

— В общем, выезд завтра в шесть утра, — сказал Большаков уже вполне спокойно. — Здесь быть готовыми в пять, край полшестого. Серебро, если хотите, берите с собой, казённого не будет. Общего собрания тоже не будет. Старший в рейде Власов, — сказал, как выплюнул. — От нас старший Тищенко. Волк, ты зам. Остальные придут — доведу им. Получите «шишигу». Всё, свободны, — и он демонстративно отвернулся к карте, сложив руки за спиной.

Нам ничего не оставалось, как выйти.

Постояли, посмотрели друг на друга... и одновременно спросили:

— Слушай, может, в «Турист»?

С Андрюхой мы близкими друзьями никогда не были — так, коллеги и коллеги, но вчерашнее злоключение нас явно сблизило. Вдобавок никак не лезло из головы то, что пулю Семёнов мог получить именно из-за меня. Так что, усевшись в «Туристе», полупустом в это время, и взяв по пиву, мы разговорились, и я мало-помалу рассказал, с чего всё началось — про наш неудачный рейд в Волково и про то, что случилось вчера в квартире на Коммунаров. Тем более, что Юрку Дьяченко Андрюха шапочно знал.

— М-да, в другое время рассказали бы — не поверил, — покрутил головой Семёнов. — Но не после вчерашнего... Давай, за Юрку, земля ему пухом.

Мы выпили, не чокаясь.

— Вот и выезжай за город малым составом, — продолжил мысль Андрюха. — Смотри сам. Если Юрку подменил собой доппель, или как его там — это случилось именно за городом. В город эта нечисть может попасть только в чужом облике, я правильно понял?

— Если я правильно понял, — уточнил я, ковыряясь вилкой в тарелке. Есть не особо хотелось, несмотря на почти полный день голодухи.

— Тогда надо смотреть, когда за последнее время Юрка выезжал за город один, ну или когда с ним был один-два человека максимум. И, — Андрюха наставительно поднял палец, — это повод присмотреться к тем, кто выезжал с ним.

— Это надо через Управу решать, — развёл я руками. — Охрана КПП отчитывается перед ними. Только вот ответят ли они? После вчерашнего все на нервах. И «охота на ведьм» может начаться.

— Да-да-да, и хватать будут всех,- согласился Семёнов. — М-да, сомнительно, что кто-то что-то скажет...

— Знаешь, Андрюх, — задумчиво сказал я. — Мне кажется, завтра всё должно решиться.

— В этой поездке? Что решиться должно?

— Всё. Вообще всё. Все эти непонятки. Точки над «ё»... Так что будь завтра осторожнее, лады?

— Уровень крутости не влияет на скорость полёта пули, — грустно заметил Семёнов. Тоже нахватался — фраза «провалившихся», если не ошибаюсь, из лихих девяностых — но здесь вполне

прижилась. — Уровень осторожности, скорее всего, тоже... Если бы не Маша, меня бы уже кремировали.

Если бы не я, с тобой бы скорее всего ничего бы не случилось, подумал я... но промолчал, конечно. Вместо этого сказал:

— Не скажи. Вчера мы подлянок не ждали. А предупреждён — значит, вооружён. Ты колдунам доверяешь?

— Нет.

— И я нет. Но их трое, а нас будет четверо. Глаз с них надо не сводить!

— Там ещё какая-то дама с Управы, — напомнил Андрюха.

— Ну да... Но в Управе колдунов нет, это скорее всего чиновница, чтобы Управа была в курсе выезда. Статист. Колдуны опаснее. До этой лично мне особо дела нет.

— То есть, предполагаем, что колдуны что-то могут отмочить?

— Уверен, Андрюха... Уверен. Не бывает таких совпадений, — и я кратко, в нескольких фразах, рассказал Семёнову историю того, как попал сюда. Точнее — где именно попал.

Водитель долго молчал. Потом взял кружку, поднял её. Мы стукнулись.

— Давай, чтобы завтра прошло удачно, Волк. Я тебя понял. И если это и правда задумал чёртов Бурденко — пусть ему, суке, икается...

Глава 31

Я проснулся задолго до будильника и долго лежал в полумраке, глядя в потолок и натянув шерстяное одеяло почти до подбородка. Было зябко — пора бы уже включать отопление, наверное. Когда в доме своя котельная — лучше, потому что от центральной пока дождёшься... Осень, похоже, в этом году наступает слишком быстро. Сентябрь едва перевалил за середину, а уже такая холодрыга...

Уже когда я вышел в кухню завтракать, градусник за окном всё объяснил — минус один. Неудивительно, что дома закоченеть можно... На улице-то не замёрзну, в свитере и куртке, а вот дома в майке уже не то. Не май месяц, как говорится.

Я даже чай почти не стал разбавлять холодной водой. Ну, вроде, походил — согрелся.

Подготовлено всё было ещё с вечера — традиционная «дежурная» сумка, та же, что и в прошлый раз, два пистолета и карабин. Разложил по карманам снаряжённые обоймы для СКС, к ТТ взял четыре «серебряных» магазина — запас карман не тянет. Не верю я колдунам — хоть они и сказали, что серебро не нужно, но я теперь без него из дому не выйду.

Уже когда я стоял собранный, готовясь открыть входную двурь, подумал — чего-то, такое ощущение, не хватает. И вдруг понял — мне мучительно, до боли не хватает Маши...

Ну уж нет. Больше девчонку с собой не потащу никуда — хватит с неё передряг.

На улице было тихо и холодно. Давно не стриженые газоны блестели от инея. Вот уж воистину серебряная осень... Народу почти нет — слишком рано, разве что один раз патруль встретился. Усиленный — четверо, а не трое, как обычно.

На Базу я пришёл к четверти шестого. Было ещё темно, но небо пока что чистое, а потому на востоке уже посвечивали отблески зарева. На Базе работа уже кипела — на площадку был выгнан из бокса один из имеющихся «ГАЗ-66». В общем-то, обычная «шишига», только борта и низ кабины по нашей традиции зашиты листами усиленного железа, и в передней части кузова сделан этакий «стакан» под турель,

причём со щитком, и приподнятый, чтобы увеличить сектора обстрела и не пригибаться тем, кто сидит в кузове — они, кстати, тоже могут стрелять, бойницы в бортах есть. В общем, не броневик, конечно, но машинка посерьёзней «козелков». Плюс проходимость улётная, да и грузоподъёмность нормальная. Вот тут спасибо Большакову — машину он выделил серьёзную, на такой себя чувствуешь гораздо увереннее, чем на УАЗике. Вот в сопровождение колонн такие не выводят — там важнее по длине колонны распределиться, а в одиночный рейд — то, что доктор прописал.

— Волк, где обещанная беленькая? — сходу поинтересовался с водительского места Королёв. Блин, я со всеми приключениями и забыл про неё совсем...

— Дома стоит третий день, после выезда притащу, лады? — смутился я, но Славик, похоже, спросил чисто из вредности, потому что махнул рукой и продолжил возиться — по привычке проверял машину перед выездом, хоть она, как положено, обслуженная. Стас Тищенко, стоя рядом с турелью, прилаживал на неё МГ. Схватившись за рукоять, я через откинутый задний борт залез к нему в кузов:

— Привет... Давай помогу.

— Да я уже, — сообщил Тищенко, вставляя в держатель короб с лентой и откидывая крышку. — Хотя нет, запасные короба подай.

Запасных коробов было ещё два. По полторы сотни патронов — итого в трёх почти полтысячи! Ничего себе, хоть войну начинай. Я вогнал короба во внешние держатели на турели — чтобы пулемётчику было удобнее их менять, работает-то он тут в одиночку, без «второго номера».

— Ты случайно не знаешь, на что нас подрядили? — отдуваясь, спросил Стас. — Я и не думал, что поедем на этом танке, да ещё и с тремя ящиками маслят...

— Если б знать... Только место.

— Да место и я видел, где. Ненавижу, мать их, колдунов... никогда не знаешь, что от них ждать.

Вот тут я со Стасом был полностью согласен.

— Вон они, вышагивают, — неприязненно буркнул пулемётчик.

Да, идут — четверо. Здоровущий Власов, худенький Соколов, и ещё двое... Там девка какая-то, что ли? От колдунов вроде не заявлено. Та, что от Управы? А почему с колдунами? Вообще я думал, что от

Управы будет тётка моего возраста, там у них среди должностных лиц никого молодого вообще нет...

А потом я рассмотрел — и почти не удивился. Хотя мозг говорил, что что-то здесь не так.

— Привет, — просто сказала Маша. — А я во вчерашних обновках.

Ну да, ей же ребята вчера на рынке подарков надарили, вяло подумал я. А Соколов-то молодец, быстро девчонку окрутил, раз уж она его даже провожать пришла. Ну вот как к этому относиться?

Да не поймёшь, как, пока не станет ясно, на чьей стороне студент...

— Да уж вижу, — улыбнулся я. — Неужто проводить пришла?

— Почему? — искренне удивилась девчонка. — Я еду с вами.

Вот что не так.

База — территория режимная, и сюда ни за что не пропустят человека без соответствующего допуска. У Маши постоянного пропуска, как у меня, нет, значит... значит, она была внесена Большаковым в документы на разовый допуск. То есть...

— Мария Латошина едет с нами, — сообщил Власов. — Вам должны были довести состав группы.

— Так Латошина от Управы — это ты? — переспросил я, чувствуя себя неимоверно глупо. — А почему от Управы?

— Пока Мария Андреевна не приступила к постоянной работе — она числится за Управой, — ответил за Машу третий колдун, видимо, тот самый Ярышев — длинноволосый, с собранными в хвост патлами, на вид лет двадцати пяти или постарше. — Распоряжение Павла Олеговича.

Мысли спутались, сердце прыгнуло куда-то к горлу.

Машу сюда вытащил Бурденко. Именно он, заявка подписана им. Что он о ней знает? Или, как водится, знает всё? Или не знает, но рассчитывает в этом выезде узнать через своих подчинённых?

И главное — бессмысленно возмущаться и что-то требовать. Выезд утверждён, и менять никто ничего не будет. Начну качать права и возмущаться — возможно, это и даст результат, но скорее всего меня просто оставят здесь и уедут без меня. Нет, это отпадает. Тут лучший вариант — быть с Машей рядом, раз уж её потащили...

Власов тем временем заглянул в кузов, удовлетворённо кивнул и пошёл вокруг, осматривая «шишигу». Видимо, увиденное ему понравилось — он легко, как подросток, запрыгнул в кузов, пожал руки мне и Стасу и распорядился:

— Все едем в кузове. В кабине только два водителя. Сначала заедем к нам в Колледж, погрузим вещи. Вопросы есть?

Вопросы-то есть, только кто ж на них ответит здесь и сейчас...

— Вопросов нет, — сам себе ответил зворовяк. Присев, протянул Маше руку и одним рывком втащил её в кузов:

— Садитесь, Марь Андреевна... Так, кого нет, кроме второго водителя?

— Все остальные здесь, — пробурчал Стас, даже не сильно пытаясь быть вежливым.

— Ну отлично. Давайте по местам, выезжаем сразу по готовности.

Андрюха появился минут через пять, и Власов, коротко переговорив с ним, велел выдвигаться.

Глава 32

Сначала я подумал — а почему колдуны не приволокли свои вещи с собой? Потом только сообразил — 40 кило, а машинами они не пользуются. Неудивительно, что не захотели тащить на себе, проще заехать, хоть и получается, что пришлось дважды проехать Вокзальный из конца в конец. Выезжать-то всё равно будем рядом с Базой.

Ящики оказались неслабыми — метра по полтора длиной. Они уже поджидали на проходной Колледжа, нам даже из кузова вылезать не пришлось — пара молодых парней сами откинули борт и сами же под строгим взглядом Власова загнали ящики в кузов. Я, кстати, думал, что Бурденко появится — так сказать, проводит в путь, но нет, ректора не было и в помине. Доверяет, выходит, своим ребятам. Интересно, он вообще из Колледжа выходит? Иногда мне кажется, что нет — ни разу ни от кого не слышал, чтобы Бурденку встречали в городе.

ГАЗ-66 теперь неторопливо катил по Космонавтов обратно, к западному КПП. Небо на востоке всё сильнее светлело — денёк однозначно будет ясный, хоть и холодный: паром дышали все, сидеть на одном месте всё же прохладно. Но не будешь же прыгать по кузову...

На КПП традиционно почти не осматривали — особенно после того, как Власов предъявил заверенную копию той же бумаги, которую вчера мы читали на Базе. Что ни говори, Колледж — одна из ключевых сил Вокзального. Вторая власть... если вообще не первая.

КПП на этом выезде примыкает к забору Базы, дальше начинается дорога, ведущая в сторону бывшей трассы «Кола» (хотя тут, скорее всего, трасса ещё не успела получить этого названия). За ручьём нелепо торчит заброшенная и ржавая старомодная заправка, потом примерно с километр тянется одноэтажная застройка, барачная и частная — конечно, тоже давно уже заброшенная и разваливающаяся, потом дорога выходит в поля.

Дорога в целом, конечно, так себе, но ехать на внедорожнике можно, на «шишиге» — особенно. Асфальт, само собой, давно уже

расползся, но, в отличие от той же дороги на Волково, тут люди периодически ездят — на рынок с хуторов, так что совсем дороге развалиться не дают. Опять же — пока сухо, ездить легче.

Мы сидели на жёстких деревянных скамьях вдоль бортов — с одной стороны я, Маша и Соколов, с другой стороны — Власов и Ярышев. Стас торчал в «стакане» турели — на ногах, конечно, но зато можно удобно облокотиться, круг турели обделан подушками из кожзама.

— Планёрка будет? — крикнул Тищенко Власову, пытаясь переорать шум мотора.

— Нет, — помотал головой тот. — На месте. Смотрите по сторонам, могут быть звери.

М-да, коротко и ясно... Вообще-то я уже привык, что мы не только знаем, куда едем, но и знаем, зачем. Долбаный Колледж... Что опять придумал Бурденко?

— Волк, правый сектор, — проорал Стас. Ну ясно, значит, сам возьмёт левый. Я, в общем, и не рассчитывал, что удастся просидеть спокойно всю дорогу...

— Мужики, контроль движения, — почти сразу скомандовал Власов своим. — Сергей, правый борт и по курсу, Олег — левый и позади.

Соколов, вскочив, протиснулся ближе к кабине — я пропустил его и, перевесив карабин на шею, взялся за поручень. Пока едем по полю — обзор хороший, можно особо не дёргаться. У Соколова арбалет вообще за спиной — но я знаю, что он и без него может доставить врагу неприятности. Второй колдун небось не хуже, он ещё и постарше.

Краем глаза я увидел, что Маша тоже встала. Ветер трепал её новую куртку.

— Не холодно? — прокричал я ей почти в ухо.

— Неа, — помотала головой девчонка. — У меня ж ещё твой свитер.

Точно ведь, так и не забрал его — хорошо, что у меня другой есть.

— Ты какого фига здесь делаешь?

— Как это — какого фига? — удивилась Маша. — Мы с Серёжей вчера ходили к этому... Бурденко. Он меня сюда и отправил.

Вот те раз. Вот и оставляй Машу без присмотра хотя бы на день...

Наверное, вопрос у меня на лице читался достаточно явно, потому что девчонка сразу пояснила:

— Он интересный , кстати. И очень вежливый. На учителя похож.

Угу, интересный он... Ну, на молоденьких девчонок чары Бурденки, может, и действуют, но на меня — точно нет.

— А ещё, между прочим, ты ж сам вроде говорил, что всё к Колледжу может сходиться? — Маша резко приблизила лицо почти вплотную и теперь громко шептала прямо мне в ухо. — Вот сегодня и проверим. Это ж такой шанс!

И ведь опять чёртова девчонка права. Раз уж мы собираемся в одном месте, да ещё и в знаковом составе — я, Маша, Соколов... есть шанс что-то выяснить. Вопрос лишь один — это удачное совпадение или чья-то задумка?

Сто к одному, что задумка, и именно Бурденки. А значит...

— Маша, будь внимательнее! — прошептал я в ответ. — Тут банкуем не мы, а колдуны. Глаз с них не своди!

— А я и не свожу, — вдруг прищурилась Маша, и я поразился, сколько в её взгляде было холодной расчётливости. — Нам с тобой тут многие задолжали, не?

Многие не многие, но кое-кто точно — тут девчонка права...

Лес надвигался, дорога уходила в него плавным поворотом. Тищенко достал откуда-то из подсумка яблоко и с хрустом жевал его, не убирая правую руку с рукояти эмгача и не забывая смотреть вокруг.

— На час движение! — первым крикнул Соколов.

— Вижу, — процедил Стас, выплюнув только откушенный очередной кусок яблока, а потом и остаток запулил за борт. — Волки...

Волков было пять — они неторопливо трусили по правой стороне дороги, почти по краю начавшей жухнуть высокой травы, вывалив языки. Обычные для здешних мест — крупные, бурые вроде тех, с какими я столкнулся, едва попав в эти места. Значит, и вожак-оборотень вполне может оказаться...

Из пастей хищников тянуло паром.

— Скорость высокая, огонь не открываем, — Власов приложил ладони костяшками вдоль нижней челюсти, щёлкнул пальцами — и следующая его фраза прозвучала как из «матюгальника». — Водитель, объезжай, без стрельбы попробуем.

Надо же, удобная фишка — не надо орать, чтобы услышали... «Шишига» рывком набрала скорость, быстро оставив волков позади — те, кажется, даже внимания на машину не обратили.

— Проскочили? — крикнул Ярышев сзади. Видимо, Власов подправил себе не только голос, но и слух, потому что обернулся:

— Да мы им нафиг не нужны. Даже оборотень не полезет на грузовик с пулемётом, ещё и на такой скорости...

— У нас же серебра почти нет? — не выдержал я.

— Что почти, ты что, пистоль не взял, что ли? — ухмыльнулся Власов и, дождавшись моего кивка, пояснил: — Их из пулемёта решетит ничуть не хуже, не успевают восстанавливаться...

Логично ведь, скорострельность у МГ та ещё. В умелых руках он оборотня и пополам распилит без всякого серебра... Жаль, МГ-42 тут не попадаются, они вообще жуткая вещь.

Славик скинул скорость — машина пошла помедленнее, переваливаясь на колдобинах.

— По верхам тоже смотрим, не забываем, — тоном учителя-зануды напомнил Власов. — Птиц не помню, а лазать твари умеют...

Тут он прав — даже вынося за скобки сказанное призраком. В лесах к северу от Вокзального встречаются «летяги» — твари с групную собаку, но с грацией белки, способные планировать с верхушек деревьев. Не нечисть, кстати, но хищные и потому кусачие. Одно хорошо — планируют довольно медленно, а потому подстрелить можно на раз.

Впрочем, обошлось без летяг. Дорога бежала по лесу, если при таком качестве применительно слово «бежала». Но километров 35-40 мы делали уверенно — это приятно. До трассы тут десяток с небольшим километров, потом по ней — ещё пяток. На такой машине — ни о чём.

Лес расступился, справа открылся заброшенный карьер, влево уходили поля. Вон и Кисельня — тут есть обособленные хутора, в основном на основе старых колхозов-совхозов. Только вот по бывшей — или будущей — «Коле» тут не ездят, предпочитают дорогу на Ладогу, что идёт севернее, через леса. По крайней мере, судя по инструктажам, забираются на бывшую трассу лишь Охотники. Может, расспросить того же Власова, раз мы в эти места попёрлись?

Нет, ну его нафиг. Лучше спросить Тищенко.

— Стас! А почему по этому куску трассы напрямик никто не ездит?

— Ты ж вроде один раз съездил — не понравилось, не? — вот зараза Тищенко, всё же подстебнул.

— Да ну тебя, я серьёзно?

— Так и я серьёзно, — Стас откинулся на кожаную спинку-подушку, вытащил ещё одно яблоко, обтёр его о рукав. Вокруг, что характерно, смотреть не переставал ни на секунду — привычка. — Место нехорошее. Чуть не с той ещё войны, Отечественной. То ли аэродром там был на старом кладбище, то ли кладбище при аэродроме... Старики говорят — машины бились там почём зря, когда той войны и след простыл. — Он с хрустом откусил яблоко и продолжил уже с набитым ртом: — Вот потому там и сейчас не ездят. Тише едешь, дальше будешь.

— Он прав, — вклинился Власов, и голос его, уже не усиленный, был на удивление серьёзным. — Правда, мы предполагаем, что там гораздо раньше было капище. Возможно, языческое.

— Так мы что, для этого и едем? — встрепенулся Соколов.

— Проверим заодно и это. Постараемся, — уклончиво ответил замректора. — Вы варежками не хлопайте, смотрите по сторонам!

ГАЗ притормозил — дорога на бывшем перекрёстке была ни к чёрту. Описав затейливый зигзаг, выехал на бывшую трассу — столь же раздолбанную и осевшую, как и тогда, в первый день.

Шевельнулось какое-то нехорошее ощущение — то, что называют «кто-то прошёл по моей могиле». Именно здесь эта история началась... и, похоже, именно тут она может закончиться. Сегодня.

Ещё ведь и погода, как назло, тихая и ясная, разве что морозец. Ну хоть одно хорошо — в такую погоду и видимость отличная, и слышимость тоже. Будем на месте — врасплох вряд ли кто возьмёт. А если б винтовочку с оптикой — то и подобраться никто не сможет...

Главное, чтобы, тьфу-тьфу, на месте никого с оптикой не оказалось — как тогда в промзоне.

«Шишигу» в очередной раз болтануло на колее. А ведь мы почти приехали — вон они, брошенные линии электропередач впереди, где-то как раз после них мы и улетели с трассы...

— Приготовиться, смотрим в оба, — скомандовал замректора. — Скорее всего на месте тихо, но бережёного Бог бережёт.

Опоры ЛЭП проплыли по обе стороны дороги, как гигантские свидетели старых времён.

— Странную ауру впереди вижу, — неуверенно доложил Соколов. — И движение. Скорость невысокая.

Власов моментально схватился за бинокль, я тоже не выдержал — благо у меня свой с собой, а сектор как раз мой. Навёл — ну вон оно, место, хорошо виден полураздолбанный корпус «ренж ровера» на заросшей полосе меж дорогой и лесом — колёса с него ещё тогда сняли, да и вообще с машинкой особо не церемонились. А вон и оно, что увидел Соколов — и правда движется... Движется, мать его...

Я услышал, как сдавленно матерится Власов. Потом он прокашлялся, видимо, снова врубил свой колдовской «матюгальник»:

— Общая тревога! Цель крупная, медленная, единичная. Предположительно нечисть. Тищенко, береги патроны, работай только по голове и конечностям. Мужики, готовьте ударное на пробу.

— Серебро, говорите, не понадобится? — я не мог заставить себя оторваться от бинокля. Увиденное завораживало, в позвоночник словно впилась ледяная игла.

Чудище было не менее двух с половиной метров ростом и, похоже, чуть не два метра в ширину. Ну да, Женька и при жизни не был худеньким, а в том, что это именно он, не приходилось сомневаться — вон внатяг висит на плечах куртка-пилот со светлой подкладкой, сейчас разодранная и выглядящая как жилетка. В ней мы его тогда и похоронили...

Но как же, мать его???

Да вот так. Я уже ни капли не сомневался, что вижу перед собой зомби — вроде того, что на днях напал на нас в бывшей общаге. Только размерами минимум вдвое больше, и явно не слишком свежего — не знаю, что за тварь и когда оживила Женьку, но это точно было не вчера, вокруг трава истоптана, чудище бродило тут как минимум месколько дней...

И это ж его ещё нужно было выкопать! Хоронили Женьку вшестером... А ведь говорили, говорили охотники, что тело нужно сжечь, благо бензина с «ренж ровера» навалом — нет, я, как дурак, упёрся, да и Ника истерику устроила...

Грохотнул над ухом «эмгач», а я так и прилип к биноклю — видел, как пули ковырнули ногу чудища в районе бедра, но оно, похоже, этого

и не почувствовало. Но — остановилось и почти осмысленно посмотрело в нашу сторону.

— Это зомби, — пробормотал я. — Потом вспомнил, что слово нездешнее, и пояснил: — Живой мертвец.

— Да я вижу, что дохлая тварь, — огрызнулся Власов. — Воняет даже здесь... Мужики, давайте, поджарьте его, сразу вдвоём, на счёт «три»!

Машина сбавила ход, и к мертвецу с шипением протянулись два дымных следа. Рвануло, по низине потянулся дым — но было ощущение, что огненные удары не нанесли твари ни малейшего вреда!

— Твою мать, — коротко резюмировал Власов. — Щас, погодите...

Он свёл руки вместе, сосредоточился, и через мгновение выбросил вперёд сгусток света — тот моментально заискрил, как молния, и превратился в пучок ярких сиреневых лучей. Зомби получил удар ими прямо в грудь — и опять безрезультатно!

— Да что ж за жопа-то, — замректора, похоже, был озадачен. — Тищенко, работай, не спи!

Ещё одна очередь — нет эффекта. Зомби был всё ближе.

— Он не идёт навстречу, — вдруг заметила Маша.

— Да, правда? Ой какая ты внимательная, — буркнул Власов своим усиленным голосом. — Слушай теорию, Маша-умняша: живой мертвец должен выполнять то, что ему задали при оживлении. Одна, сука, проблема — по всем правилам их не должно существовать! Нету для этого колдовства, нету!

— Есть, — меланхолично заметил Стас, выпуская ещё одну короткую очередь, на сей раз в голову — было видно, как пули вырвали ошмётки прогнившей плоти. — Я не понимаю, ему что, всё похрен?

Зомби, набычившись, стоял на краю дороги, но от разбитого джипа не отдалялся. Действительно, что ли, некто задал ему просто охранять это место?

— Надо в голову! — закричала Маша. — Зомби боятся выстрелов в голову!

А ведь верно — в общаге это сработало. Но...

— Да только что в голову ж стрелял, — хмыкнул Тищенко.

— Этого ещё не хватало, — Власов вытер рукавом вспотевший лоб. — Давайте пробуем ещё... Маша, блин! Специалистка доморощенная! Ты хоть здаешь, что такое «мотиватор»?

Ответ, похоже, и не требовался. Власов и не стал его ждать — опять шарахнул своими сиреневыми молниями, на этот раз в область головы — и опять без толку. До чудища было не больше тридцати метров.

— Мотиватор — то, что даёт подобной твари способность двигаться. Для свежего — это мозг. А у этой твари может быть что угодно, посмотри, она старая, как говно мамонта... Может, у него кристалл мотиватора в задницу засунут...

Поучительный голос Власова почти заглушило новой очередью.

— Водитель, давай по кругу, держи дистанцию, не останавливайся! — заорал замректора. — Кружи вокруг, ищем у этой твари слабое место!

Машина проскочила мимо Женьки-зомби — Тищенко «проводил» его длинной очередью, метясь в голову. От голосы, собственно, почти ничего уже и не осталось — её раскурочило пулями почти начисто, но зомби всё равно уверенно стоял на ногах и, пока машина шла, прижимаясь к противоположному краю дороги, преследовал её.

А, чёрт с ним! Я вытащил ТТ, пальнул несколько раз — вообще без результата, хотя видно, что попал, пули ковыряли верхнюю часть груди чудища. Выходит, это не нечисть в полном понимании этого слова — иначе серебро точно бы подействовало...

— Тормози, — скомандовал Власов. — Водители, готовьтесь дать ход. Все разули глаза, смотрим на эту тушу, ищем всё ненормальное. Все слышали?

— Что искать-то? — спросил Ярышев. — Он весь ненормальный.

— Место для мотиватора! Он где-то спрятан, и не в голове. Дыры, порезы, ошметки — быстрее, мужики, а то поездка накроется нахрен!

Ну да, если мы ехали именно сюда, то с таким беспокойным «соседом» работы не будет точно...

Повисла пауза. Чудище стояло, расставив ноги, слегка раскачиваясь из стороны в сторону — его можно было бы даже назвать мирным, если бы не устрашающая внешность. Кому как, а меня откровенно мутило — в конце концов, я Женьку столько лет знал, вместе начинали, да и тут меня его «беретта» спасла... Вообще, никому

такого не пожелаешь. Глянул на Машу — вцепилась в поручни на борту, бледная, сосредоточенная...

— Ну? — рявкнул Власов.

— У него штаны спущены, — осторожно сказала девчонка.

А ведь и правда, джинсы находились сильно ниже талии — правда, учитывая бесформенность туши, совершенно неясно, их спустили раньше или они съехали, когда мёртвое тело стало меняться?

— И что?

— А я хэзэ, может, ему правда кристалл в задницу запихнули?

— Да ну, — отмахнулся Власов. — Я ж просто так сказал... Водитель, попробуй его объехать по низу. Держитесь!

«Шишига» дёрнулась и ухнула с насыпи, круто взяла вправо, держась ближе к кромке леса. Надо же, вон и останки оборотня видны — правда, раскиданные. Такое ощущение, что их кто-то жрал... уж не этот ли зомби?

Тварь на удивление проворно развернулась, хотя теперь её от нас отделял корпус «ренж ровера».

— Не показывает спину! — заорал Власов. — Маша, возможно, ты права! Мужики, обратно на дорогу, быстро!

ГАЗик без проблем оторвался от тяжеловесной туши и, взревев мотором, взобрался обратно на трассу.

— Надо его отвлечь, чтобы повернулся спиной! — крикнул Стас. — Блин, вторую машину бы...

— Где я тебе её возьму, — огрызнулся замректора.

— Можно спрыгнуть, а остальные его отвлекут, — вдруг пискнул Соколов.

— Кто спрыгнет, ты? — вызверился Власов. — Не дай Бог что случится, Бурденко головы всем поотрывает...

— Я...

Повисла пауза.

Фырчал мотор «шишиги», лёгкий ветерок колыхал сухую траву, посеребрённую инеем. Безголовый зомби угрожающе стоял на краю дороги шагах в сорока.

— У меня есть две шоковые стрелы, — уже увереннее повторил Соколов. — Если отвлечёте его, выстрелю ему ниже спины. Он не выходит за линию, смотрите — значит, и на меня не побежит.

— А не побежит ли... — полувопросительно, полуутвердительно пробормотал замректора. — Ладно, давай, парень. Если что — бегом в сторону, понял? Бегом! Мы прикроем.

Когда Соколов спрыгнул на землю, мне стало откровенно не по себе — да и остальные, похоже, восторга не испытали. Взведённый арбалет был у пацана в руках, на направляющей покоилась стрела с поблёскивающим наконечником.

— Давайте вперёд потихоньку! — распорядился Власов.

«Шишига» медленно двинулась вперёд — Королёв старался держаться так, чтобы не приближаться к линии, за которую не заходил зомби, это получался примерно край проезжей части. Я видел, как Соколов, не сводя глаз с монстра, стал обходить его по дуге, стараясь зайти сзади.

— Пулемёт, работай, отвлекай, — шепнул Власов, и Тищенко полоснул очередью по верхней части тела зомби. Безрезультатно, конечно же, хотя дистаннция кинжальная. Зомби утробно заурчал, поворачиваясь за машиной... неужто выгорит?

Рвануло! Понятия не имею, что такое шоковая стрела, но сработала она громко и ярко — правда, мне показалось, что вспышка была гораздо ниже, чем надо, в области колен чудища. Неужто Соколов промазал?

Монстр взревел, повернулся вокруг своей оси так, словно был не полутонной тушей, а изящной кошкой. Я видел, как Соколов, держа в руках разряженный арбалет, попятился...

— Вали его! — заорал Власов. — Вали, пока он спиной!

Тищенко вдавил спуск и больше не отпускал его. МГ колотил как швейная машинка, гильзы со звоном летели на металлический пол, было видно, как пули рвут тушу чудища ниже спины...

Зомби завалился лицом вниз, лишь когда замолк пулемёт — лента кончилась.

Глава 33

— Ну что, поздравляю с почином, — Власов пнул труп и задрал голову: — Выгружайтесь, он готов. Вот только откуда он здесь...

— Я сам лично его хоронил, — невпопад ответил я. — Год назад. Он был закопан.

— А надо было сжечь, — не удивился замректора. — Меньше было бы проблем...

— Вы ж говорили, что живых мертвецов никто поднимать не умеет?

— Значит, умеют, чего отрицать-то, — зло сплюнул Власов. — Вот нам и ещё одна тема для размышления... Тищенко! Что с лентами?

— Одна полностью ушла, — доложил Стас, как раз меняющий короб с лентой. — Две осталось.

— Ну ладно, хоть не все... Соколов! Не обосрался?

— Нннет...

Пацан заикается — а ведь он не робкого десятка. Я вот не уверен, что готов бы был рвануть побегать с зомби наперегонки. Да еще с таким огромным.

— Молодец, — кивнул Власов. — Только из арбалета промазал...

— Да ладно, главное — отвлёк, — примирительно сказал Тищенко, откидывая крышку патронного ящика.

Я побрёл в сторону джипа, стараясь не смотреть в сторону дважды мёртвого Женьки. Машина так и торчит — одна дверь выдрана, остальные распахнуты. В багажнике пусто — там у Женьки был набор инструментов, Охотники его уволокли, конечно. Мне-то потом сказали в Управе, что раз джип «приехал» со мной и Никой — он полностью наш. А что толку, его ж под мышкой не унесёшь...

Надо же, вон и банка в углу — скорее всего, закатилась тогда из ледника... Я залез в багажник, вытащил, не спрашивая открыл, хлебнул ледяного пива. Аххх, родная химия, это не то пиво, которое варят здесь... И ведь недешёвое, не «Балтика» какая-нибудь.

— Волк, харе бухать, — послышался голос Королёва. — Давай сюда на планёрку.

Власов глянул на меня неодобрительно, но ничего не сказал. Планёрку он организовал прямо здесь, перед машиной.

— Короче, — начал замректора. — Примерно в полутораста метрах к югу здесь аномальная точка. Поляна там есть, но машина туда не пройдёт. Соколов, Ярышев — берём ящики, выдвигаемся туда. Волков, поможешь. Тищенко, будьте здесь, смотрите по сторонам. Если что подозрительное — выстрел в воздух. Что мы, что вы. Вздумаете уехать без нас — оторву всё что висит... Диспозиция понятна?

— Мне что делать? — поинтересовалась Маша.

— Давай тоже с нами. Вон, в машине сумка, возьми её, мы ящики потащим...

— Мы вам точно не нужны? — поинтересовался Стас.

— Нет. Мы поставим систему сигналок, ни одна тварь не проберётся. Лучше обеспечьте возможность уехать, когда захотим. Машину, проще говоря, не пролюбите...

Ящики на деле оказались не слишком тяжёлыми — да и ручки есть, тащить удобно. Шли гуськом — впереди Власов и Ярышев с ящиком, потом Маша с сумкой, потом мы с Соколовым. Тропы толком не было, видимо, Власов вёл каким-то только ему известным маршрутом — под ногами не хлюпало, ибо подморозило, в целом нормально, идти можно. Только вот без Власова хрен выберешься. Хотя... Если идём на юг, то по компасу в любом случае выйдем к трассе. Мимо неё пройти сложно.

— Здесь, — сообщил замректора, когда мы вышли на открытое место. Точнее, условно открытое — это была обширная поляна, метров с полсотни в поперечнике, поросшая редким кустарником, но при этом почти правильной округлой формы. — Бросайте ящики.

Пока колдуны занимались своим барахлом, я чуток прошёлся по поляне. Создавалось ощущение, что растительности на ней изначально не было — вся центральная часть оказалась усыпана некрупными обомшелыми валунами, словно здесь был старинный фундамент какого-то сооружения. А может, так и было — скажем, те же церкви попадаются в самых неожиданных местах...

— То самое капище? — спросила подошедшая Маша. Я даже не сразу нашёлся, что ответить — действительно, только что же в машине

на эту тему говорили. А ведь может быть, вполне может — Власов же сказал, что тут аномальная точка.

— В корень зришь, Латошина, — ответил за меня Власов. — Именно тут капище и было, то самое. Сейчас поставим аппаратуру и попытаемся кое-что проверить... А вы нам поможете.

— Мы?

— Именно вы, — добродушно улыбнулся здоровяк — ни дать ни взять добрый дядюшка. Потом сгрёб Машу одной рукой за шиворот и быстро сделал несколько шагов назад, набирая дистанцию до меня: — Волк, разоружайся, и девчонка не пострадает. Мне нужен ты.

Твою ж мать!

— Ярышев, Соколов, работаем, — прикрикнул Власов. — Катализатор почти готов. Волков, ну?

Я снял сумку, бросил СКС.

— Пистолеты, оба, — велел колдун. Он держал Машу за шею левой рукой, а в полуоткрытой правой ладони пульсировал сиреневый огонёк — скорее всего что-то опасное. А может, и нет — только вот проверять неохота.

Надо же, так глупо попасться... и главное, сам ведь Машу предупреждал — колдуны тут банкуют, а не мы... А что же Соколов?

Соколов спокойно ставил вместе с Ярышевым какие-то стойки, вытащенные из ящиков — на нас и внимания не обращал. Выходит, он изначально работал на Власова?

Ё-моё, так Власов же с самого начала был в центре всего этого! Он, а не Бурденко! Вот почему он рванул со мной к фальшивому Юрке — он тупо и прямолинейно убрал свидетеля прямо у меня на глазах! И вот почему молчал Соколов, ни слова не заикнулся о необычных аурах — потому что Власов, сука, им командует! Долбаный студент, провёл и меня, и Машу — причём за Машу особенно обидно, девчонка походу влюбилась...

Вот вам все ответы, оптом и в розницу — скорее всего, как раз Власов нанял доппеля, чтобы тот вытащил меня за город. И датчиками его снабдил. Зачем? Не исключено, затем же, зачем сейчас — он говорил про «катализатор». Что они задумали?

Я бросил на землю оба пистолета.

— Так лучше, — резюмировал Власов. Указал свободной рукой на груду обомшелых камней чуть в стороне от центра поляны. — Вон

туда встань.

— Добился своего? — неприязненно спросил я. Надо как-то вытащить Власова на разговор...

— Ага, — легко согласился тот. — Я за тобой уже полгода наблюдаю. Ошалеть, организм, который мало того что чувствует открытие пробоев, так ещё и увеличивает почти на 80 процентов вероятность пробоя...

— Машу отпусти.

— Обязательно! Она мне не нужна. А вот тебе — нужна.

Вот тут он прав, скотина. Машей рисковать я не готов.

— Куда вставать?

— А вон туда и вставай... Молодец!

Я остановился на почти ровной площадке из обомшелых камней, и почти сразу вокруг меня поднялась желтоватая прозрачная стена. Толкнул её рукой — твёрдая, как стекло, но током не бьёт. Правда, и не выбраться.

— Соколов, держи девчонку, — распорядился Власов. — Олег, на исходную.

Пока Ярышев занимал какое-то одному ему известное место, замректора подошёл к тому месту, где я бросил карабин и пистолеты, сунул оба ствола сзади за пояс, а из карабина сноровисто выщелкнул патроны и бросил бесполезный СКС на землю.

Так. У Маши есть с собой наган, или она его не взяла? Даже не знаешь, что лучше — ещё не хватало, чтобы она нарвалась на неприятности...

Я обернулся — Соколов стоял шагах в двадцати позади меня, держа Машу. Пола куртки у девчонки отвисает, или мне кажется? Что толку гадать, Маша не ниндзя, максимум, что она может — проявить свою способность... и дальше что?

Если ей это удастся — она сможет уйти. И ребят на уши поднять, которые возле машины. А дальше что? Я пока ещё не понимаю, что хочет Власов...

Замректора тем временем встал чуть правее и впереди меня, опустился на одно колено, уперев кулаки в землю, и начал читать что-то длинное и заунывное. Слова, которых было не разобрать, сплетались в странную вязь, от которой болела голова и, такое

ощущение, начало простреливать какими-то импульсами прямо из земли...

Стало ощутимо теплее — я видел, как вокруг Власова начинает таять иней, трава покрылась серебром росы.

Со мной тоже явно что-то происходило — головная боль накатывала волнами, перед глазами плыла муть, уши заложило, появилась дезориентация — словно я не стою на обомшелых камнях, а вишу в воздухе. Или... или я именно вишу? «Дно» прозрачного «стакана», в котором я находился, скрывал клубящийся туман.

Ярышева я видел хорошо — он стоял в такой же позе, как и Власов. Вдруг замректора выпрямился и, вскинув руки к небу, что-то прокричал — для меня это прозвучало как раскат грома. Может, сверкнуло, а может, мне показалось — впереди, шагах в тридцати, не больше, повисло в воздухе лимонно-жёлтое кольцо, в котором клубилась чернота...

Он открывает пробой, и явно использует для этого мою энергию! Но куда и зачем?

— Жертвой нежити, вскормленной нечистью, именем смертного с силой бессмертного, силой неподвластных колдовству — приди, о Великий Учитель Тьмы! — прогремел голос. Я не знаю, сказал ли это Власов, и если да — то на каком языке, но слова звучали прямо у меня в голове. Кто ещё их слышал? Казалось, что все. Может, они только в голове и были, и никто не говорил их вслух...

Чернота в кольце пробоя поменяла цвет, став светлее — точнее, светлее стали края, словно что-то обрисовывая контуром. Нечто приближалось, вон уже виден его силуэт, по краю круга побежали сиреневые всполохи...

— Браво, — раздались меланхоличные хлопки. — Саша, у тебя это получилось. Не пора ли утихомириться?

Что за нахрен? Это однозначно голос Бурденко, но его же здесь нет! Или есть?

Приложив все силы, я попытался повернуться — мир перед глазами качнуло, меня провернуло вокруг своей оси и швырнуло о стенку «стакана», но я успел увидеть Соколова, стоящего теперь гораздо ближе, в абсолютно расслабленной позе уверенного в себе человека — руки в карманах, голова гордо поднята... А осанка не пацана — осанка Бурденко, и голос его!

— Власов, я с тобой разговариваю. Кончай эту лажу, ты показал, что освоил древнее колдовство, молодец. Сворачивайся, это слишком опасно. Старые мертвецы должны лежать в земле.

— Заткнись, Олегыч! — заорал замректора. — Я слишком далеко зашёл!

— Саша, я слежу за тобой гораздо дольше чем полгода, — вздохнул Соколов голосом Бурденко. — В том числе через этого способного парнишку. Не делай ошибок. С живыми мертвецами уже был перебор. И с попыткой похищения людей — тоже. Не борзей, друг мой.

Вместо ответа Власов взмахнул руками, ударил одновременно обоими кулаками в землю перед собой — и замер.

Фигура вышла из кольца пробоя — она была невысокой, не выше метра семидесяти. Фигура пожилого, морщинистого бородатого человека со спутанными желтоватыми патлами и в накинутой на плечи шкуре какого-то зверя — может, даже волка. Она выглядела настолько древней, что с трудом воспринималась взглядом — в ней не было чёткости, она словно мерцала, будто находилась и здесь, и не здесь одновременно.

— Кто звал меня? — прогудел в голове бесплотный голос.

— Я звал тебя, Владыка! — гордо поднял голову Власов. — Принеси в этот мир свою древнюю мудрость!

— Боже мой, как пафосно, — развёл руками Соколов. — Одно плохо — разгребать это придётся мне...

Так. Маша же была у него в руках... но сейчас её там нет! Где она? А, вон — в стороне, в нескольких шагах... Он её выпустил?

Ну да, выпустил. Выходит, Соколов всё же не на стороне Власова? Он на стороне Бурденко?

Я почувствовал, как холодеют ноги — может, колдовство подействовало, а может, увидел то, что не замечали ни Соколов, ни Власов, увлечённые своим делом: Маша, схватив с земли разряженный СКС, лихорадочно шарила вокруг в поисках разбросанных патронов!

Совершенно спокойно Соколов поднял к плечу арбалет, прицелился... Спустил курок.

Не знаю, что за стрела у него была заряжена — возможно, та самая шоковая. Сработала она очень красиво — со вспышкой и глухим ударом. Судя по траектории, она должна была попасть Власову в

спину, но этого не произошло — вместо этого взрыв произошёл в паре метров от него, и я почувствовал, как меня опять приподнимает в воздух...

В следующий момент пахнуло холодом, и меня изо всей сило приложило о зелёные от мха камни. Краем глаза я видел, как Соколова отбросило назад, словно неимоверной отдачей, Маша тоже полетела кувырком...

— Слабо, Олегыч, — услышал я голос Власова. — Я в твоём распоряжении, Владыка!

— Тебя здесь любят, как я погляжу, — раздался надтреснутый голос бородатого. — Мне это нравится...

Что произошло? «Стакан» пропал, однозначно. Похоже, шоковая стрела сработала не так, как планировал Бурденко — судя по всему, он не рассчитывал, что Власов защитится от подобного удара. Но вот отдача от срабатывания колдовства что-то сделала — я свободен, но один фиг без оружия и не факт что встану, Бурденко... а чёрт знает, здесь Бурденко или у него, говоря полузабытым уже языком айтишников, произошёл «дисконнект»... Белобрысый пацан лежит навзничь, Ярышев стоит на своей точке в тщательно выверенной позе, Маша пытается приподняться...

К Маше!

Я молниеносно вскочил — точнее, подумал, что молниеносно вскочил, вестибулярный аппарат поволок тело куда-то вбок, и я рухнул на четвереньки. Да и чёрт с ним, поползу! Времени у нас, похоже, нет совсем.

Вон Соколов — лежит, голова в крови, похоже, ударился о камень при падении. Не рассчитал Бурденко, сволочь такая- надо же, использовать пацана в виде «удалённого помощника»... Хорошо, сука, устроился, сам небось сидит в тёплом кабинете...

Как же, зараза, далеко до Маши — шагов двадцать, не меньше... когда пытаешься их проползти.

— Волк! Ты живой?

Если б я сам знал... Что-то они из меня точно выкачали своим колдовством.

— Чёрт его знает, Маша...

— У меня твоё ружьё...

Ну конечно, Маша растерянно стоит на коленях, в руках несколько патронов — само собой, заряжать её никто не учил...

— Машка, я люблю тебя, — я отобрал у девчонки карабин, затвор уже на задержке — видимо, Власов его так и бросил, главное, чтобы грязь не попала, СКС штука капризная... — Давай, я сделаю...

Один патрон, второй, третий... Всего шесть, негусто, но, может, это хоть что-то даст?

Клацнул затвор, досылая патрон в ствол, и я почувствовал себя хоть и не намного, но увереннее.

Куда стрелять? Серебряных пуль нет, бородач отпадает. Ритуал ещё не завершён, судя по всему, Бурденко как раз и хотел его сорвать, но не получилось... Как там сказал Власов в самом начале? «Жертвой нежити, вскормленной нечистью, именем смертного с силой бессмертного, силой неподвластных колдовству»... Похоже, он и правда оживил Женьку и скормил ему останки оборотня, может, благодаря этому и получил защиту от колдовства... интересно, надолго ли? Сейчас посмотрим, подействуют ли пули.

Я упёр приклад в плечо, тщательно выцелил спину Власова — руки дрожат, но и расстояние не с полкилометра. Ненавижу встрелять в спину, но с этой падлы причитается уже слишком много. В том числе за Юрку...

Выстрел! Сверкнуло — пуля словно сгорела где-то совсем рядом от Власова. Сука, он всё-таки поставил и тут защиту, и скорее всего она прекрасно держит и винтовочные пули, не только дробовые — этот соврёт и недорого возьмёт... Лезть в рукопашную? Да меня сейчас соплёй перешибить можно!

С досады я пальнул ещё дважды — тот же результат. Нет результата...

Древний выходил из кольца пробоя всё дальше, приближаясь к Власову:

— Встань, ученик, — прошелестел его голос. — Ты получишь свою награду...

Если бы хоть одну серебряную пулю! Не получится — так хоть попробовать! Отобрать у Власова ТТ... Как? До него ещё доползти надо, да он и сильнее меня, особенно сейчас, накачанный энергией пробоя...

— Волк...

Машка. Ну что ещё, Машка? Мы практически проиграли.

— Волк... Может, это поможет?

Проклятая девчонка протягивала ещё один патрон. Тот самый, казённый, от СКС. Белёсый, с номерной гильзой, который она так и не отдала ни на Болоте, ни в Управе и за который я уже уплатил штраф...

А я даже не знаю...

Словно во сне я взял патрон — казалось, руки ничего не чувствуют. Рванул рукоять — уже досланный обычный патрон, совершенно бесполезный, выскользнул из ствола, со щелчком отлетел куда-то в сторону. Я вогнал в магазин серебряный, сбросил затвор — патрон послушно скользнул в ствол...

У меня всего один шанс.

Во Власова?

Хорошо бы, но... нет.

Уперев ложе СКС в валун и тщательно выцелив голову бородатого, я потянул спуск... Как в замедленной съёмке, дёрнулась рукоять взвода при отдаче, белёсая номерная гильза, кувыркаясь, отскочила вправо...

Время остановилось.

А потом по ушам ударил вой, переходящий в рёв — словно предсмертный вопль смертельно раненого зверя.

— Обмаааааааан! — ревел бородатый, и голос его заполонял всё вокруг — то ли в реальности, то ли у меня в мозгу. Тело древнего извивалось, рвалось на полосы чёрного тумана, молнии простреливали его во все стороны. — Смееееерть! Кааарааааа!

Вспышка — и тела Власова и Ярышева охватил огонь, яркий, совершенно белый, даже скорее серебряный. Кажется, они заорали оба, а может, это были отзвуки той самой какофонии звуков, что заполоняла всё вокруг с самого начала ритуала...

Эпилог

Мы с Машей, наверное, очень долго лежали на обомшелых камнях, совершенно не чувствуя ни холода, ни боли — вообще ничего. Навалилась жуткая апатия. Дым давно уже рассеялся, огонь прогорел, вопли стихли, даже птицы защёлкали где-то на краю полянки — совершенно по-мирному.

Соколов очухался не сразу — видно, досталось парню неслабо. Приподнялся со стоном, охнул, схватился за голову... Едва смог поднять голову — первым делом высмотрел девчонку:

— Маша! Ты цела?

Кто б меня спросил, цел ли я... Такое ощущение, словно на мне сейчас наша «шишига» разворачивалась...

Девчонка, морщась, села, хотя у неё-то вроде травм не заметно — отделалась, похоже, лёгким испугом... и, кстати, опять всех спасла. Вот уж не думал, что тот брошенный патрон выстрелит так удачно — в прямом смысле. А вот студент выглядит неважно — голова окровавлена, как у красного командира из песни, волосы на голове слиплись, куртка вся чёрная, как от гари — отдача ему прилетела неслабая. И смотри ж ты — как только очухался, сразу кинулся к Маше!

— Маша, видишь, Павел Олегович же говорил, всё хорошо будет, — криво попытался улыбнуться он.

— Не справился твой Олегович, — меланхолично отпарировала Маша. — И тебя чуть не убил, и нас...

— И то верно, студент, — вставил я, закидывая руку под голову. Вставать совершенно не хотелось, на камнях древнего капища было даже чем-то уютно. — Не рассчитал ректор. Не всё учёл. И на фига, спрашивается?

— Он давно проверял Власова, — виновато помялся Соколов. — Когда к Дьяченко пришли с ним, убедился окончательно. Он же через мои глаза все ауры видел, как и я. А тут такой повод...

— Кто это был хоть? — спросила Маша.

— Я не знаю... Какой-то волхв, тёмный и очень древний. Понимаете... это не то колдовство, что сейчас — это таинства

предков... Нам до их высот ещё учиться и учиться...

— Научились уже плохому, — буркнул я, садясь. В голове замутило — похоже, слишком резко вскочил. — Зачем ты девчонку потащил сюда, студент? Так бы и дал тебе в морду...

— Вы простите, Сергей Михалыч, — вот что-что, а виноватое лицо Соколов умеет делать идеально. — Сан Саныч должен был быть уверен, что всё идёт как надо... Что с ним?

— Походу сгорел на работе, — не удержался я от банальности. Встал, опираясь на СКС, проковылял несколько шагов: — Да, типа того. Наверное, ещё и с моими пистолетами...

Пистолеты оказаличь целы, как и одежда Власова — она так и осела на землю, словно исчезло то, что было в ней. Похоже, колдовской огонь сожрал только плоть колдуна... точнее, колдунов — вон, на том месте, где стоял Ярышев, тоже лежит комок одежды.

Я тронул ТТ тыльной стороной ладони — холодный. Повертел, вытащил обойму — всё в порядке. Пожав плечами, сунул в кобуру и его, и «беретту».

Ну вот и всё. Злодей повержен, все точки над «ё» расставлены... Но почему-то мне кажется, что ничего не закончено. Наоборот — вся веселуха только-только начинается. Точнее, начнётся, стоит нам вернуться в Вокзальный.

— Сергей Михалыч! Павел Олегович на связь пытается выйти, — вдруг сказал Соколов каким-то странным голосом. Надо же — Бурденко что, почуял, что студент в сознании? Оперативненько.

— Ну соединяй, — безразлично пожал я плечами. Маша удивлённо смотрела то на меня, то на Соколова.

— Я вас поздравляю, Сергей Михайлович и Мария Андреевна, — сообщил Соколов голосом Бурденко. — Хороший ход, вам благодарность от Колледжа и от меня лично. По прибытии жду вас к себе, у Колледжа для вас отличное предложение...

— Засуньте его себе знаете куда? — абсолютно в тон ответила Маша. — Серёж, выкинь ты его из головы, ты и так на привидение похож.

— Э, Мария, погодите так дела не... — начал было псевдо-Соколов, но уже через мгновение выражение лица студента изменилось, пропала некая напыщенность, и парень тяжело выдохнул:

— Знаешь, Маш, никогда бы не подумал, что пошлю ректора настолько прямо.

— Да пошёл он, ректор ваш, — Маша демонстративно показала язык. — Пусть в следующий раз сам едет и сам по голове получает, а то всё Латошина...

— Кстати, Маша. А ты Латошина по отцу или по матери? — задал я вопрос, который беспокоил меня с самого утра.

— По матери. По отцу я Кудрявцева.

— А мать как зовут?

— Светой... а ты это к чему?

— Да так. Вспомнил случайно разговор с одним хорошим стариком...

Да. Теперь я почти уверен, о чём именно тогда говорил призрак.

А если это так — то, уверен, будет ещё немало интересного...

Читателю - от Автора

Уважаемый читатель!

Мне как автору будет очень приятно, если ты сможешь поделиться своим мнением об этой книге. К тому же, получая отклик или лайк на моей страничке, я знаю, что книга читателя заинтересовала, и не исключено, что будет продолжение!

Эту и другие книги (всегда самые свежие версии) можно найти на моей страничке на Author.today:

https://author.today/u/le_ranger

Также меня можно найти вКонтакте:

https://vk.com/le_ranger

До новых встреч, дорогой читатель!